

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1980

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1980

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

К. М. МУСАЕВ

К ИСТОРИИ СОЮЗОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В тюркском праязыке союзов как оформленной отдельной части речи, по-видимому, не было, и в функции союзных слов выступали другие части речи. Для тюркских и других агглютинативных языков отсутствие союзов не является особенно ошутимым. «Союзы как самостоятельная часть речи для дравидийских языков не характерны, и даже там, где они имеются, их употребление подчас остается факультативным»¹. Примерно такая же картина наблюдалась и в финно-угорских языках на более ранней стадии их развития: «В общепермском языке союзов, по всей видимости, было очень немного, что является следствием крайне слабо развитого гипотаксиса, поскольку в речи преобладало простое предложение... Почти все сочинительные союзы в языке коми являются заимствованиями из русского языка»².

Разговорная речь, поэтическое творчество, особенно в древний период, обходились без союзов. В. М. Насилов отмечал лаконичность и афористичность предложений древнетюркских памятников: «В памятниках, написанных стихотворным размером с рифмованными строками, в произведениях Юсуфа Баласагунского и Ахмеда Югнакского, синтаксическая структура каждого предложения несложная»³.

Вопреки «алтайской гипотезе» трудно найти общие союзы даже у таких ближайших, согласно этой гипотезе, языков, как тюркские и монгольские. Это указывает на то, что в названных языковых группах развитие союзов приходится на более поздний период, когда контакты между ними ослабли и они стали на путь автономного развития. Отсутствие общих союзов, при наличии общих словообразовательных и словоизменительных аффиксов в этих двух группах языков, свидетельствует о возникновении союзов на более поздней стадии развития языков.

В древнетюркских памятниках, особенно рунических, очень мало слов, выступающих в функции союзов. А имеющиеся употребляются преимущественно как сочинительные союзы. В. М. Насилов в свое время отмечал: «В грамматическом строе орхон-енисейских памятников союзы не являются сложившейся категорией. Синтаксический строй рассматриваемых текстов исключает как соединительно-сочинительные,

¹ М. С. Андронов. Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1978, стр. 446.

² Б. А. Серебренников. Историческая морфология пермских языков. М., 1963, стр. 375.

³ В. М. Насилов. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974, стр. 97.

так и подчинительные союзы... Единственными лексическими средствами, приближающимися к категории союзов, служат частицы *ta* 'и', 'да', 'же' и *jete* 'и', 'также', 'еще'⁴. На это указывали и другие исследователи древнетюркских памятников⁵. В орхоно-енисейских памятниках употребляются также союзные слова: *jana* 'и', 'еще', 'также', *taγu* 'и', 'еще', *azu* 'или' (в тувинском и тофском), *any ūcün* 'поэтому', *tir* 'говоря', *tijin* 'сказав': *oγly ta qaγan bolmys ärinč* (КТб, 5) 'и их сыновья стали каганами (правителями)'; *jana birtimiz* (КТб, 21) 'и мы отдали'; *jana ičikmis* (КТб, 10) 'и они подчинились'; *jolta jämä ölti kük* (Т, 16) 'на пути, возможно, многие еще (и) умерли'; *azu bu sabymda igid baγu?* (КТм, 10) 'или в моей речи есть какая-нибудь фальшь?'; *Bäsbalıq any ūcün ozdy* (Могилян, 28) 'поэтому Бесбалык спасся'; *jaγuq ärsär, ädgü aγu birür tir anča (inča) bošyurur ärmis* (КТм, 7) 'кто живет близко, тому дают хорошие дары — говоря так, он (сильно) поучал тебя'.

Древнейшим подчинительным союзом, зафиксированным в древнетюркских памятниках, является общетюркский *ūcün* 'для', 'ради', 'из-за', *anuy ūcün* 'поэтому', 'для того'.

Интересно отметить, что в языке дешифрованных тюркских рунических памятников, обнаруженных на территории европейской части СССР, союзы, так же как частицы и наречия, не встречаются⁶. Союзы не встречаются и в булгароязычных эпиграфических надписях (кроме четырех случаев арабского *wä*)⁷, относящихся к 733 году хиджры.

Искусственный характер средневековых тюркских языков Средней Азии и Поволжья, не ставших общенародными, проявляется и в особенностях их союзов: они в большинстве своем — заимствованные, так же как в современном турецком, азербайджанском и узбекском языках⁸. Интенсивное заимствование союзов из арабского и персидского языков имело место в послейсламский период в результате влияния литературного языка.

В связи с тем, что союзы в тюркских языках возникли в сравнительно более поздний период, они, естественно, формировались на базе уже существовавших частей речи.

«Союзы являются самой молодой из частей речи тувинского языка, которая возникла недавно и непрерывно обогащается. Количество союзов в тувинском языке невелико и употребляются они довольно редко. Богатство и разнообразие неличных форм глагола, склонение именных форм глагола, использование послелогов и некоторых частиц позволяют в тувинском языке обращаться к союзам реже, чем во многих других языках. Однако дальнейшее развитие тувинского литературного языка, появление обширной переводной (научной, политической и художественной) литературы заставляет все чаще использовать союзы для выражения синтаксических отношений в речи»⁹. Сказанное в равной мере относится ко многим тюркским языкам, в особенности к таким, как адтайский, хакасский, карачаево-балкарский, ногайский.

Союзы в тюркских языках возникли главным образом на основе следующих частей речи: деепричастий, наречий, вопросительных местоиме-

⁴ В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, стр. 44.

⁵ Н. А. Батманов, З. Б. Арагачы, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 135; В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, стр. 51.

⁶ С. Я. Байчоров. Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности. Автореф. канд. дисс. М., 1977.

⁷ Ф. С. Хакимзянов. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978, стр. 76.

⁸ О характере союзов в чагатайском языке см.: А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962.

⁹ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 440.

ний, условной формы глагола, количественного числительного, обозначающего первую единицу, и частиц¹⁰. В большинстве случаев промежуточной стадией между знаменательными частями речи и союзами выступают деепричастия, наречия, частицы. Древнейшие из союзов, по-видимому, развились из частиц, обычно следовавших за именем — компонентом однородных членов предложения — и оказывались между двумя знаменательными словами. Таким образом, само расположение частиц способствовало их развитию в союзы.

Процесс превращения вопросительных местоимений через стадию относительных местоимений в союзы происходил, видимо, в позднейшее время в результате влияния, оказываемого на многие тюркские языки индоевропейскими, в частности славянскими языками. Например, в караимском и гагаузском языках, подвергшихся особенно сильному славянскому воздействию, почти все вопросительные местоимения употребляются и в функции союзных слов¹¹. Аналогичное явление наблюдается и в других языках мира, так, например, в скандинавских языках относительные местоимения также развились из вопросительных¹². Причем развитие новых союзов шло параллельно с развитием сложного предложения, что свидетельствует о некотором типологическом сходстве в развитии языков разных систем.

По-видимому, первыми возникли сочинительные союзы, поскольку на том этапе развития тюркских языков в них так же, как и в настоящее время, было достаточно средств для реализации подчинительной связи (деепричастия, причастия, падежи и т. д.). Таким образом, можно предположить, что в тюркских языках подчинительные союзы являются вторичными по отношению к сочинительным.

Как уже отмечалось, формирование подавляющего большинства союзов в тюркских языках началось в послесламский период их развития. Именно с этого времени происходит интенсивное развитие союзов за счет двух источников: а) собственных ресурсов языка (в основном в народно-разговорной речи, в языке фольклора, устной литературы) и б) заимствований из других языков, главным образом — арабского и персидского языков (в литературных языках, подвергшихся сильному арабо-персидскому влиянию). Соотношение влияния этих источников колеблется в разных тюркских языках в зависимости от исторических условий их развития.

По своей структуре союзы в тюркских языках подразделяются на простые, производные и сложно-составные. Наиболее древними из них являются простые союзы, морфологически нечленимые.

В современных языках широкое развитие получили сложные союзы, имеются и «гибридные союзы» — со значением других, очень разнообразных категорий¹³: наречий, местоимений, деепричастий, а также наиболее часто встречающихся — частиц. Этот тип союзов все больше распространяется в современных тюркских языках. Количественный рост союзов в тюркских языках является своеобразным индикатором усложнения их синтаксического строя.

Подавляющее большинство союзов в тюркских языках возникло в различных ареалах и отдельных языках самостоятельно. Этим объясняется крайняя малочисленность в них общих союзов. Таким образом, раз-

¹⁰ См.: С. А. Соколов. Конъюнкционализация в турецком языке. — «Советская тюркология», 1977, № 2, стр. 24—29.

¹¹ К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964; Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964.

¹² М. И. Стеблин-Каменский. История скандинавских языков. М.—Л., 1953, стр. 249.

¹³ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1972, стр. 554.

витие союзов и частиц в более поздний период (после распада тюркского праязыка) свидетельствует об особенностях ареального и самостоятельного развития тюркских языков. Поэтому этот фактор тоже может служить одним из классификационных признаков тюркских языков.

Материалом для образования некоторых союзов в тюркских языках послужили пратюркские общие элементы, к моменту распада этих языков уже созревшие для перехода в разряд союзов. Именно они и характеризуются общей формой и общим значением в современных тюркских языках и их диалектах.

Наиболее распространенным и широкоупотребительным тюркским союзом является союз *da*, представленный во всех современных тюркских языках. Его следует считать общетюркским. В тюркских языках он имеет от двух до восьми фонетических вариантов: чередуются начальные согласные *d/t* и конечные гласные: *a/e/ā/o/ō*, например, алт. *da/de/do/dō*; *ta/te/to/tō* и другие; кирг., б. тат., тат., башк., каз., ног., ккалп., кар., ктат., кбалк., кумык., туркм., азерб., гаг., тур., узб., уйг. *da* с вариантами, чув. *ta* с вариантами, якут. *daʔaɲu*, хак., тув. *dā* с вариантами.

Во всех языках этот союз представлен прежде всего как сочинительный (соединительный) союз со значением «и», «также», «а также», «да», «тоже».

Степень употребления данного союза в различных тюркских языках не одинакова. Например, в языках, подвергшихся сильному влиянию арабского и иранских (литературного персидского прежде всего) языков, в функции соединительного союза употребляется преимущественно арабский союз *wa*. Это — огузские и карлукские языки (тур., азерб., туркм., гаг., узб., уйг.).

В ряде тюркских языков *da*, вступая в сочетание с другими служебными элементами, образует сложные союзы: ктат. *da ... da* 'то ... то', чув. *tata* 'и', 'да'; в некоторых языках сочетается с заимствованными служебными элементами: узб. *hamda*, кар. т. *da vale* 'и все-таки' и др.

В тех языках, где этот союз вытеснен заимствованиями, он употребляется только в определенном локальном значении. Например, в турецком языке *da* «в отличие от союза *ve*, при соединении членов предложения выражает сильный логический акцент, падающий на тот член предложения, за которым следует эта энклитика»¹⁴. В узбекском он служит для «соединения следующих друг за другом действий»¹⁵. Кстати, в «Узбек тили грамматикаси» (т. I, 1975) союз *da* не отмечен.

Союз *da* восходит к усилительной частице *taɣu* (*daɣu*), возникшей от глагола *taq-* 'присоединять' + форма деепричастия *-i*¹⁶, существующей во многих тюркских языках в разных фонетических вариантах: кирг. *daɣu* 'еще', якут. *daʔaɲu*, каз., ккалп., башк. и др. *taɣu*, каз. *taɣup*, ккалп., каз. сложн. *taɣu da* 'и также' и т. д. Промежуточный этап в развитии *daɣu* > *da* представляет собой тув. и хак. *dā*.

В древнетюркских памятниках наряду с приведенными вариантами со звонким согласным между гласными встречается форма с глухим согласным: *taɣu* (см. ДТС, 536) 'еще', 'пока', 'сверх', 'и', 'также': *alalɣu jā taɣu qalqan tamɣa bizgā bolsun buian* 'возьмем луки и щиты, и пусть тамгой нам будет благодать' (ЛЮК, II, 7).

¹⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 356.

¹⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 328.

¹⁶ J. Deny. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, стр. 265, 670; С. Е. Малов сравнивает это сочетание также с монг. *daḳin* 'повторно, снова' — деепричастие от *daḳiḳu* (см. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 426).

Вариант *ta* в древнетюркских памятниках еще не отмечен. Возможно, это указывает на то, что приведенное выше фонетическое развитие союза произошло в более позднее время — после XI века — самостоятельно в каждом из тюркских языков.

Можно предположить, что в пратюркском языке общетюркский союз *taqu* еще выражал недифференцированное значение наречия, усиительной частицы и соединительного союза.

Как отмечает Н. З. Гаджиева, рассматриваемый союз представляет собой яркий пример развития союзной функции на базе усиительной частицы *da*. В процессе образования постпозитивных союзов из усиительных частиц можно условно выделить три этапа: 1) постпозитивная частица, присоединяясь к глаголу или имени, сохраняет усиительное значение, не имея еще союзного значения; 2) развивается союзное значение при сохранении еще и усиительного значения; 3) союзное значение, приобретая разнообразные оттенки, становится основным¹⁷.

Общей чертой союза *da* является его главная функция — соединительная. В остальном тюркские языки имеют весьма много различий, еще недостаточно изученных. С. А. Соколов указывает, что в турецком языке «подчас трудно даже строго очертить круг значений *da*, *de*, и эта союзная частица выступает как бы в функции „сигнала подчинения” вообще, конкретные проявления которого уточняются лишь в контексте»¹⁸. Однако этот союз имеет широкие функции и множество семантических вариаций. В функции союза *da* выступает как соединительный союз «и», как противительный союз «а», как временной, условно-уступительный союз «но». Это обусловлено, по-видимому, наряду с другими факторами, и тем, что *ta/taqu* первоначально мог соединять не только однородные, но и разнородные, необъединяемые и противопоставляемые понятия.

На базе усиительно-выделительной функции частиц вначале при именах и глаголах, затем и при предложениях, наряду со значением соединительных союзов, развиваются и значения противопоставленности двух действий, их обусловленности, временного соотношения, то есть не только сочинительные, но и подчинительные отношения. Многие тюркские подчинительные и сочинительные союзы ведут свое происхождение от усиительных частиц. Преобразование частицы *da* в союз, как и в других аналогичных случаях, осуществлялось постепенно. «И некоторое время *da* не могла переместиться с занимаемого ею места частицы, то есть, приобретая новые качества, она продолжала примыкать к концу предложения. Этим и объясняются случаи трансформации однородного сказуемого при связующем *da*, занимающем позицию в конце предложения»¹⁹.

Среди других наиболее распространенных в тюркских языках союзов в первую очередь следует отметить *ja*, который принято считать персидским по происхождению. Основное его значение — разделительное, и он чаще употребляется сдвоенным: *ja ... ja* в значении «или», «или же», «но». Этот союз имеется во всех современных тюркских языках, за исключением, может быть, якутского и тувинского, в различных фонетических вариантах, связанных с изменением как начального согласного, так и конечного гласного: каз., ккалп., кум., тат., азерб., тур., туркм., гаг. *ja*; уйг., башк., б. тат. *jā*; чув. *je*; узб. *jo*; кирг. *že*; алт. *že*; хак. *še*.

¹⁷ Н. З. Гаджиева. О двух источниках развития союзных сложных предложений в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 31.

¹⁸ С. А. Соколов. Указ. раб., стр. 27.

¹⁹ Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 32.

Широко употребительны в современных тюркских языках среднеазиатского и западного ареалов сочетания союза *ja* с другими союзами — *da*, *ki*: кум., туркм. *jada*, уйг., каз., ккалп., тат. *jaki*, башк. *jäki* и др. По мере дальнейшего развития союз *ja*, также как и союз *da*, соединяется и с другими союзами и словами: тат. *jaisä* — разделительный союз; кар. т. *jemesjä* 'или' (ср. каз. *nemese*); уйг. *ida/idä* (< *ja + ja*).

Повторное употребление этого союза как разделительного широко распространено в тюркских языках: ктат., ног., каз. и др. *ja... ja* 'или... или'.

Вполне возможно, что союзы *ja* и *da* имеют общую модель происхождения: *taqu* > *ta/da*, *jaqa* > *ja* (глагол *jaq-* 'присоединять' + аффикс деепричастия), в которой отпадает второй слог.

Другие союзы распространены в определенных регионах тюркских языков, хотя некоторые из них и являются весьма древними. Например, союз *jana* в различных фонетических вариантах употребляется в основном в кыпчакских языках и в соседних с ними: уйг. *jana*, башк. *jänä*, тат. *janä*, каз. *žäne*, кирг. *žana* и др.

По фонетической структуре к союзу *jana* близок заимствованный из арабского языка союз, получивший распространение в ряде языков, подвергшихся влиянию книжного языка: азерб. *jä'ni*, уйг. *jäni*, башк. *jäyni*, каз. *jayni* и т. д. Эти союзы не имеют единого значения, хотя все они являются сочинительными союзами. В некоторых языках (уйгурском) такой союз выступает как разделительный, в большинстве же — как пояснительный («то есть»).

Союз *jana* встречается в языке орхонских надписей, в надписи памятника Бильге-кагану (Могиялану), относящемся к первой половине X века, в значении усилительной частицы «опять», «снова»²⁰.

Другие союзы в тюркских языках имеют более ограниченные районы распространения.

A — противительный союз 'а', 'но', 'однако': каз., кирг., тув., кбалк., б. тат. *a*; тат., башк. *ä*; более древней формой союза *a* является, по-видимому, союз *al*, сохранившийся в этой полной форме в ряде тюркских языков: ккалп., каз., кирг. *al* — с тем же значением. Этот союз также имеет генетическое сходство с оморфной частицей, ср. каз., кирг., ккалп. *al* 'ну', 'вот'.

На базе союза *a* образованы также сложные союзы в некоторых тюркских языках: кирг. *al emi* 'а теперь', 'что касается' (< *al + emi*), алт. *ajsa* 'или' кар. т. *ato* 'но', 'однако'.

Перечисленные выше союзы, возможно, относятся к числу наиболее древних, имеющих общий источник происхождения и образовавшихся в тюркских языках в результате сходного развития. Другие союзы возникли в более позднее время, по крайней мере, после XI—XIII веков. Их происхождение прослеживается весьма явственно.

Развитие союзов как самостоятельной служебной части речи происходит в большинстве тюркских языков индивидуально за счет наречий, глагольных форм, частиц, местоимений и других частей речи. Однако в ряде из этих языков такое развитие имеет много общего.

По-видимому, союзы, возникшие на базе частиц, относятся к наиболее древним. К их числу относятся каз., кар., кум., ног. *tek* 'но', 'только', 'однако' (восходит к ограничительной частице *tek*), тат., башк. *tik*; чув. *täk/täk* — имеет несколько иное значение: «если». Можно полагать, что этот союз характерен в основном для кыпчакских языков.

²⁰ Г. Айдаров. Язык орхонского памятника Бильге-кагану. Алма-Ата, 1966, стр. 31.

Ряд союзов возник на базе имени числительного; например, на базе числительного *bir* посредством сочетания его с другими словами, преимущественно служебными элементами, возникли союзы: каз. *bırde*, хак. *pirde*, тув. *birde*, чув. *përre* со значением разделительного союза «то... то», ср. также каз. *bırese* 'то', тув. *bir eves* 'если'. Отсутствие четко выраженных ареалов этих союзов говорит, по-видимому, о самостоятельном их возникновении в разных языках, хотя модель — общая. Употребление слова *bir* в союзной функции в чистом виде отмечено в турецком языке²¹. Другой союз, возникший на базе количественного числительного *bir*, имеет строго очерченный среднеазиатский ареал: каз., ккалп. *bıraq*, уйг. *biraq*, узб., кирг. *biroq* 'но', 'однако' (сочетание количественного числительного с усилительно-ограничительной частицей *-aq*). Дальнейшее развитие этого союза происходит путем присоединения частицы *da/ta*: каз. *bıraqta*, кирг. *biroqta* 'но', 'однако же'.

Наконец, наибольшее распространение в тюркских языках получил союз, возникший от глагольной основы, образованной от числительного *bir* (*bir* + глаголообразующий аффикс *-la* + аффикс деепричастия *n-*)²²: кум. *bulan*, узб. *bilan*, уйг. *bilān*, туркм. *bilen*, кирг., каз. *benen/menen/penen*; тув. *bile*, кбалк. *bla*; каз. *men/ben/pen*, ног. *man/ban/pan/men/ben/pen*; ктат. *nen/ile*, гаг. *lan/lān/nan/nān*, тур. *ile/la/le*, алт. *la/le/lo/lö*, хак. *naŋ/neŋ* — все с соединительным значением «и».

Вполне возможно, что первичная форма данного союза, выступавшая вначале в функции послелога, а еще ранее — наречия-деепричастия, является общетюркской и существовала еще в пратюркскую эпоху, о чем свидетельствует широкая распространенность этого слова и возникшего на его основе союза. Числительное со значением «один» также наиболее употребительно в речи. Именно поэтому на его основе, а не на основе других числительных, и возникли союзы.

Ряд союзов восходит к глаголам, имевшим и имеющим наибольшую частоту употребления. Самыми употребительными в этом отношении оказались глаголы бытия: *bol-*, *er-* и глагол говорения (речи) *de-*.

Вероятно, эти союзы возникли в каждом из тюркских языков самостоятельно, преимущественно как подчинительные. К ним относятся возникшие от глагола *bol-* в форме условного наклонения или в формах причастия: ккалп. *bolsa* 'а', уйг. *bolsa* — условно-уступительный союз, туркм. *bolsa* — союз причины, тур. *olsun... olsun* — разделительный, гаг. *ösa/ösaıdy* 'или', кирг. *bolboso* 'если', каз. *bolmasa*; уйг. *bolıač* — причинный союз, тув. *bolıyas* 'и'; якут. *büolbakka* 'если не' — союз со значением отрицания и противопоставления, *büollaıyına* — союз, выделяющий член предложения; чув. *pulinte, pulsanta* 'хотя', 'несмотря на'; от глагола *er-*: азерб. *ikan, isä*, алт. *emeze* 'или', 'или же', якут. *erëri* 'но', 'хотя'.

Союзы, возникшие на базе глагола речи *de-*: кбалк. *deb*, азерб. *dejib* 'говоря'; кбалк. *degen*, каз. *degenmen* 'однако'; алт. *deze* 'а', хак. *tizen* 'но', 'однако', чув. *tese, tesen* 'чтобы'; кирг. *nege desen* 'потому что', гаг. *dein/dejini* 'чтобы' и т. д.

В некоторых тюркских языках местоимения различных разрядов употребляются в роли союзов и союзных слов. Здесь также преобладает принцип частотности употребления местоимений. Наиболее употребительным союзным словом является вопросительное местоимение *ne*, ко-

²¹ С. А. Соколов. Указ. раб., стр. 29.

²² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 314.

горое в тюркских языках, так же как и его соответствия в других языковых группах мира, в особенности — в индоевропейских языках, превращается сначала в относительное местоимение, затем — в союзное слово и, наконец, обнаруживает тенденцию перехода от вопросительного местоимения к союзу.

Ne во всех языках, где оно выполняет функцию союза, употребляется в роли разделительного союза, преимущественно — сдвоенным при отрицательной форме глагола: каз., кбалк., кум., ккалп., ног., кар., ктат., гаг. *ne...ne* 'ни...ни' (в казахском, карачаево-балкарском, кумыкском и некоторых других языках имеет также значение «или...или» — при положительной глагольной форме); тат., чув. *nī...nī*, азерб., уйг. *nā...nā*.

Немало союзов образовано присоединением данного союза к другим словам, и количество подобных союзов в настоящее время продолжает расти: кбалк. *peda, peja* 'или', *neyčün deseq* 'потому что', кар. *neginčä* 'до тех пор, пока', кум. *nege dese* 'потому что', 'так как', ног., ккалп., каз. *nege deseq* 'потому что', гаг. *nečinki* 'так как', 'потому что' и др.

По сравнению с *ne* другое вопросительное местоимение, служащее для обозначения категории человека — *kim*, менее употребительно в функции союза: кар., азерб. *kim* 'кто', каз. *kim... sol* 'кто тот', тур. *kimi... kimi* 'одни...другие'.

Если принять версию о происхождении союза *ki* от вопросительного местоимения *kim*, то это, по-видимому, может быть отнесено к языкам, подвергшимся сильному влиянию персидской литературы и языка, а также литературного — «чагатайского» языка. Это в основном — огузские, карлукские и северокавказские (поволжские) языки, где *ki* наряду с другими союзами, заимствованными из персидского и арабского, получил широкое распространение. Новые союзы на базе *ki* также образуются преимущественно в огузских и карлукских языках.

В более поздний период и другие вопросительные местоимения приобретают, в результате развития синтаксиса языков под влиянием литературы, двуязычия и многоязычия, функции союзных слов и союзов: кбалк. *qajaj* 'как', гаг. *nasy* 'как', кбалк. *qačan*, гаг. *ačan*, азерб. *hačan* 'когда', каз. *kejde* 'иногда' и т. д. Новые союзы образуются также посредством сочетания вопросительных местоимений с другими словами: каз. *qarša...sonša*, кирг. *qanča...oşončo* 'сколько...столько'; каз. *qandaj...sondaj*, уйг. *qandaq...şundaq* 'какой...такой' и т. д.

Много союзов возникло на базе указательных местоимений. Причем большая часть их восходит к местоимениям, обозначающим «отдаленный предмет» — *ol, sol* 'тот', 'упомянутый', очень мало союзов образовано на базе *bu*. Самым продуктивным местоимением оказалось *ol*, которое, принимая словообразовательные и падежные аффиксы, и сочетаясь с разными словами, образует союзы и союзные слова, связывающие как сочинительные, так и подчинительные элементы. Все это относится к более поздней эпохе развития тюркских языков и в основном не повторяется, что свидетельствует о самостоятельном развитии этих союзов в каждом из тюркских языков: кбалк. *alaj* 'но', хак. *alaj* 'или', якут. *onon* 'поэтому', 'вследствие этого', каз. *sondyqtan* 'поэтому', кирг. *oşondyqtan* 'потому что', якут. *uonna* 'затем', 'и', 'еще'; хак. *alaj ba* 'или', каз. *alaj da* 'однако' и т. д. В ряде языков можно проследить образование союзов по единой модели и из одних и тех же компонентов: каз. *öjtkeni*, ккалп. *öjtkeni*, кирг. *antkeni* 'потому что', 'так как'; продолжение древнетюркских традиций можно проследить в образовании следующих союзов: ккалп., каз. *onyñ üşin*, кар. *anyñ üčün*, азерб. *onun üčün*, кбалк. *any üčün*, кум. *onu üčün*, якут. *ol ihin* 'поэтому', 'потому' и т. д. Отмеча-

ется дальнейшее осложнение союзов, возникших на базе указательного местоимения: кирг. *oŋentkenimenen*, каз. *öjtkenimen* 'несмотря на' и т. д.

Некоторые формы указательного местоимения *oI* в роли союза зафиксированы еще в древнетюркских рунических памятниках: *Taj bilgä tutuquŋ jabu atady, anta kisrā qanum qaŋan uŋdu* 'Тай-Бильгя-Тутука он наименовал титулом ябгу, после этого (тогда, там) мой отец каган скончался' (МЧ, 11—12).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а) названий источников:

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
КТб — Памятник в честь Кюль-Тегина, большая надпись,
КТм — Памятник в честь Кюль-Тегина, малая надпись,
ЛОК — Легенда об Огуз кагане,
Могилян — Памятник Могилян (Бильге кагану),
МЧ — Памятник Моюн-чуру,
Т — Памятник в честь Тоньюкука;

б) названий языков:

б. тат. — барабинско-татарский,
гаг. — гагаузский,
кар. — караимский,
кар. т. — тракайский диалект караимского языка,
кбалк. — карачаево-балкарский,
ктат. — крымско-татарский,
кум(ык). — кумыкский.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Е. И. МАШТАКОВА

ДВА ТАХМИСА¹ ВАСЫФА ЭНДЕРУНЛУ КАК СОЧИНЕНИЕ ТУРЕЦКОЙ «ГОРОДСКОЙ» ЛИТЕРАТУРЫ

Усиление национального начала — одна из главных особенностей переходного периода в истории турецкой литературы, длившегося, примерно, около двухсот лет, начиная с середины XVII века. Данный процесс был органически связан с пробуждением национального самосознания турок. Все это происходило в эпоху, когда одни социально-экономические факторы, определявшие жизнь турецкого общества в период средневековья, постепенно отмирали и возникали качественно иные факторы, ставшие в условиях нового времени основой зарождения буржуазных отношений.

В то же время и в литературе происходили глубинные изменения: постепенно исчезало или преобразовывалось старое, зарождалось и укреплялось новое. Переходный период завершился Танзиматом², литература которого типологически была просветительской. Новаторская по своей сути, она начала зарождаться еще в недрах средневековой культуры, что особенно было заметно на поздней стадии развития последней.

В переходный период вырабатывались предпосылки и некоторые «первоэлементы» будущей литературной системы, основой которой служили собственные национальные традиции. Под воздействием ряда факторов эта основа получила затем ускоренное развитие. Роль ускорителей здесь сыграли также и межнациональные контакты — турецко-европейские, в частности. Их значение все возрастало по мере определившейся к концу указанного периода переориентации в традиционных инонациональных связях турок: с Востока — на Запад. Исторически объяснимое влияние европейской культуры на турецкую вступило во взаимодействие с рядом тенденций, более или менее оформившихся в самой турецкой литературе.

Эти тенденции представляли собой известный комплекс. К числу важнейших из них относилась, например, тенденция к демократизации, получившая многообразные проявления. Существенна в этом плане также постепенно изменявшаяся адресованность литературы. Известно, что средневековая поэзия адресовалась в основном придворным читателям и образованным знатокам художественного слова из господствующего класса. В рассматриваемый период (особенно в конце его) литература

¹ *Тахмис* — строфическое стихотворение, состоящее из пятистиший, в которых к каждому бейту чужой (иногда и собственной, авторской) газели присочиняются по три оригинальных строки.

² *Танзимат* — буржуазные реформы в Турции (1839—1870-е гг.); этим же термином обозначается также определенный этап в истории страны и ее культуры.

уже учитывала возросшую роль городского населения и расширение за его счет читательских кругов. Появились сочинения, рассчитанные именно на эту аудиторию, с персонажами, нередко принадлежавшими к ремесленному или торговому сословию. Литература все чаще обращалась к новым для нее условиям жизни, чуждым прежней придворной поэзии.

Все это повлекло за собой изменения в образном строе, в описании окружавших героя реалий и, наконец, — в самом поэтическом языке. Новаторство в литературе в те времена осуществлялось, в основном, путем известного преодоления жесткой нормативности. Постепенное расшатывание последней в турецкой литературе происходило в весьма усложненной форме и в замедленном темпе, впрочем, так же как и многие другие процессы в эволюционном развитии Османской империи той поры.

Эти ведущие (но тогда еще не господствующие!) тенденции проявлялись в литературе, что, в частности, можно видеть в стремлении авторов приблизить «предмет» изображения к реальной действительности, отобразить народную жизнь в формах, близких к народной же поэзии; отсюда — обращение к турецкому фольклору, столь характерное для поэзии того времени.

Оживление связей письменной турецкой литературы с фольклором представляется нам вполне закономерным. В кризисные или переходные периоды развития литература в поисках новых средств художественного отображения или новых импульсов для расширения охватываемого диапазона, как бы обращается к своим истокам, черпая в них силу. Так было всегда.

В рассматриваемый период оживление и упрочение связей письменной турецкой литературы с фольклором выразилось в использовании сюжетов народных рассказов, сказаний и дастанов, в появлении героев фольклорного типа, наконец, — в освоении традиции плутовской новеллы. Поэты прибегали к народной системе стихосложения (*хедже*), к некоторым жанрам народной песни (например, *тюркю*), к средствам фольклорной поэтики; вводили в свои стихи пословицы и поговорки.

Вызревание национальных черт турецкой литературы происходило еще в недрах средневековой письменной словесности. Так, особенности поэтического творчества Наби (1642—1712) и Сабита (1650—1712) определяются сочетанием традиционных черт, присущих придворно-аристократической поэзии, и новых, выразившихся в расширении тематики стихов, их гуманистической направленности, демократизации героя и др. Достижения двух прославленных поэтов творчески развил Недим (1692—1730). В стихах этого блестящего представителя своеобразной поэзии «эпохи тюльпанов»³ заметно стремление воспроизвести местный колорит, ввести элементы бытописательства, использовать некоторые фольклорные жанры (им, например, на основе *тюркю* создан новый жанр песни *шаркы*). Недим был новатором в области поэтического языка и стиля, что выразилось в его обращении к просторечной лексике, разговорной манере высказывания и др.

В этом же русле почти сто лет спустя на новом этапе исторического и литературного развития Турции протекало творчество Васыфа Эн-

³ «Эпохой тюльпанов» принято называть, примерно, первую треть XVIII века, когда почти во всех видах искусства и литературы Турции нашло отражение увлечение высших слоев общества разведением тюльпанов.

дерунлу⁴ (ум. в 1824 г.). Известный придворный поэт, он в подражание Недиму создал немало стихов в стиле народных песен, написанных живо, с юмором. Язык поэта насыщен разговорными оборотами и интонациями, свойственными прежде всего стамбульскому говору. Он сыграл заметную роль в истории развития турецкой поэтической речи, которую обогатил рядом новшеств. Некоторым последующим поэтам, несмотря на все их усердие, этого сделать так и не удалось.

В ряде произведений Васыф Эндерунлу использует традиционные поэтические формы для выражения нового содержания, отображения ранее чуждых придворной литературе сторон реальной жизни.

Наиболее ярко проявились некоторые названные нами важные тенденции и прежде всего — особенности «городской» литературы в одном из поэтических сочинений Васыфа Эндерунлу. Состоит оно из двух тахмисов⁵. Первый назван «Женские речи в форме советов и наставлений из уст матери». Второй — «Превосходные ответы из уст дочери Зибенде Гевхер»⁶. Поэма, состоящая из двух развернутых монологов, отражает, по сути, конфликт поколений. Мать и дочь как бы представляют две эпохи, обнаруживая, в частности, полную противоположность взглядов на такие существенные для этих женщин институты, как брак и семья. Обе они сходятся на том, что замужество определяет всю дальнейшую судьбу женщины, ее положение в обществе, материальный уровень жизни. Но если прочное имущественное положение представляется матери самым главным, даже решающим, то дочь, понимая его важность, все же считает основой брака любовь. Столь разные позиции определяют основной конфликт произведения, который избран автором далеко не случайно. Следует иметь в виду, что поэма (помещенная в сборнике стихов поэта — диване «Розовый сад помыслов») написана, возможно, еще на рубеже XVIII—XIX веков. Своим сочинением Васыф Эндерунлу предвосхитил разработку будущей просветительской литературой одной из важнейших ее тем — положения женщины в семье и обществе. Лишь спустя более полувека эта острая проблема надолго завладела вниманием многих писателей. В литературе же переходного периода она почти не нашла своего отображения.

Поэма создавалась в то время, когда патриархальный уклад жизни еще безраздельно господствовал в стране. Отец, глава семьи, единовластно решал судьбу дочери, подыскивая ей жениха, при этом главным критерием у него были богатство и знатность. В известной мере, тем самым определялось и будущее положение всей семьи невесты, что нашло прямое выражение в словах матери, обращенных к девушке:

⁴ В старину предпочитали форму Enderûni.

«تخمیس با اصطلاحات زنان در وادی نصع وپند از دهان والده»، «جوابنامه»
پسندیده اثر از دهان دختر زبنده گهر — دیوان گلشن افکار واصفی اندرونی،
بولاق، ۱۲۵۹. Tahmîs bâ estelahât-e zanân dar vâdi:je nash o pand az dahân-e

valide», «Zavâbnâmeje pasandi:de asar az dahân-e dohtar-e zibendeje g'ouhar». — В кн. Vâsyf Enderûni: Divân-i Gülşen-i Efî'âr. Bulak, 1259 (1845). Соответственно 33 и 32 пятистишия, где пятая строка является рефреном, особым в каждой из двух частей сочинения.

⁶ Возможен и другой перевод второго заглавия: «Достойные ответы из уст дочери-красавицы».

«Твой отец, может быть, и отдал бы тебя за [кого-нибудь] из господ. Благодаря тебе и мы хоть перебрались бы в особняк на побережье» (I, 11)⁷.

Семья, принадлежащая к так называемым средним слоям, мечтает пробиться в более высокие круги общества. Мать конкретно представляет это себе как переселение в дом на берегу Босфора, где жили богатые и знатные люди. Она и наставляет дочку быть разборчивой, не ошибиться в выборе мужа: «Не питай склонности к стражам порядка⁸ и к воинам паши»⁹ (I, 11).

Мать и дочь по-разному относятся к ремеслу как средству заработка для мужчины, главы семьи. Матери оно кажется непрестижным. Иное дело, если ремесло становится искусством. Мать поощряет девушку к овладению дома искусством ткачества:

«Приучай свои руки к ткацкому станку, не обманывай себя тем, что на роду тебе написано. Пусть, кто увидит твою работу, восхищается: — Ах, какое совершенство!» (I, 15).

Девушка недоумевает, что зазорного видит мать в продаже ткацкого изделия? Продают же, например, разную посуду и кухонную утварь (II, 4). Для нее, рукодельницы и мастерицы, кажется естественным торговать тем, что сработано своими руками. В этом уже сказывается веяние времени. Но известно, что нарождавшиеся тогда новые отношения в сфере производства еще далеко не устоялись и не успели отложиться в сознании широких слоев общества как новые понятия.

Линию поведения в быту, как и прежде, определяют установления шариата, нормы обычного права и традиционная для того времени порядочность. Естественно, мать озабочена тем, чтобы юная девушка свято придерживалась всего этого. Отсюда одно из первых материнских наставлений: выходить на улицу только под *яшмаком* (I, 2), не появляться без него даже у себя в доме перед кем бы то ни было посторонним (не из своего гарема) — тринадцатилетняя девочка уже достигла возраста невесты (I, 14).

Мать и дочь занимает главным образом предстоящее замужество девушки. Однако их высказывания содержат некоторые любопытные сведения не только о свадебных обрядах турок, но и о быте и нравах столыцы того времени. Мать заранее заботится о приготвлении всего необходимого: ведь «каждый день толпами ходят свахи» (I, 23). Она твердо убеждена, что невеста с хорошим приданым преуспеет в жизни (II, 33). Мать велит дочери не лениться, припасать салфетки, вышитые платки, рубахи и другие традиционно обязательные вещи:

«Клади, набивай кипарисовый сундук, собирай приданое» (I, 23).

При этом она наказывает не платить слишком дорого — по кисету денег за аршин бязи (I, 24). Подробно обсуждается наряд невесты. Упоминаются присылка женихом кольца после помолвки, предсвадебные празднества: церемония хны (*кына геджеси*) и обряд обрезания локонов (*сач* или *зюлюф кесме*) (I, 28, 4, 27; II, 17). Идет разговор и о других свадебных обрядах, об устройстве в это время разных игр и, наконец, о

⁷ Васыф Эндерунлу. Диван «Розовый сад помыслов»; здесь и далее при цитировании римскими цифрами обозначаются тахмисы (I — монолог матери, II — монолог дочери) и арабскими — порядковый номер пятистишия (пронумерованы нами соответственно с I по 33 и с I по 32 включительно); в оригинале шрифт арабский.

⁸ Ругругу (ист.) — накидка из красного сукна, какие носили полицейские.

⁹ Paşaly — воин личной свиты паши, куда часто набирались и деклассированные элементы.

«дне пача» (*пача гюню*), когда молодых в последний день свадьбы потчуют кушаньем из бараньих ножек (I, 27). Здесь все реально, все взято из жизни. Одним только бытописанием выделяются два эти тахмиса Васыфа Эндерунлу из общей массы произведений турецкой средневековой поэзии.

Жизненно достоверны и характеры героинь поэмы. Мать и дочь во многом натуры разные, что выражается прежде всего в их суждениях о браке и отношениях в семье. Представления матери традиционны. Она учит дочь быть услужливой, покорной старшим (отцу, мужу, свекрови и даже соседу отца). Высказывается это, например, таким образом:

«Жди от свекрови одобрения, стань для нее рабыней-служанкой.
Если скажет тебе, что грязно, — вытри» (I, 1).

Мать далее внушает: «Не бездельничай, будь расторопной, дома веди дела исправно» (I, 6), затем следует ряд хозяйственных и житейских советов (I, 17, 25 и др.). Практичная женщина подсказывает дочке: и о себе не забывай, «всегда придержишься поговорки: „минувшее счастье не умирает“» (I, 32) (то есть оно остается с человеком)¹⁰.

Мать, воспитанная в старом духе, боится осуждения людей, прежде всего соседей. Главный повод для ее беспокойства — легкомысленное, с ее точки зрения, отношение дочери к замужеству. И, пожалуй, для этого есть основания. Мать и уговаривает ласково девушку, и пытается урезонить, и резко одергивает, не выбирая выражений: «Болтай, да не говори вздора!» (I, 32), «Не возражай, заткнись!» (I, 33)¹¹. Основная мысль, выраженная в монологе матери, заключена в рефрене, едином для всего первого тахмиса:

«Не будь уличной потаскушкой, будь порядочной домовитой женщиной!»¹².

Не желая ни в чем уступать матери, высказывающей прописные истины, дерзкая своевольная девушка на любой ее совет находит возражение. Она с презрением говорит о тех, кто женится, чтобы приобрести себе служанку в дом (II, 11). Она сама вовсе не собирается посвящать свою жизнь домашним делам и говорит об этом вполне определенно: она не будет попусту париться на кухне (II, 2).

«Разве нужно, чтобы я умела стирать белье?
Да я этими пухлыми ручками не смогу и выжать стиральное...
Разве мне подходит натягивать веревки и развешивать белье?
Пусть уж остаются в стенном шкафу постель и, особенно, — веретено
да чесалка» (II, 12).

«Ты мне не толкуй про лепешки и лапшу.
Не умю я возиться с этим тестом, с самсой да баклавой.
Приготовлю какие-нибудь кушанья, что попроще,
Чтобы завтра поутру отправиться в конак, куда пригласили» (II, 13).

При всей строгости распорядка жизни и ограничениях девица находит возможность пококетничать с мужчинами, болтает о тайных свиданиях: все ее помыслы только тем и заняты. Она напоминает матери: «Когда ты была молода, разве ты сидела одна-одинешенька дома?» (II, 3). Как видно, дочь не намерена скучать в одиночестве. Не обращая внимания на пересуды соседей, она выезжает на прогулки (II, 3).

«Говорят мне: — Распутница, жаль тебя, завалашую!
А разве не жаль моей молодости? ...» (II, 10).

¹⁰ Geçen kut lăjemut.

¹¹ Dil dök jabāna sôjlemejüb; kâpa kutunung kapāyyny!

¹² Olma sokak süpürg'esi, kadyñ kadyñzak ol.

В ответ на увещания и предостережения матери дочка с озорством отвечает, что не собирается упускать свои радости в жизни: «Я с полюбовником столкуюсь [сначала], а уж замуж выйду потом!» (II, 1).

Дочь энергично отстаивает свое право на свободу выбора в любви, желая самостоятельно решать свою судьбу. Раз никто ей не поможет, пусть хоть не мешают. При этом она шутливо ссылается на поговорку: «Сирота сам себе перерезает пуповину» (II, 15). Девушка уверена, что ее жизненный опыт превосходит материнский, и аргументирует свою правоту новой поговоркой: «Тот ли много знает, кто долго живет, а не тот ли, кто много ходит?» (II, 14). Заметим, кстати, что собеседницы вообще охотно прибегают к пословицам и поговоркам.

Благонравное поведение девушке не по душе. Солидного жениха, которого ей подыщет отец, она заранее отвергает. И все твердит:

«Я сама себе найду дружка пятнадцатилетнего!»¹³.

Эти слова, являющиеся рефреном во втором тахмисе, выражают самую суть высказываний дочери, ее умонастроение. Сопоставление двух рефренов уже раскрывает всю несхожесть жизненных позиций и самих характеров главных персонажей.

Все сочинение представляет собой, по сути, бытовую новеллу. Правдоподобен главный конфликт, естественны суждения героев, их речь; повествование богато бытовыми реалиями.

Поэтическая форма здесь в основном традиционна. Однако данный пример позволяет понять, каким образом литература того времени использовала канонические формы для создания произведений, во многом новаторских. Поэтическая практика вносила в творчество определенные коррективы, допускались отступления от жестких регламентирующих правил. Так, Васыф Эндерунлу создал данные тахмисы, видимо, на основе собственного же *месневи* (а не *газели*, как того требовал канон). Об этом прежде всего говорят размеры тахмисов: 33 и 32 пятистишия. Газели, состоящие из такого числа бейтов, едва ли создавались. Рифма в каждой строфе особая, встречается и редиф. Кроме того, между *мысра* (строками) стихотворения-первоосновы и присоединенного к нему в каждой строфе, помимо рефрена, трехстишия мы не заметили никакого смыслового или стилистического разнобоя. Все пятистишия воспринимаются как цельное произведение, написанное одним автором, как, вероятно, и было в действительности.

При всей традиционности формы язык сочинения можно характеризовать как мозаичный. С лексикой и образными средствами, свойственными «высокой» поэзии старого типа, резко контрастируют лексические и стилистические элементы разговорного языка, включая его просторечный пласт. Так, в речи матери метафорически выраженные обращения к дочери — это комическое сочетание «высокого» и «низкого» стилей. Женщина изъясняется в духе манерной поэзии: «О, источающий сок розовый побег!» (I, 19)¹⁴, «О мой бриллиант!» (I, 28)¹⁵. В той же традиционной манере выдержаны и другие ее обращения к повзрослевшей де-

¹³ On beş jâşynda k'endime bir ojnaş arajym.

¹⁴ G'ülñihâl-i ter.

¹⁵ Elmâsym.

вочке, «в один прекрасный день вдруг ставшей дичью, за которой охотятся»:

«Ты, попугай, дома сиди, [не то] схватит тебя сокол» (I, 21)¹⁶.

В то же время почтенная турчанка не чуждается и просторечия. Слова совершенно иного стилистического ряда вырываются у нее, когда она в гневе или раздражении обращается к молоденькой девушке: «Эй глупая!» (I, 9)¹⁷, «О моя несчастная гусыня!» (I, 30)¹⁸ и даже — «Эй навозница!» (I, 26)¹⁹, «Эй дылда!» (I, 21)²⁰ и т. п.

А дочка не отстает от нее и может сказать: «Не суй свой нос!» (II, 11)²¹.

«Сниженный» стиль характерен и для некоторых сравнений, примерно, таких, как в следующем пятистишии:

«Дочка, поди прочь от меня, не звени, как комар.

Не веселись, словно служанка или мальчонка-танцовщик.

[Не то] твой муж со стыда скроется под землю, как крот.

А потом ты и останешься с путами на ногах, как ослица...

Не будь уличной потаскушкой, будь порядочной домовитой женщиной» (I, 16).

На фоне традиционных сравнений (типа: «не проливай слезы, словно росу» — I, 19) свежо звучит уподобление, так сказать, бытового плача: «Не трепещи, словно бубен цыганский» (I, 10).

Народность языка Васыфа Эндерунлу, свободное введение им в поэтическую речь явных «прозаизмов» отметил в свое время В. М. Кочжатурк²². Б. Неджатиоглу²³ писал, что своеобразие творчеству этого поэта придают юмористическая окраска многих его произведений, народные обороты речи, обращение к специфике «женского» языка.

Васыф Эндерунлу внес свою лепту в овладение приемами бытописания. На эти особенности обратила внимание В. С. Гарбузова, также впервые представившая в переводе на русский язык четыре строфы из обоих тахмисов и два шаркы поэта²⁴.

Интересно отметить, что Васыф Эндерунлу нигде явно не осуждает дерзкие вольнолюбивые речи девушки, отстаивающей свою личную независимость и право на устройство жизни по собственному усмотрению. В сочинении проявилось личностное авторское начало, которое, конечно, отражало веяние времени.

Васыф Эндерунлу не принадлежит к числу особо выдающихся турецких поэтов, однако следует признать, что своим сочинением он способствовал расширению тематики турецкой поэзии и прозы, а также использованию изобразительных возможностей языка применительно к новым художественным задачам и, что особенно важно, сближению литературного творчества с жизнью. Его герои с их своеобразными нравами, характерными приметами речи отвечали усиливавшемуся тогда интересу читателей к «городской» литературе. Конечно, новшества, вво-

¹⁶ Tutisin otur evde kopâr seni şâhbâz.

¹⁷ Hej düdük! — в тексте использовано арготивное значение: «глупец», «пустой человек».

¹⁸ Vâj zavâllı kâz!

¹⁹ A fyşkyşy!

²⁰ A kos!

²¹ Sokmâ kalak!

²² V. M. Kocatürk. Türk edebiyatı tarihi. Ankara, 1964, стр. 586.

²³ B. Necatigil. Edebiyatımızda isimler sözlüğü, 8-nci bas. İstanbul, 1975, стр. 105.

²⁴ В. С. Гарбузова. Поэты Турции XIX века. Л., 1970, стр. 16—19.

дившиеся Васыфом Эндерунлу, имели сравнительно ограниченные масштабы и не влекли за собой каких-то коренных преобразований, тем более — немедленных. Однако они вполне соответствовали духу основных тенденций в развитии турецкой литературы.

Два тахмиса Васыфа Эндерунлу, представляющие собой бытовую юмористическую новеллу из стамбульской жизни XVIII века, явились необходимым звеном в цепи произведений «городской» литературы, к тому времени уже имевшей свои традиции. Сочинение поэта, во многом новаторское, сыграло свою роль в переходный период истории турецкой литературы.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

О ТВОРИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ

В грамматиках тюркских языков творительный падеж получил отражение под различными названиями: «творительно-инструментальный», «совместно-орудный», «орудный», «орудийный», «инструментальный», «instrumentalis»¹ и занимает в падежной парадигме последнее, седьмое место.

Впервые творительный падеж в тюркских языках был рассмотрен в «Грамматике турецко-татарского языка» М. А. Казембека и характеризовался автором следующим образом: «Творительный *المفعول معه* — термин, выражающий совершение действия (с) кем или (с) чем, или посредством кого или чего... Турки совершенно справедливы в заимствовании этого термина для падежа, оканчивающегося на *دن*, который в самом деле означает совершение действия посредством кого или от чего, кем или чем. Например: *بو يولدان клاری* — он приехал этой дорогой; *بو هنر بندن клمز* — это искусство от меня не придет, т. е. не может быть совершено мною; *د کزدن یا قروندن کلد کنز* — морем или сухим путем приехали Вы.

Что же касается до того, что предлог *с* (или союз *aves*) обыкновенно требует родительного падежа, то это случается только в местоимениях; в именах этого не допускается. Например: *بنم ایله* со мною; *سزک* *ایله* с вами; *استانبول ایله ادرنه ار اسنده نچه ساعت یولدر* сколько часов пути от Константинополя до Адрианополя. Сверх того под творительным падежом мы разумеем тот падеж, который имеет характеристическое наращение *دن*, а союз или предлог *ایله* и подобные слова употребляются для выражения этого падежа, как *aves* во французском»².

Приведенное показывает, что М. А. Казембек под термином «творительный падеж» объединял исходный и творительный падежи. Аффиксом творительного падежа он считал *-dan*, а *-ile*, *-bile* рассматривал как предлог или послелог, передающий значения творительного падежа.

В грамматиках тюркских языков, написанных как до, так и после Великой Октябрьской социалистической революции, анализу творительного падежа уделялось значительное внимание.

¹ См.: А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя), 1977, стр. 55.

² «Грамматика турецко-татарского языка, составленная ординарным профессором Мирзой Александром Казем-Беком». Казань, 1839, стр. 52—53.

После 30-х годов творительный падеж был исключен из падежной парадигмы большинства тюркских языков, ибо его показатель считался послелогом. Несмотря на это, и поныне в ряде грамматик тюркских языков творительный падеж в падежной парадигме сохранился и приобрел в каждом из языков особые оттенки значения, выразившиеся в его названии, например: в чувашском — творительный, в карaimском — инструментальный, в якутском — творительный, в хакасском — орудийный, в чулымском — орудийно-совместный, в шорском — орудный.

Общепризнанное определение категории падежа, данное «Грамматикой русского языка», полностью характеризует структуру и функции творительного падежа и в тюркских языках: «Имена существительные, выступая в составе предложения в качестве его членов, получают форму того или другого падежа. Таким образом, падеж выражает синтаксические функции существительного, устанавливая отношение существительного в данной его падежной форме к другим членам предложения»³. Падежные формы чаще всего бывают связаны с глагольным управлением.

Разнообразные аффиксы творительного падежа синхронно и диахронно прослеживаются на протяжении всей истории тюркских языков.

В азербайджанском языке архаическая форма творительного падежа *-у, -уш, -дан, -дән* встречается в письменных памятниках и диалектах.

Древняя форма творительного падежа на *-у, -уш* зафиксирована в диалектах в определенных словах, связанных в основном с временами года, например: *jazy, jaju, guşy, rajyzy, jazyn, jajyn, guşyn, rajyzyn: Jazy//jazyn buralar sojug olur* 'Весной здесь холодно бывает'.

Наряду с этими архаичными формами творительного падежа в азербайджанских письменных памятниках и диалектах встречается и другая архаическая форма данного падежа на *-дан, -дән*, например:

*Baybanydur jüzündä xali-mışg'ın ej Sänäm,
Kim ätäg'i doldurub g'üldän g'ülüstandan g'äilir*
(Кишвери, XV век)

'Черная родинка на лице твоём подобна садовнику, эй красавица, Кто, наполнив подол цветами, возвращается из цветника'.

Altündan dolu bu xuržini atuna jüklädüb
(Шейх Сефи, XV век)

'Хурджин, наполненный золотом, нагрузил на лошадь'.

*Jar mändän käsmäzdä belä arany,
Bu gojmajan kimdir, baru g'öräjdım?!'*
(Вагиф, XVIII век)

'Возлюбленная не отвернулась бы (никогда) от меня, Кто это сделал, хоть бы мне увидеть (узнать) его?!'

Вариант архаичного творительного падежа на *-дан, -дән* встречается в некоторых азербайджанских говорах Армении и керкукском диалекте⁴ азербайджанского языка на территории Иракской Республики; например: *Atamdan, apamdan bazara etmişdik* 'С отцом и с матерью поехали на базар'; *Görüya g'irän sürüjü jabadan gualyiyf çuxarmuşy* 'Забравшееся в заповедник стадо выгнали вилами'; *Mylla, Arzyjdan Gäm-bär pežädır?* 'Молла, как Арзу с Гамбаром?'; *Gax, nepetden işle* 'Вставай, работай с матерью'.

³ «Грамматика русского языка». Том I. М., 1952, стр. 120.

⁴ См.: *Sadettin Buluc. Kerkük ağzına göre Arzu ile Kamber masalı. Türk dili araştırmaları yillığı (belleten)*, 1975—1976. Ankara, 1976, стр. 203—238.

В современном азербайджанском языке творительный падеж имеет следующие аффиксы: *-la*, *-lä* (в литературном языке); *-nap*, *-nän* (в общенародном разговорном языке и диалектах), например: *atamlä*, *atam ilä*, *atamnäp* 'с отцом', *päpämälä*, *päpäm ilä*, *päpämnpän* 'с бабушкой'.

Начиная с 1937 года и по настоящее время, из падежных парадигм грамматик азербайджанского языка творительный падеж исключен. Это объясняется тем, что на аффикс творительного падежа *-la*, *-lä* (в литературном языке) ударение не падает, к тому же после гласных основ он пишется раздельно: *ilä*.

С нашей точки зрения, этот факт никак не может служить основанием для исключения творительного падежа из падежной парадигмы. Во-первых, в современном азербайджанском языке в устной речи после гласных основ *ilä* произносится слитно, например: *anasyjla* 'с матерью', *pänäsijlä* 'с бабушкой'. Что же касается общенародного разговорного языка, то в нем вообще отсутствует аффикс *-la*, *-lä* и творительный падеж выражается только аффиксом *-nap*, *-nän*, например: *atnap* 'с лошадей', *gälätnpäp* 'с ручкой'.

Во-вторых, безударность данного аффикса также не может служить основанием для исключения творительного падежа из падежной парадигмы. Как известно, аффиксы ряда грамматических категорий безударны; к их числу принадлежат: аффикс отрицательного аспекта глагола *-ma*, *-mä*, например, *jázma* 'не пиши', *g'älmä* 'не приходи'; аффикс 2-го лица множественного числа повелительного наклонения *-yn*, *-in*, например, *jázyn* 'пишите', *g'älin* 'приходите'; аффиксы сказуемости *-am*, *-äm*, *-san*, *-sän*, *-yg*, *-ik*, *-synyz*, *-siniz*, например, *jazýgam* 'пишу', *jazýgsan* 'пишешь', *jazýgug* 'пишем', *jazýgsynyz* 'пишете'.

В свете сказанного изъятие творительного падежа из падежной парадигмы представляется ничем неоправданным.

Веской аргументацией в пользу сохранения творительного падежа в тюркских языках могут служить следующие объективные грамматические факты этих языков.

Во-первых, аффикс творительного падежа пишется слитно с основой; во-вторых, он подчиняется гармонии гласных основы; в-третьих, управляется глаголом.

Таким образом, ни формальные, ни функциональные критерии не препятствуют тому, чтобы узаконить существование творительного падежа в тюркских языках.

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ СРЕДСТВОМ ПРОНИКНОВЕНИЯ В ГЛУБИНЫ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ?

Среди некоторых тюркологов и монголистов в настоящее время широко распространено мнение, что привлечение данных монгольских языков позволяет проникнуть в сокровенные глубины истории языков тюркских. Поэтому некоторые руководители коллективов, занятых составлением сравнительно-исторических грамматик тюркских языков, настоятельно рекомендуют при сравнении данных тюркских языков одновременно приводить и монгольские параллели.

Так, например, если мы устанавливаем архетип прилагательного *qaqa 'черный' и приводим параллели: тур. *kaqa*, ног. *qaqa*, кум. *qaqa*, каз. *qaqa* и т. д., то привлечение монгольского *хаг*, по их мнению, углубляет историческую перспективу изучения. Точно также при установлении тюркского архетипа *šaqa 'время' при сопоставлении таких слов, как каз. *šaqa*, ног. *šaqa*, тат. *šaqa*, кум. *šaqa*, азерб. *šaqa*, туркм. *šaqa*, кирг. *šaqa*, узб. *šoq* — привлечение монгольского *саг* содействует углублению в историю тюркских языков.

Следует думать, что в основе всех этих рекомендаций лежит недостаточная осведомленность о возможностях монгольского языка.

В настоящей статье нам хотелось бы показать, что привлекаемые монгольские материалы настолько малоинформативны, что их трудно эффективно использовать при изучении истории тюркских языков.

Фонетическое оформление монгольских слов вообще непригодно для установления тюркских архетипов. Ниже мы приводим сорок слов из монгольского языка, каждое из которых имеет параллели в тюркских языках, однако ни одно из них не передает древнего состояния. Эти слова следующие: *аил* 'группа юрт', *алс* 'вдаль', *алт(ан)* 'золото', *баатор* 'богатырь', *балт* 'топор', *бах* 'лягушка', *билүү* 'брус', *бог* 'сор', 'мусор', *булаг* 'родник', *жил* 'год', *жимс* 'плоды', *магтах* 'хвалить', *мөс(өн)* 'лед', *орон* 'жилище', 'страна', *сахих* 'охранять', *солгой* 'левый', *сохор* 'слепой', *тал* 'поле', 'степь', *таяг* 'трость', *төмөр* 'железо', *тэмээ(н)* 'верблюд', *тэнгэс* 'море', *тэх* 'дикий горный козел', *хавирга(н)* 'ребро', *хайч(ин)* 'ножницы', *хар* 'черный', *харах* 'видеть', *харанхуй* 'темный', *хашгарах* 'кричать', *хөх* 'синий', *хүч* 'сила', *хэн* 'кто', *хэсэг* 'часть', *цаг* 'время', *царай* 'лицо', *цэвер* 'чистый', *цэцэг* 'цветок', *шар* 'желтый', *эн* 'самый', *эр* 'мужчина'.

Восстановить архетипы этих слов можно только на основании материалов из различных тюркских языков, так как монгольские данные явно недостаточны. Архетип *təmir нельзя восстановить с помощью весьма

далекого от него монгольского *төмөр* 'железо' или калмыцкого *төмр* (*төмер*). Необходимо привлечь данные азербайджанского языка *dəmir* и татарского *timeg*. Точно также монгольское *эр* 'мужчина' не может быть использовано для установления архетипа этого слова, который звучал как *эг, ср. азерб. эг, тат. иг.

Рассмотрим теперь, что дает для истории тюркских языков использование тюркско-монгольских параллелей в области морфологии.

Часто высказывается мысль, что падежные системы в тюркских и монгольских языках обладают большим сходством и это сходство должно быть обязательно использовано при изучении истории тюркских падежей.

Ниже мы постараемся показать, что эти сравнения также малоинформативны.

Именительный падеж. Г. Рамstedт считает, что в монгольском языке слова, имевшие в основе *n*, позднее его утратили, например, *паг* 'солнце' произошло из *паган*.

В тюркских языках *-n*, также первоначально относившийся к основе, ныне отошел к окончанию, ср. *бу* 'этот', родительный падеж — *типини*¹.

В монгольских языках конечный *n* в именительном падеже действительно утрачивался, ср. *bəgs* 'задняя часть' — из *bəgsən*, *биу* 'ружье' из *биун* и т. д.

Однако это *n* не имеет никакого отношения к наращению *n* в основах тюркских указательных местоимений, например, *бу* 'этот', *ти-п-ини* 'этого'. Здесь *n* был маркером косвенных падежей указательных местоимений. В именительном падеже этого *n* в таких случаях никогда не было.

Родительный падеж. Первоначальным окончанием родительного падежа в алтайском, по Г. Рамstedту, было *-n*, перед которым, при основе на согласный слышался соединительный гласный.

В древнетюркском *-n* в исходе слова развился в *-ŋ*; *sū* 'войско', родительный падеж *sūŋ* 'вóйска', *eb* 'дом', родительный падеж *ebiŋ* 'дóма'.

В монгольском падежное окончание встречается повсюду с унаследованным и прочно закрепившимся соединительным гласным. В литературном монгольском языке поэтому окончание родительного падежа имеет ряд вариантов *гег* 'дом', родительный падеж *гег-ün*, *qagan* 'император', родительный падеж *qagan-u*, *aqa* 'старший брат', родительный падеж *aga-jin* и т. д.²

Остатки древнего окончания родительного падежа *-n* Г. Рамstedт находит в маньчжурском языке.

В какой степени эти данные углубляют сведения об истории тюркских языков? Они скорее создают ложное представление, будто бы родительный падеж существовал уже в алтайском языке, хотя известны косвенные доказательства того, что его там вообще не было. В тюркском праязыке скорее всего функции родительного падежа выполняла широко распространенная в тюркских языках изафетная конструкция типа *at başı* 'голова лошади'. В якутском языке родительный падеж до сих пор отсутствует. Типологически сходная конструкция также широко распространена в тунгусо-маньчжурских языках, однако в монгольских языках она отсутствует.

Все это свидетельствует о том, что родительный падеж в тюркских языках появился позднее.

¹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, стр. 33.

² Там же, стр. 33—34.

Из какого же источника могло возникнуть окончание родительного падежа в тюркских языках? Вероятнее всего, оно появилось в результате переосмысления окончания творительного падежа. Возможность такого пути не отрицает и сам Г. Рамstedт³. Любопытно отметить, что окончания родительного и творительного падежей в тюркских языках почти совпадают, ср. др.-тюрк. at-уp 'лошадью', oq-уp 'стрелой', көз-ип 'глазами' и qaуap-уp 'кагана', eb-иp 'дома', sü-п 'войска' и т. д.

После возникновения родительного падежа сфера употребления творительного падежа на -уp необычайно сократилась. В реликтовом виде он сохранился только в некоторых наречных формах, ср. ккалп. žaz-уp 'летом', тув. quž-уp 'зимой', каз. žaz-уp 'летом', якут. saј-уp 'летом' и т. д. Родительный падеж в тюркских языках имеет довольно ярко выраженные артиклевые функции, чего, например, нет в монгольских языках, ср. тат. tatapny quzu 'дочь мне известного татарина'.

Следует также заметить, что творительного падежа на -уp в монгольских языках вообще не существует.

По утверждению Г. Рамstedта, в древнем монгольском этот падеж проявляется в герундии на -гип, -игип; монг. bolugup 'становясь', 'будучи'⁴. Однако все это крайне проблематично.

Никаких достаточно отчетливых следов творительного на -п нет ни в тунгусском, ни в корейском языках.

Дательный падеж. Предполагается, что в праалтайском существовал дательный падеж с окончанием на -а⁵.

В тюркских языках дательный падеж имеет окончание -а или -ра соотв. -qa, например, др.-тюрк. taуqa 'к горе', тур. daуa.

В монгольском языке употребление окончания -а уже на очень раннем этапе отошло к древним образованиям, однако и теперь оно часто встречается в послелогах, некоторых глагольных формах и т. д. Примеры: gaзaг-а 'к земле', 'на пол', 'на землю', dotur-а 'во внутрь', 'внутри' и т. д.⁶

В какой же мере это углубляет наши познания в области истории тюркского дательного падежа? Следует вновь заметить, что и в этом случае мы не приобретаем каких-либо сведений о происхождении окончания дательного падежа -а.

Кроме того, монгольский дательный падеж на -а выражал не только направление, но и местонахождение, ср. монг. gaзaг-а 'в страну' и 'в стране'.

Между тем в тюркских языках падеж на -а не имеет этого значения. Закономерен вопрос: если в алтайском праязыке окончание -а имело два значения, то почему в тюркских языках утратилось значение местоположения? Если падеж на -а имел в алтайском праязыке только одно направительное значение, то почему в монгольских языках возникло значение местонахождения?

Различие значений может указывать на то, что эти два сходно звучащие окончания вообще генетически не родственны.

Помимо дательно-направительного падежа на -а, в тюркских языках некогда существовали также направительные падежи с элементом r, ср. др.-тюрк. ič-га 'во внутрь', taš-га 'наружу', baš-га 'в голову', а также dyša-гу 'наружу', jaуу-уагу 'на врага' и т. д.

³ Г. И. Рамstedт. Указ. раб., стр. 49.

⁴ Там же.

⁵ N. Porre. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1935, стр. 198.

⁶ Г. И. Рамstedт. Указ. раб., стр. 39—40.

Формы типа *taš-га* 'наружу' Г. Рамstedт объясняет как результат слияния окончания дательного-направительного падежа на *-а* с конечным гласным основы⁷. Падежный суффикс *-гу*, *-гү* приписывается как тюркским, так и монгольским языкам, ср. др.-тюрк. *äbimgü* 'по направлению к моему дому', *bizgägü* 'к нам', *ilgä-gü* 'вперед'. В монгольском языке окончание *-гу*, *-гү* встречается в различных его диалектах, хотя литературный язык этим падежным окончанием не пользуется. Халха-монг. *modo-гу* 'по направлению к лесу', *gol-гу*, *golo-гу* 'к реке' и т. д.⁸

Здесь также возникает целый ряд проблем. Не исключена возможность того, что *-r* в данном случае выступает как коаффикс, соединенный с окончанием дательного-направительного падежа *-а*. Для тюркских языков это доказать сравнительно легко, поскольку в аффиксах тюркских языков наблюдается аблаут *а:у*. Поэтому конечные *-а* в *soŋa* и *-у* в *duša-гу* — это одно и то же окончание.

Однако такого аблаута в монгольских языках нет. Отсюда и возникает вопрос, тождественно ли *-ru* в др.-тюрк. *tašqaru* 'наружу' монгольскому *-ru* в *golgu* 'к реке'?

Винительный падеж. В тюркских языках винительный падеж местоимений обозначается окончанием *-у*, *-i*; *sāp* 'ты', *sāp-i* 'тебя', *bu* 'этот', 'это', винительный падеж *tip-у*, др.-тюрк. *bun-у*.

В монгольском языке окончанием винительного падежа является *-i* (после согласных), *-ji* (после гласных); *gar* 'рука', винительный падеж *gar-i*; *aqa* 'старший брат', винительный падеж *aqa-jī*. В древнетюркском встречается винительный падеж на *-уу*, например, *qaŋap-уу* 'хана'. Созвучный падеж существует и в монгольских языках, ср. совр. монг. *поп* 'книга', но *потуу* 'книгу', калм. *ах* 'брат', *ахиг* 'брата'.

Вряд ли можно согласиться с тем, что в тюркском праязыке окончанием винительного падежа было *-уу*. Это окончание обязательно оставило бы в тюркских языках какие-то рефлексy.

Н. Поппе предполагает, что в прамонгольском и пратюркском языках был общий суффикс винительного падежа *-i*, *-gi*. В общетюркском он имел формы *-ү*, *-g* и *-уу* (после основ на согласную). Однако вопрос об отношении этих суффиксов к суффиксам винительного падежа *-у*, *-i* у местоимений считает невыясненным⁹.

Монгольские параллели в этом случае не проливают света на древнюю историю винительного падежа в тюркских языках.

Местный падеж. В тюркских языках окончанием местного падежа с давних пор является *-da* (*-dä*) или, соответственно, *-ta* (*-tä*) с обобщенным значением определения местоположения. Примеры: др.-тюрк. *day-da* 'на горе', тур. *oğtap-da* 'в лесу' и т. д.

В древнетюркском этот падеж применялся также для указания места «откуда», например, *qaŋap-ta* 'от китайского императора'.

Монгольский язык имеет в данном случае *-da* (*-ta*), *-de* (*-te*) и *-du* (*-tu*), *-dū* (*-tū*), из которых *-da* употребляется чаще всего при наречиях, послелогах и названиях места, а *-du* — при других существительных. В монгольской письменности у существительных встречается окончание этого падежа *-dur*, *-tur*. Встречается этот падеж и в тунгусо-маньчжурских языках.

Однако простое сопоставление и здесь не разрешает многих вопросов. Наблюдаются довольно резкие различия в значении этих падежей.

⁷ Г. И. Рамstedт. Указ. раб., стр. 40.

⁸ Там же, стр. 45.

⁹ N. Porre. Указ. раб., стр. 192.

В тюркском языке падеж на *-da* наряду с местным имел также ярко выраженное аблативное значение. Монгольский падеж на *-da*, *-du*, *-dur* соединяет в себе местное и направительное значение.

Кроме того, простое сравнение форм местного падежа в тюркских и монгольских языках опять-таки не позволяет судить о более архаичной форме местного падежа. Следовательно, углубленного исторического проникновения и в данном случае не получается.

Достигательный падеж. В общеалтайском предполагается также существование достигательного падежа с окончанием *-ça*.

В старомонгольском он встречался крайне редко, однако в некоторых современных монгольских языках он сохранил определенные рефлексy, ср. в калмыцком *кеп-сă* 'до него'.

Тождествен ли этот падеж древнетюркскому достигательному падежу на *-ça*, сказать трудно.

Вместе с тем сопоставление этих двух падежных окончаний в тюркских и монгольских языках опять-таки не проливает света на факт возникновения достигательного падежа на *-ça* в тюркских языках.

Совместный падеж. Предполагается, что в общемонгольском существовал совместный падеж или комитатив с окончанием *-luγa*.

Он сопоставляется с тюркским окончанием прилагательного *-luγ*, например, др.-тюрк. *atluγ* 'имеющий лошадь'. Сопоставление, конечно, соблазнительное, но неясно, в каком соотношении находился предполагаемый совместный падеж на *-luγ* в тюркских языках с творительным на *-uγ*, который также мог иметь значение совместного падежа.

Система местоимений. Система местоимений в монгольских языках еще менее информативна. В системе личных местоимений только местоимение 1-го лица единственного числа *bī* 'я' до некоторой степени напоминает тюркское архетипное *bān* 'я', да и то вокализм совершенно различный.

В системе указательных местоимений для тюркского праязыка были характерны три местоимения — *bu* 'этот', *šu* 'тот' и *ol* 'тот' (более удаленный). Особенностью их склонения является наличие наращенного *-n* в косвенных падежах, ср. тур. *bu* 'этот', *bu-n-da* 'в этом', *bu-n-dan* 'от этого', *ol* 'тот', *o-n-da* 'у того', *o-n-dan* 'от того'.

Система указательных местоимений в монгольском языке совсем другая, ср. старомонгольское *epe* 'этот', *tere* 'тот'. В косвенных падежах также наблюдается некое наращение *n*. От *epe* 'этот' возможна форма косвенных падежей *epeп* и от *tere*—*ten*, но это также малоинформативно, поскольку в тюркских языках наращение *n* выступает довольно отчетливо.

Система числительных. Система числительных в монгольских языках не информативна. Каких-либо общих элементов с системами числительных тюркских языков здесь нет.

Глагольная система. Система глагольных времен.

В монгольских языках есть прошедшее время, признаком которого является *-ba*, *-be*; *-bai*, *-bei*, ср. класс. монг.: *jabuba* или *jabubai* 'он ушел', *igebe* или *igebei* 'он пришел' и т. д.

По происхождению это время обычно связывается с тюркским деепричастием на *-ur*¹⁰, ср. тат. *alur* 'взяв' и т. д.

Однако для истории системы времен в тюркских языках это равным счетом ничего не дает.

В некоторых тюркских языках имеются формы перфекта на *-ur*, ср. кирг. *alur* 'он взял', каз. *alurytu* 'он взял', азерб. *alybdur* 'он взял'. Этот

¹⁰ Г. И. Рамstedт. Указ. раб., стр. 267.

тип перфекта действительно возник на основе причастия на *-ур*, но сам процесс происходил совершенно независимо от монгольских языков, и монгольские данные здесь абсолютно ничего прояснить не могут.

В монгольском языке, — замечает Г. Рамстедт, — мы встречаем прошедшее несовершенное время с окончанием в монг. лит. *-зи*, *-чи*, разгов. *-зи*, *-чи*, в котором присутствует исконный *-d'*, *-t* с последующим гласным, соответствующий тюркскому *-dy*, *-ti*. Употребление этого имени и в корейском, и в монгольском языках в одном и том же значении прошедшего времени говорит об их тождественности¹¹.

Необходимо отметить, что материалы тюркских языков дают значительно больше для выяснения предыстории этого времени. Большинство тюркологов связывают прошедшее время на *-dy*, *-di* с отглагольным именем на *-yt*, *-it*.

В монгольских языках образование на *-зи* наиболее часто употребляется в роли деепричастия. С помощью глагола *baihu* 'быть' оно передает действие, совершающееся в данный момент: *jabuži baina* 'идет', то есть 'идет как раз в данный момент'¹².

Трудно представить образование деепричастия от отглагольного имени на *-yt*, *-it* без участия какого-либо суффикса местного падежа. На базе голый основы отглагольного имени деепричастие возникнуть не может.

В тюркском праязыке существовало настоящее время на *-ar*, *-ur*, которое одновременно имело и значение будущего.

На материалах тюркских языков история этого времени выявляется довольно отчетливо. Древнее отглагольное прилагательное на *-ar*, *-ur* имело скорее не временное, а модальное значение. Оно выражало свойство или состояние, присущее предмету вообще. Часто его значение передавало модальную окраску возможности, потенции что-либо сделать. В тюркском праязыке *uṣar quṣ* означало не «летающая в данный момент птица», а скорее «птица, способная летать».

В какой же мере монгольские данные могут помочь выяснению истории языка этого времени?

Пытаясь связать тюркские образования на *-ar*, *-ur* с соответствующими монгольскими, Г. Рамстедт замечает: «В монгольском языке сюда относятся *-га*, *-ура* — окончания „супина“ и *-run*, *-urun* — окончания деепричастия подготовительности (*Converbium praeparativum*) монгольского литературного языка; эти окончания представляют собой формы дательного и инструктивного падежей причастия на *-r*: *boluga* 'чтобы быть', *igere* 'чтобы прийти', *abuḡa* 'чтобы взять', *kelere* 'чтобы сказать'; *boluḡun* 'становясь, стал' и., *ügülerün* 'говоря, сказал'¹³.

Сразу же возникает вопрос: где здесь собственное значение формы на *-r* в монгольском языке? Плоскость ориентации действия в план будущего выражается в супине окончанием дательного-направительного падежа, а не собственным значением формы на *-r*, которое в данном случае не показано. Поэтому становится сомнительным генетическое родство тюркской формы на *-ar*, *-ur* и монгольской формы на *-r*. Что же касается причастия подготовительности, типа *ügülerün* 'говоря, сказал', то в его значении вообще нет плана будущего времени. Сравнение с тюркскими формами здесь явно натянутое.

В тюркском праязыке существовало настоящее время с характерным показателем *-a*, *-ä*, ср. каз. *al-a-tup* 'я беру'. Многие тюркологи

¹¹ Г. И. Рамстедт. Указ. раб., стр. 117.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 85—86.

производят это время от деепричастия на *-a*, *-ā*, ср. тюрк. *ala* 'беря', *bara* 'идя'. Г. Рамстедт сравнивает его с монгольским деепричастием на *-a*, *-e* или *-ai*, *-ei*, а также с *-ga*, *-ge*, ср. монг. лит. *baguga* 'спускаясь', калм. *bāga* и т. д.¹⁴

Однако предположение о том, что тюркское настоящее время типа казахского *alamyp* 'я беру' основывается на деепричастии, спорно. Скорее здесь фигурирует древний аффикс множественного действия *-a*, ср. узб. *bugmoq* 'крутить', но *bug-a-moq* 'закручивать'.

В тюркском праязыке существовало по меньшей мере шесть отдельных разновидностей желательного наклонения или опатива: 1) опатив на *-yaj*, 2) опатив на *-aj*, 3) опатив на *-asy*, 4) опатив на *-a*, 5) опатив на *-sa* и 6) опатив на *-sar*¹⁵.

Форматив *-yaj* некоторые монголисты обнаруживают в монгольском аффиксе повелительного наклонения 3-го лица единственного числа *tu-yaj*, ср. монг. лит. *jabutuyaj* 'он должен идти'.

Это же *-yaj* обнаруживается в аффиксе так называемого волюнтатива *-su-yaj*, например, в класс. монг. *jabusuyaj* 'позвольте мне идти'.

В монгольских языках обнаруживается также элемент *s* в аффиксе опатива *-ya-saj*, например, *jabu-ya-saj* 'ах, если он придет'.

Совершенно ясно, что никакие дополнительные сведения, позволяющие проникнуть в глубь истории форм опатива в тюркских языках, монгольские данные не содержат.

В тюркском праязыке существовало по меньшей мере три залога: 1) страдательный (аффикс *-l*, *-yl*, *-il*), 2) возвратный (аффикс *-n*, *-yn*, *-in*) и 3) взаимно-совместный (аффикс *-yş*, *-iş*).

В монгольском языке страдательный залог имеет показатель *-gd*, совместный — показатель *-lč* и взаимный — показатель *-ld*.

Вряд ли показатели залогов в монгольском языке объясняют историю показателей залогов в тюркских языках.

Монгольские языки не могут оказать существенную помощь и при выяснении истории тюркских причастий.

Причастие на *-myş* в тюркских языках Г. Рамстедт объясняет следующим образом: *-myş* — тюркское «причастие прошедшего времени» (Perfect Participle), представляет собой древнее сложносоставное образование из имени на *-m* и существительного *iş* 'предмет', 'вещь', 'дело', 'работа', 'факт'¹⁶.

Далее он сравнивает элемент *m* причастия на *-myş* с различными монгольскими образованиями типа *udum* 'молодой', 'родственник', *tagima* 'посаженный' и т. д.¹⁷

Такое объяснение явно неудовлетворительное. Во-первых, архетип этого аффикса звучал как **-byş*. Начальное *m* здесь вторично. Элемент *-yş* — это аффикс широко распространенных в тюркских языках отглагольных имен на *-yş*, *-iş*, ср. узб. *kiriş* 'вход', тат. *çuuyş* 'выход' и т. д. Аффикс тюркского причастия прошедшего времени *-yan* Г. Рамстедт рассматривает как сложный, состоящий из аффикса *-ya*, с помощью которого образуется вторичная глагольная основа, и аффикса *-n*. Для сравнения приводятся единичные примеры из монгольского языка типа *jabugan* 'пеший', *eşügen* 'прошедший' и т. д.¹⁸

¹⁴ Г. И. Рамстедт. Указ. раб., стр. 109.

¹⁵ Б. А. Серебрянников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 211.

¹⁶ Г. И. Рамстедт. Указ. раб., стр. 101.

¹⁷ Там же, стр. 102—103.

¹⁸ Там же, стр. 134—135.

Однако тот факт, что тюркский аффикс *-yan* состоит из двух компонентов, можно установить и на тюркском материале. В тюркских языках сохраняются некоторые древние причастия на *-yq*, ср. тур. *batyk* 'погруженный', узб. *boyluq* 'связанный', тат. *aşuq* 'открытый' и т. д. В то же время сохраняются некоторые причастия на *-an*, *-än*, ср. азерб. *ötän* 'прошедший'.

Тюркское причастие на *-duq*, *-duq* Г. Рамстедт сравнивает с монгольским отглагольным именем на *-dag*¹⁹.

Сравнение, на наш взгляд, крайне неудачное. В тюркских языках это причастие относится больше к плану прошлого, тогда как в монгольском языке отглагольное имя на *-dag* обозначает постоянно совершающееся действие, ср. письм. монг. *jabudaγ* 'тот, кто обычно ходит'.

В тюркских языках есть деепричастие на *-yač*, ср. тат. *alyač* 'взяв', *kilgäč* 'придя' и т. д. Г. Рамстедт сравнивает его с монгольским деепричастием прошедшего времени на *-gad*, например, *jabugad irebei* 'пошедши я вернулся'²⁰. Вряд ли между ними есть что-либо общее. В тюркских языках элемент *-č* в конце деепричастия на *-yač* скорее является окончанием древнего направительного падежа на *-ča*. *Kilgäč* некогда означало «к приходу». В монгольском языке *d* — это, по-видимому, окончание направительно-местного падежа на *-d*.

Сопоставление словообразовательных аффиксов в тюркских и монгольских языках также малоинформативно.

Г. Рамстедт сравнивает аффикс *-či*, который в тюркских языках означает имя действителя, с соответствующим аффиксом в монгольском языке, ср. тюрк. *baluqçu* 'рыбак', монг. *emči* 'медник', *adunči* 'табунщик'²¹.

Простое сравнение тюркского аффикса *-ču* с соответствующим монгольским отнюдь не способствует более глубокому проникновению в его историю. Приходится еще раз указать, что и здесь значительно информативнее материалы тюркских языков.

По всей видимости, значение профессии, выражаемое этим аффиксом, не было у него первоначальным. Вероятнее всего, аффикс *-ču*, *-či* являлся аффиксом прилагательных, обозначающих привычку, склонность к чему-либо, ср. шорск. *uğušču* 'драчливый', *terči* 'потливый', азерб. *inadči* 'упрямый' и т. д.

Пытаясь объяснить происхождение тюркского привативного *-syz*, например, *atsyz* 'без имени', Г. Рамстедт сравнивает его с монгольским аффиксом *-sar*, например, в древнемонгольском *ölüsümüser* 'не умерший с голоду'. Далее это *-sar* сравнивается с основой монгольского глагола *sar-ni* 'рассеяться'²². Однако такое сопоставление ничего не дает.

На тюркском материале происхождение аффикса *-syz* объясняется лучше. По всей вероятности, аффикс *-syz*, *-siz* некогда обозначал неполноту качества. Позднее это значение усилилось до полного отрицания. Первый составной элемент *s* способен выражать неполноту качества, ср. тат. *al-su* 'розоватый' от *al* 'розовый'.

Второй элемент *-yz*, *-iz* может образовывать уменьшительные, правда, в соединении с аффиксом *-čuq*; ср. тур. *elçiřiz* 'ручка' от *el* 'рука'.

В истории языкознания известны случаи, когда открытие какого-либо языка действительно предоставляло широкие возможности для проникновения в глубины истории группы родственных ему языков. Таким событием, например, было открытие санскрита.

¹⁹ Г. И. Рамстедт. Указ. раб., стр. 139.

²⁰ Там же, стр. 140.

²¹ Там же, стр. 209.

²² Там же, стр. 214—215.

Санскрит содержал такие формы древних индоевропейских языков, которые в других индоевропейских языках либо не сохранились, либо же деформировались до неузнаваемости.

Установление Г. Рамstedтом и его единомышленниками тюрко-монгольских параллелей ничего нового тюркологии не принесло, ибо данные монгольских языков крайне малоинформативны.

П. И. КУЗНЕЦОВ

ГЕНЕЗИС ТЮРКСКОГО АОРИСТА

1. **Квалификация аориста.** Настоящее-будущее время (аорист) представлено во всех тюркских языках¹. Эту форму грамматисты вот уже три столетия именуют либо причастием², либо (от)глагольным именем³.

Правда, некоторые исследователи подчеркивают самобытность функциональных форм тюркских языков и неприменимость к ним таких традиционных терминов, как причастие⁴; при этом они рассматривают аорист и сходные формы грамматического инвентаря как изначально полифункциональные, с чем вряд ли можно согласиться.

Действительно, ни один автор не сможет назвать такого текста, тем более древнего, где бы, в частности, аорист употреблялся исключительно в позиции определения и в других нефинитных позициях. Признав, что позиция сказуемого всегда была одной из основных для аориста, можно тем самым прийти к выводу, что именно эта синтаксическая функция была первичной для данной формы, поскольку простое предложение появилось, несомненно, раньше сложного или осложненного (в частности, раньше предложения с причастным оборотом). Если же какая-то грамматическая единица выступает исключительно в финитной позиции и имеет своей целью сообщение о фактах настоящего, прошлого или будущего, то трактовать ее как одну из форм, которые «не являются ни личными, ни неличными», вряд ли допустимо. Мы будем называть форму типа *ал-ыр* основной времени, причастием же — омонимичную форму, исторически отпочковавшуюся от основы времени (но не наоборот!)⁵.

¹ Даже чувашское «будущее», как стремится показать Л. Йохансон, является по происхождению не чем иным, как общетюркским аористом (см.: *L. Johanson. Das tschuwaschische Aoristthema. — «Orientalia Suecana». Vol. XXIII—XXIV, Uppsala, 1976, стр. 106—158*).

² См.: *Franciscus a Mesnien Meninski. Linguarum Orientalium turcicae, arabicae, persicae institutiones seu Grammatica turcica... Viennae, Austriae, 1680, стр. 72*.

³ См., например: *В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, стр. 55—56*.

⁴ Так, Л. А. Покровская полагает, что такие формы, как *-ar, -myš, -ažak*, «не являются причастиями в строго терминологическом значении этого слова», и что эти формы «не являются в собственном смысле слова ни личными, ни неличными...» (*Л. А. Покровская. К вопросу о личных и неличных формах глагола в тюркских языках. — «Turcologica». Л., 1976, стр. 128 и 129*).

⁵ Подробнее об этом см.: *П. И. Кузнецов. Является ли строй тюркских языков изначально именным? — «Вопросы языкознания», 1980, № 6; его же. К обоснованию теории вербальности тюркского предложения. — «Советская тюркология», 1980, №№ 3 и 4.*

О. Н. Бётлингк впервые высказал мнение, согласно которому «первоначально причастие без личного окончания просто-напросто следовало как сказуемое за местоимением...; как то: [ben sever, sen sever, ol sever...]»⁶. Позже Ж. Дени, отметив, что согласно «Divanü-Lûgat-it-Türk» у огузов и в части кыпчакских диалектов в 1-ом и 3-ем лицах единственного и множественного чисел употребляется «суффикс -dük, -duk, без присоединения какого-либо личного окончания», добавил: «что явно соответствует в любом случае первой стадии тюркского спряжения»⁷. Мнение двух выдающихся тюркологов (если исключить упоминание о «причастии») несомненно справедливо, поскольку оно фактически не имеет альтернативы: сочетание двух аффиксов (основы времени и личного окончания) не могло возникнуть сразу как таковое; очевидно, что к основе глагола сначала стал присоединяться показатель времени, а затем уже личный аффикс. С другой стороны, наличие в языке предложений типа ben sever 'я люблю', sen sever 'ты любишь', ol sever 'он любит' и т. д. отнюдь не дает еще повода утверждать, как это делал, например, Х. Винклер, будто «алтайский глагол, в противоположность индогерманскому, не является личным, но лишь — выражением некоего безличного, бездейственного состояния»⁸. Глагол, разумеется, не становится «безличным» от того, что подлежащее и сказуемое не согласуются в лице (ср., например, формы прошедшего времени в современном русском языке: я любил, ты любил, он любил..., или аналитические формы крызского глагола: cîsnî zup букв. 'пишет я', cîsnî vun 'пишет ты', cîsnî anup 'пишет он' и т. д.⁹).

Таким образом, аорист в тюркских языках — это финитная глагольная форма, основа времени, к которой первоначально не присоединялись личные окончания.

2. **Многовариантность аффикса $-(^{\circ})r$ и значения аориста.** В состав аффикса $-(^{\circ})r$ входят как узкие, так и широкие (а, е) гласные. Многозначность настоящего-будущего времени позволила Н. К. Дмитриеву предположить, что «здесь исторически совпали... два самостоятельных времени: 1) настоящее типа англ. he takes (азерб. al-ır 'он берет') и 2) будущее неопределенное (азерб. al-ar 'он, пожалуй, возьмет', 'будет брать')»¹⁰. Однако азербайджанская форма алыр представляет собой не начальный, а завершающий этап развития, восходя через промежуточные ступени алы:р < алы-йир < алы-йерир к тому же источнику — вспомогательному глаголу йорур//йүрүр//йерир, — что и турецкая форма настоящего времени на -yor¹¹. Кроме того, обращение к материалам орхоно-енисейских и других памятников позволяет установить, что в ту эпоху к многосложным основам на согласный, а также к основам, имевшим в исходе гласный звук, присоединялись только варианты с уз-

⁶ О. Boehtlingk. Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasem-bek's türkisch-tatarischer Grammatik... — «Bulletin de la classe hist.-philol. de l'Académie imp. des sciences de St.-Petersbourg», t. 5, St.-Petersbourg—Leipzig, 1848, стр. 351.

⁷ J. Dénys. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, № 653, стр. 1111.

⁸ H. Winkler. Die altaische Völker- und Sprachenwelt, Leipzig u. Berlin, 1921, стр. 34, 35 (сноска). Это мнение поддержали К. Грёнбек и А. ф. Габен: К. Grönbech. Der türkische Sprachbau, I, Kopenhagen, 1936, стр. 138; A. v. Gabain. Die Natur des Prädikats in den Türkischen Sprachen, — «Körösi Csoma-Archivum», III. B., I. H., Budapest—Leipzig, 1940, стр. 86.

⁹ См.: В. С. Хидиров. К проблеме типологических тождеств в разносистемных языках. — «Советская тюркология», 1971, № 5, стр. 33.

¹⁰ Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939, стр. 34.

¹¹ А. П. Поцелуевский. К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы. — «Избранные труды», Ашхабад, 1975, стр. 162. (Статья написана в 1948 г.).

кими, к тому же лишь губными, гласными: $-(j)ur$, $-(j)ür$. Многие односложные основы, за которыми в современных языках следуют широкие гласные аффикса $-(^o)r$, в ту пору сочетались лишь с вариантами $-ur$, $-ür$, изредка $-yr$, $-ir$. Эти наблюдения позволили Р. Р. Арату не без оснований утверждать, что « $-ur$, $-ür$ — самые старые и общие варианты этого аффикса»¹².

Небезынтересно также замечание Л. Йохансона, отметившего, что в то время как одни исследователи усматривают в элементе $-yr$ исходное значение презенса, а в элементе $-ar$ — футурумное значение, другие предполагают обратное соотношение значений этих единиц, впоследствии якобы слившихся в одной форме¹³.

С другой стороны, далеко не все грамматисты признают форму на $-(^o)r$ многозначной. Значение «неопределенного будущего» нередко выводится из первого значения¹⁴. Так, в грамматике Х. Джевдет-заде и А. Н. Кононова говорится, что настоящее-будущее время «выражает действие, происходящее обыкновенно, вообще (безотносительно к данному моменту) ..., в силу чего действие, выраженное этим временем, возможно и к осуществлению в будущем»¹⁵.

Это положение представляется надуманным в свете материалов рунической письменности, свидетельствующих о том, что аорист употреблялся в то время в значении не только и даже не столько настоящего неопределенного, сколько настоящего данного момента (= настоящего актуального), из которого значение действия, устремленного в будущее, невыводимо; между тем, аорист, как и ныне (в большинстве тюркских языков), имел и это значение¹⁶.

Правда, при таком подходе к вопросу, который предполагает выявление внутренних системных отношений между соотносящимися единицами грамматической структуры, речь идет обычно не о значениях той или иной формы, а об идеях, выражающихся системой в целом и реализующихся благодаря целой серии оппозиций, в которые включаются все единицы инвентаря. Например, единица $y\text{or}$ (как и $y\text{or}\text{du}$) выражает в современном турецком языке средоточие или прагнацию (идея В), про-

¹² R. R. Arat. Edip Ahmed B. Mahmud Yükneci, Atebetü'l-hakayik. Istanbul, 1951, стр. 158.

¹³ L. Johanson. Zum Präsens der nordwestlichen und mittelasiatischen Türk Sprachen. — «Acta orientalia», 37, 1976, стр. 64, 65.

¹⁴ Впрочем, и сама эта «неопределенность» весьма спорна. Например, А. Н. Самойлович писал, что «сравнительно с формой на „азақ“ форма настояще-будущего в значении именно будущего времени отмечает большую категоричность, иногда обещание» (А. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 78); см. также: K. Schlottmann. Ueber die Bedeutungen der türkischen Verbalformen. — «Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft» (ZDMG), Band 11, Leipzig, 1857, стр. 9—10; J. Deny. Указ. раб., § 630, стр. 403.

¹⁵ Х. Джевдет-заде и А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого языка. Л., 1934, стр. 124, см. также стр. 228; та же трактовка в «Грамматике турецкого языка» А. Н. Кононова (М.—Л., 1941) — см. стр. 130 и 268. См. еще: В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928, стр. 99; И. А. Батманов. Категория времени сказуемого в турецких языках. — «Сборник научных трудов Узбекского научно-исследовательского института культурного строительства», т. I, вып. 2, Ташкент, 1934, стр. 35—37; К. М. Любимов. О настоящем-будущем времени в турецком языке. — «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию». М., 1953, стр. 163 и сл.; С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. 2. Л., 1977, §§ 77, 78, стр. 52. Эта мысль впервые четко сформулирована, по-видимому, А. Мюллером (A. Müller. Türkische Grammatik mit Paradigmen litteratur Chrestomat'ie und Glossar. Berlin, 1889, стр. 79); см. также: J. Deny. Указ. раб., § 630, стр. 402—403; ср. еще: K. Schlottmann. Указ. раб., § 2, стр. 9.

¹⁶ См.: В. М. Насилов. Указ. раб., стр. 62; А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, §§ 334, 335, стр. 186—187.

тивопоставляясь аористу, обладающему лишь отрицательным или нейтральным качеством в отношении этой идеи¹⁷.

Можно также говорить о том, что любая форма входит в два ряда оппозиций, чем и определяется, в частности, двойственность значений каждой временной формы. Такова концепция С. Н. Иванова¹⁸.

Однако выводы, построенные на изучении лишь синхронного среза языка, обычно становятся уязвимыми, как только та или иная единица и ее смысловая сторона исследуются в плане диахронии.

Ни одна форма — поскольку форма немыслима вне содержания — не может быть слабым или немаркированным членом оппозиции в период своего становления. Можно было бы полагать, в частности, что финитная форма на $-(^{\circ})r$ обязана своим возникновением идее непредшествования моменту речи (МР), то есть идее пипс. Однако такая трактовка была бы слишком отвлеченной. Скорее всего аорист появился для выражения действия, совпадающего с МР, то есть для обозначения так называемого настоящего данного момента (настоящего определенного, или актуального). Когда в результате эволюции человек стал способен оперировать суждениями (например: *птицы летают, солнце восходит и заходит* и т. п.), та же форма, за отсутствием других, приобрела значение (или подзначение) настоящего неопределенного¹⁹, а когда потребовалось выразить действие, совершающееся после МР, она же — при отсутствии других возможностей — стала передавать и данное значение.

Таким образом, репрезентантом аориста в плане содержания стали появившиеся в известной последовательности три значения этой формы. Ведь и оппозиция, в сущности, возникает не между двумя формами вообще, а между формой в определенном значении и формой в сопоставимом значении (если, конечно, одна из них или обе сразу не являются однозначными). Если бы совпадение действия с МР не было одним из значений аориста, не возникла бы потребность в появлении (во многих языках) специальной единицы для выражения этого значения. В турецком языке, например, таковой оказалась форма на $-y\text{or}$, постепенно занявшая прочное место в его грамматической системе. После этого аорист в противопоставлении указанной форме уже не выступал как настоящее данного момента, хотя вне такого противопоставления он еще может иногда представлять эту оппозитивную пару (нейтральная функция аориста). Но значение настоящего неопределенного никоим образом нельзя считать реализацией отрицательной функции аориста в противопоставлении $(y)\text{or} \sim (^{\circ})r$, поскольку этим значением аорист обладал еще до появления названной оппозиции, в дальнейшем же оно стало одним из двух «положительных» значений аориста (вторым является значение действия, следующего за МР, причем аорист противопоставляется другим формам будущего времени).

В целом, можно говорить о трех оппозициях, в которые входит аорист. По видовому признаку прагнации (то есть в значении настоящего

¹⁷ См.: L. Johanson. Aspekt im Türkischen... Uppsala, 1971, гл. 4; см. также: П. И. Кузнецов. Аспект и акционал в турецком языке (К выходу в свет монографии Л. Йохансона). — «Советская тюркология», 1975, № 3, стр. 76—77.

¹⁸ См.: С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 68 и сл.

¹⁹ См. прямо противоположную трактовку вопроса, например, И. А. Батмановым, который исходя из традиционного утверждения о «диффузности» мышления первобытного человека (тогда как следовало бы говорить о конкретности этого мышления), выдвигает на первый план категорию аориста, ибо она «всеобъемлюща, полисемантична, универсальна» (И. А. Батманов. Указ. раб., стр. 37).

актуального) он противопоставлен форме на $-(y)jor$ в качестве немаркированного члена привативной оппозиции; в значении настоящего неопределенного — той же форме $-(y)jor$ как сильный (отмеченный) член контрарной оппозиции; наконец, по модальному признаку предопределенности он входит в контрарную оппозицию $-(j)a\check{z}ak \sim -(^o)r$ в качестве неотмеченного члена²⁰.

3. **Вариант $-jug$ и настоящее на $-jor$.** Один из алломорфов аориста не может быть обозначен формулой $-(^o)r$. Речь идет о варианте $-jur$, $-jür$ (или $-jor$, $-jör?$), который в рунических и некоторых других древних памятниках присоединялся к основам, имеющим в исходе гласный, например: $ja\check{s}a-jug$ 'он живет'.

К. Фой считал этот вариант аффиксом $-jor$, известным по турецкому языку²¹. Это мнение подверглось критике со стороны В. Банга, усматривавшего в среднеязычном спиранте «Hiatusstilger», то есть разделительный согласный²².

То, что вариант $-jur$ или $-jör$ тюркского аориста не идентичен турецкому аффиксу $-jor$, не вызывает сомнений. Г. Хазаи, исследовавший транскрипционные тексты XVII века, указывает, что презенс на $-yjur$ имел в то время очень ограниченное употребление²³. В. Г. Гузев называет для староосманского языка лишь конструкцию, состоящую «из деепричастий на $-(j)a$, $-(j)u$, $-(j)i$ и н... глагола $jory-/jogu-$ (или $jüri-/jügü?$)»²⁴, которая, как известно, и превратилась позже в форму настоящего определенного времени²⁵. Ф. Е. Корш также указывал, что форма на $-jor$ «появляется в османских письменных памятниках не ранее XVI—XVII вв.», добавляя, правда, что она «видимо все же, существовала уже в общетюркском языке»²⁶. (Очевидно, Ф. Е. Корш имел при этом в виду все тот же алломорф $-jur$ или $-jör$).

Разумеется, нет оснований считать форму типа $ba\check{s}la-g$ 'он начинает' более древней по сравнению с $ba\check{s}la-jug$, как предполагал Г. Рамстедт²⁷. Впрочем, и принадлежащую В. Бангу Hiatusstilger'овую трактовку воз-

²⁰ Следует, по-видимому, различать термины *немаркированный* и *неотмеченный* члены (и, соответственно, *маркированный* и *отмеченный*). Под *неотмеченным* (слабым) членом нами понимается такой, который выступает только в отрицательном качестве. Возможная экспансия в зону неприсущих данной форме значений [что наблюдается, например, в отношении формы $-(y)jor$ как неотмеченного члена контрарной оппозиции $-(^o)r \sim (y)jor$] должна трактоваться в аспекте появления и становления новаций и едва ли нуждается в каких-либо формальных дефинициях.

²¹ См.: K. Foy. *Azerbajgânische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen*. — «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen», Jahrg. VI, Abteilung, 2. Berlin, 1903, стр. 159 и сл.; см. также: М. Н. Хыдыров. К истории изучения формы настоящего времени глагола в юго-западной группе тюркских языков. — «Советская тюркология», 1971, № 6, стр. 45 и сл.

²² W. Bang. *Monographien zur türkischen Sprachgeschichte*. — «Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften... Philol.-hist. Klasse», 12. Abhandlung, 1918, стр. 5; см. также: А. П. Поцелуевский. Указ. раб., стр. 148; R. R. Arat. Указ. раб., стр. 156; T. Tekin. *A grammar of orkhon turkic*. Bloomington, 1968, стр. 177.

²³ G. Hazai. *Zum balkanischen Hintergrund der osmanisch-türkischen Transkriptionstexte von Bartholomaeus Georgievits*. — «Studia Slavica Hung.», XX, 1974, стр. 86, 87.

²⁴ В. Г. Гузев. *Староосманский язык*. М., 1979, стр. 63.

²⁵ Это превращение произошло буквально «на глазах» (См. работы Ф. Менинского, Хольдермана, В. Максимова и др.); в связи с этим мало понятна гипотеза И. В. Кормушина, предполагающего становление настоящего на $-jor$ путем сращения «формы на g с особым показателем j ». (И. В. Кормушин. Явление фузии в истории алтайских языков и его значение для решения проблемы общности алтайских языков. — «Проблема общности алтайских языков», Л., 1971, стр. 363).

²⁶ Ф. Е. Корш. Происхождение формы настоящего времени в западнотюркских языках. — «Древности восточные», т. 3, вып. 1, М., 1907, стр. 2.

²⁷ Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 84; см. в связи с этим примечание редактора книги Н. А. Баскакова (стр. 234) и обстоятельную критику Л. Похансона (L. Johanson. *Das tschuwaschische Aoristthema*, стр. 131—133).

никновения звука *j* нельзя признать убедительной: за разделительным согласным, казалось бы, могли следовать гласные различного качества; между тем, как уже отмечалось, негубные в алломорфе *jur*, *jür* представлены не были.

4. Аффикс или фузионное сращение? До недавнего времени показатель аориста считался единой, неделимой единицей и возводился обычно к какому-либо другому аффиксу или лексеме. Таковы гипотезы: Ж. Дени $(-{}^{\circ})r < er$ 'человек'²⁸ — мысль, явно неприемлемая); И. А. Батманова, сопоставлявшего этот аффикс с основой глагола $e = er$ 'быть'²⁹, при полном игнорировании доминантного, судя по древним памятникам, варианта этого аффикса *-ur*, *-ür* или даже *-jur*, *-jür*; Н. А. Баскакова, указывающего на древние формы аффиксов отглагольных имен на *-gъыр*, *-къыр*, *-гъар*, *-къар* и другие, которые «близки по своей семантике имен существительных и прилагательных, выражающих свойство лица совершать действие обычно, к функциональной атрибутивно-определяющей форме причастия будущего времени на *-ap/-er*»³⁰; А. Н. Кононова, идентифицировавшего аорист с показателем направительно-дательного падежа³¹.

В современной тюркологии доминирует мнение, что аорист исторически сложился из двух или более ранее независимых элементов. Так, только за последнее десятилетие различные гипотезы о происхождении аориста, базирующиеся на указанном предположении, высказали Г. Дёрфер, Э. А. Грунина, Л. Йохансон, Б. А. Серебrenников.

Согласно любопытным «спекуляциям» Г. Дёрфера — так сам автор назвал последний раздел своей большой статьи — различные гласные в составе показателя аориста в древнетюркском языке (*u*, *a*, *y*) были лексически обусловлены (идея пространственных тензоров), а сам аорист имел в своей основе глагольное имя на *-a* в неопределенном падеже, или деепричастие на *-a*; слияние этой единицы с формой 3-го лица глагола *är* 'быть' и привело к образованию аориста³². Эта теория лишена должной четкости (не говоря уж о ее принципиальных изъянах, о чем будет сказано ниже).

Архисложной является модель образования аориста, предлагаемая Э. А. Груниной. Основные моменты ею излагаются в следующих пунктах: 1) «Исходная форма имела дуративный характер...»; в основе форм со значением настоящего актуального лежит способ действия (Aktionsart); 2) «Исходную основу дуративности следует предполагать в каком-либо глаголе-модификаторе, сама форма которого могла бы предопределить незамкнутую акциональность. Следует думать, что это были формы древнего аориста — предикативного имени от неопределенных глаголов со значением продолжающегося состояния, развития признака или свойства. Очевидно, признак внутренней динамики и потенциальности в НБ исходил из этого древнего аориста **-r*, который, таким образом, следует отличать от НБ $(-{}^{\circ})r$. Глаголом-модификатором выступал **a-*, **i-* 'быть'».

²⁸ J. Deny. Указ. раб., стр. 936.

²⁹ И. А. Батманова. Указ. раб., стр. 40, 41.

³⁰ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. М., 1952, стр. 400; см. в этой связи критические замечания автора: П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках. — «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960, стр. 67—69.

³¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного тюркского литературного языка. М.—Л., 1956 стр. 225—226; см. критическую реплику К. Брокельмана на отчасти сходную гипотезу В. Банга (C. Brocke'mann. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, вып. 4, § 180.a, стр. 230).

³² См.: G. Doerfer. Der Imperativ im Haladisch. — «Finnisch-ugrische Forschungen», B. 39. H. 3, Helsinki, 1972, стр. 337 и сл.

Элемент *-r* — предикативное имя, «для которого обычно отмечается его исконное значение многократности <собираательной множественности>; 3) «Разный характер гласного аффикса НБ исходил из формы основного глагола, следовательно, проблема гласного аффикса... лежит вне возникновения самого НБ, в существовании особого предикативного имени (деепричастия, пространственного тензора и т. п.)»; узкий гласный «присоединялся к глаголам, имевшим значение состояния, перехода из одного состояния в другое, действия, ограниченного сферой субъекта; аффикс с широким гласным предусматривал значения, связанные с предельностью»³³.

В чем-то сходным является подход к проблеме Л. Йохансона, объясняющего чередование гласных в аористе следствием старого состояния, когда первоначальные основы присоединяли дополнительный гласный, по типу: **saγa-* (ср. монг. *saγa-*, др.-тюрк. *saγ-*) 'доить', причем исходное значение этих огласовок — были ли это пространственные тензоры или что-то иное — автором не выясняется. Стабильное *U*, позже во многих случаях выпавшее, относилось собственно к аффиксу аориста или же деепричастия, а элемент *r*, или, в соответствии с гипотезой Г. Дёрфера, *-ār* 'является, есть', добавился позже, первоначально как форма третьего лица. (Следовательно, чувашский аорист может восходить к аорист-основе *U* без этого позднейшего *r*.) Вот каковы этапы становления формы аориста на примере глагола *kāl-* 'приходить': 1) *kāl-*, 2) **kāl-i*, 3) **kāl-i-jū*, 4) (кроме чувашского?) **kāl-i-jū-r*, 5а) *kāl(ij)ü/r/* > *kālü/r/*, 5б) *kāli(jü)/r/* > *kāli/r/*, 6а) (в чувашском) *kilē*³⁴.

По мнению Б. А. Серебренникова, источником будущего времени в тюркских языках «могли быть глаголы с суффиксом *-ar* (*-er*), означающим процесс становления определенного качества, ср. азерб. *агармак* 'белеть'...». Такая возможность подтверждается, по мнению автора, широким использованием глагола со значением «становиться» для образования будущего времени (в языках разных типов). Показатель с узким гласным совпадает с показателями основ глаголов, обозначавшими процесс действия, например, узб. *ноли-моқ* 'стонать' и т. п. Таким образом, аффикс настоящего-будущего времени сложился из показателей древних глагольных основ на *-i*, *-u* и *-a*, означавших длительное действие, и общего элемента *-r*, являвшегося, по-видимому, древним аффиксом многократного действия³⁵.

5. Методические и лингвистические посылки. Все упомянутые выше суждения носят почти сплошь спекулятивный характер, однако трудно ожидать иного, когда исследуется генезис одного из древнейших аффиксов. Отсутствие надежных фактов вынуждает исследователей строить те или иные догадки, прибегая к помощи косвенных и чаще всего недостоверных свидетельств. В этих условиях особенно важно четко определить исходные рубежи.

В плане методическом заслуживают внимания три момента.

Во-первых, хотелось бы поддержать позицию Э. В. Севорьяна, считавшего, что «прежде чем обращаться к тунгусо-маньчжурским и даже монгольским языкам, имеющим с тюркскими языками много сходений, тюркологу необходимо разобраться в собственно тюркологических воп-

³³ См.: Э. А. Грунина. О форме настоящего-будущего на *-(^o)r* в тюркских языках. — «Тюркологические исследования». М., 1976, стр. 105—108.

³⁴ См.: L. Johanson. Das tschuwasschische Aoristthema, стр. 129, 134—137.

³⁵ См.: Б. А. Серебренников. Два этюда из истории тюркских языков. — «Советская тюркология», 1978, № 1, стр. 3—4.

проясах»³⁵. Гипотезы, построенные на базе формальных сопоставлений тех или иных тюркских и «алтайских» суффиксов, чаще всего не столько проясняют, сколько еще более усложняют картину.

Необходимо, во-вторых, уточнить наше отношение к теории фузионного сращения аффиксов, которая, к сожалению, позволяет лишь более или менее произвольно разложить определенный грамматический показатель на два или три составных элемента без какого-либо этимологического анализа. Хотя нет оснований отвергать эту теорию в целом, к ней следует прибегать лишь предварительно испробовав все возможности классического решения вопроса, что, как известно, предполагает происхождение любой грамматической единицы из первоначально самостоятельного, полнозначного слова. Реальна ли, однако, надежда обнаружить эти полнозначные слова, легшие в основу морфологической системы языка? Есть основания полагать, что язык как морфологическая система — хотя морфологизация отнюдь не является обязательным условием его успешного функционирования — начал складываться сравнительно недавно, скорее всего не более двадцати-тридцати тысяч лет тому назад [причем это касается не только тюркского (алтайского?) праязыка, но и языков других семей]. К этому времени тюркский язык был достаточно богат лексически, и можно полагать, что важнейшие лексические единицы, составившие фундамент грамматической системы, без существенных изменений дошли как до эпохи древнетюркских памятников, так и до наших дней.

Таким образом, этимологизацию наиболее древних элементов морфологической системы тюркских языков — а к их числу относится, несомненно, и показатель аориста — следует проводить, беря за основу доморфологический уровень развития языка. При этом основным приемом должна явиться условная реконструкция реальных речевых произведений. Только в том случае, если такая реконструкция позволит поэтапно представить весь ход становления и развития какой-либо грамматической единицы — разумеется, с учетом имеющихся языковых фактов, — данная этимология может быть признана приемлемой.

Упомянутые выше теории нельзя в этом отношении назвать достаточно убедительными. Вот, например, неясности, возникающие при ознакомлении с гипотезой Б. А. Серебrenникова: Каков генезис суффикса *-ar/-er*, «означающего процесс становления определенного качества»? Каким образом, пройдя через какие конкретные стадии, отыменный глаголообразующий суффикс превратился в основу показателя будущего времени? Как функционировали в древности глагольные основы с присоединенными к ним показателями длительности действия? Каково происхождение элемента *-r*? Каким образом он участвовал в образовании настоящего-будущего времени? И т. д.

В теоретико-лингвистическом плане внимания заслуживает прежде всего утверждение Г. И. Рамstedта о том, что глагольная основа в тюркских языках «как правило, всегда имеет окончание. По существу, основа глагола — всего лишь умозрительное представление грамматистов»³⁷. Такой взгляд должен быть расценен как заведомо неправильный. На начальных этапах развития языка никакой морфологии вообще быть не могло, не было, следовательно, и глагольных окончаний.

³⁵ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 6—7. См. также: А. М. Щербак. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. — «Вопросы языкознания», 1966, № 3, стр. 21—35.

³⁷ Г. И. Рамstedт. Указ. раб., стр. 81. Этот тезис поддержал и Н. А. Баскаков — см. там же, стр. 233, комм. 78.

В таких условиях глагольная основа никак не могла быть всего лишь «умозрительным представлением». Как раз наоборот: она имела совершенно конкретные значения. Поскольку в процессе общения люди использовали простое распространенное предложение, глагольная основа должна была выступать: а) в значении повелительного наклонения, б) в значении изъявительного наклонения³⁸. В последнем случае ею могли обозначаться как действия, протекающие в момент речи, так и действия, уже завершённые. Поскольку связный рассказ о прошлом не был еще возможен, а краткие сообщения касались фактов, либо имевших место в момент речи, либо только что (недавно) завершившихся, более существенную роль для древнего человека играли, несомненно, отношения пространственные, а не временные. Но это не означает, разумеется, что пространственные или, допустим, предикативно-объектные отношения должны были непременно найти отражение в морфологической системе глагола. По крайней мере, в системе тюркского глагола каких-либо следов отражения таких отношений обнаружить не удастся.

Можно, таким образом, «восстановить» для доморфологического уровня развития тюркского праязыка предложения типа: *Eg al at или *Eg at al 'Человек берет//взял коня'³⁹, *Eg ket 'Человек уходит//ушел', *Ol kel 'Он идет//пришел', *Ben je 'Я ем// (по)ел' и т. д.

Могли ли быть первыми суффиксами, присоединенными к основе глагола в предложениях указанного типа, показатели деепричастий, причастий, глагольных имен и т. п.? Вне всякого сомнения, этого быть не могло. Деепричастия, причастия и глагольные имена свидетельствуют о высокой развитости синтаксической структуры предложения, когда глагол употребляется в различных синтаксических позициях. Но речь идет о том этапе, когда он мог занимать единственную позицию — сказуемого. Следует полагать, что первым суффиксом, присоединившимся к основе глагола, как раз и был показатель аориста, известный во всех тюркских языках. В этой связи упомянутые выше гипотезы Г. Дёрфера, Э. А. Групиной, Л. Йохансона приходится отвергнуть из общетеоретических соображений: они возводят названную форму к тому или иному деепричастию, предикативному имени, причастию и т. п., что расходится с изложенными выше общими установками.

6. **Генезис аффикса НБ.** Аффикс -(°)r не мог присоединиться к основе глагола сразу как таковой. Не мог он быть и служебным словом — их еще не было. Речь может идти, таким образом, лишь о полнозначном слове.

В тюркских языках издавна существуют такие глаголы, как bag- 'идти; отправляться; ходить', ket- (или kit-) 'идти, уходить; отправляться', kel- 'идти, приходиться'. В доморфологическую эпоху эти глаголы могли обозначать как действия, протекающие в момент речи, так и действия, уже завершённые, например: kel '1) (он) идет (сюда); 2) (уже) пришел'; ket '1) уходит; 2) (уже) ушел', bag '1) отправляется; 2) (уже) отправился'. Это касается и таких глаголов, как tur-, jat-, oltur-, например: tur '1) стоит; 2) остановился', jat '1) лежит; 2) лег', oltur '1) сидит; 2) сел'. Правда, четыре последних глагола нередко употребляются ныне как вспомогательные, обозначая незавершённый, длящийся процесс, но в таком значении они выступают главным образом в сочетании с аффиксом настоящего-будущего времени: tur-ur (позже tur, tu и t) 'он есть', jat-ur

³⁸ Это положение не может, естественно, распространяться только на тюркские языки. См., в частности: А. Н. Савченко. Древнейшие грамматические категории глагола в индоевропейском языке. — «Вопросы языкознания», 1955, № 4, стр. 120.

³⁹ Вряд ли порядок слов в тюркском праязыке был с самого начала фиксированным; это явление, по-видимому, возникло в процессе морфологизации языка.

‘он лежит; он пребывает’ и т. д. В данном же случае речь идет о домор-фологической эпохе, когда аффикса $-(^o)r$ еще не было.

Особенность глагола *jog* или *jügü*⁴⁰ по сравнению со всеми названными глаголами заключалась в том, что он мог обозначать только действие, протекающее в момент речи: *jog* (*jügü*) ‘он идет, шагает (движется)’. Значение «он (я, ты...) шел» было бы возможно в повествовании, рассказе, но, как уже говорилось выше, рассказ как форма общения появился, несомненно, в более позднюю эпоху; в кратком же сообщении значения «он шел (тогда)» быть не могло.

В связи с названной особенностью глагола *jog* можно полагать, что именно он был использован в древнейшую эпоху для передачи значения совершаемости действия в момент речи. Видимо, не случайно и А. П. Поцелуевский особо выделял глагол *йөр* ‘ходить’ среди прочих глаголов, выражающих длительность действия⁴¹.

Но, разумеется, если сказать $*ben\ je\ jog\ (jör)$ ‘я ем (съел) и иду’, то понять это *jog* можно только в прямом смысле, а отнюдь не в значении настоящего актуального. Очевидно, глагол *jog* начал присоединяться, первоначально как уточняющий, лишь к некоторым глаголам и именно — к глаголам движения (*ket*, *kel*, *bar*...). Это было возможно потому, что сам этот глагол нейтрален в смысле направленности действия и выражает «только самый процесс, т. е. движение как таковое (*йөрү* ‘шагать’, ‘двигаться’...)»⁴². Например, говорили: $*(ol)\ ket\ jog$ ‘(он) уходит, шагает’, $*kel\ jog$ ‘идет (сюда), шагает’, $*bar\ jog$ ‘идет, шагает’. Здесь глагол *jog* употреблен в своем основном значении («идет, шагает»), но в то же время он способствует уяснению незавершенности процесса (*уходит*, но еще не *ушел*), что порождает противопоставления $bar \sim bar\ jog$ (*ушел \sim уходит*), $ket \sim ket\ jog$, $kel \sim kel\ jog$. Позже глагол *jog* стал присоединяться и к некоторым другим глаголам, например: *Eg bis-ke baq jog* ‘Человек глядит на нас (и) идет’, причем со временем такая фраза стала произноситься и тогда, когда трудно было различить, идет человек или стоит, то есть глагол *jog* (*jör*) начал приобретать функции вспомогательного глагола. Процесс, длившийся, по-видимому, не одно тысячелетие, привел к тому, что глагол *jog* стал в необходимых случаях присоединяться к любому глаголу: *ben je jog* ‘я ем’ (а не: ‘ем и иду’) — здесь этот глагол имеет уже чисто вспомогательные функции: указывает на незавершенность действия.

Поскольку глагол *jög* (*jog*) употреблялся очень часто и притом не в своем исходном (словарном) значении, он вскоре в этом своем употреблении начал утрачивать первоначальный облик, превращаться в аффикс. Если, присоединяясь к глаголам, имевшим в исходе гласный, он долгое время не претерпевал никаких или почти никаких изменений (ср. орх.-енис. *jaša-jur* (-*jog*) и пр.), то сочетания типа *al-jog*, *ur-jog*, *ač-jog*, *ič-jog* и т. п. были неудобны для произношения. Вместо o ($ö?$) в необходимых случаях стали произносить гласные $ö$ (o) или u , $ü$ — так было положено начало гармонии гласных; спигант j постепенно выпал, замененный заместительной долготой гласного: $*al-jög \rightarrow al-jog$ (*al-jur*) $\rightarrow al-(j)ur \rightarrow al-ür$ ⁴³. После шипящего $č$ — а также, очевидно, и в некоторых других случаях — вскоре произошла делабиализация гласного: $*ič-jög \rightarrow *ič-$

⁴⁰ Эти варианты, а также *jögu*- и *jügi*- предлагает «Древнетюркский словарь» (Л., 1969), стр. 274 и сл., а также дают некоторые авторы; А. П. Поцелуевский (для туркменского) — *jöge*- и *jög*- (см.: указ. раб., стр. 152).

⁴¹ См.: А. П. Поцелуевский. Указ. раб., стр. 155.

⁴² Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 594.

⁴³ Т. Текин в числе нескольких аффиксов, имевших в орхоно-енисейском долгий гласный, называет и аффикс $-yrl-i:r$, $-ür/-ü:r$ (Т. Текин. Указ. раб., стр. 70).

ог → іс-ег; *ас-јог → *ас-ог → ас-аг; *кес-јог → *кес-ог → кес-ег и т. п. Аффикс настоящего времени, в дальнейшем взявший на себя функции аориста (см. пункт 2), стал многовариантным. Впрочем, в то время еще не существовало закономерности, ограничивающей вариантность аффиксов только узкими или только широкими гласными. Эта закономерность наметилась позже и «обратной силы» не имела (на аффикс $-(^o)r$ уже не распространилась).

Выпадение спиранта j после согласных основ произошло в доисторическую эпоху, и примеры, где бы этот звук сохранился, в памятниках древнетюркской письменности в общем отсутствуют. Вот, однако, что пишет К. Брокельман в разделе «Аорист»: «Только в OQ⁴⁴₂₂₇ обнаруживается однажды форма *siv(i) uyg irdi* 'он любил' с вспомогательным глаголом *uyg-* 'идти' для выражения длительности, встречающимся еще только в османско-турецком, а также QJ⁴⁵ § 50»⁴⁶.

7. Еще раз: аффикс $-јог$ и турецкое настоящее на $-ујог$. Если древнейшими вариантами аориста были $-јог$ (или $-јур$), $-јог$ (или $-јүг$)⁴⁷, причем взгляд В. Банга на звук j как на разделительный согласный⁴⁸ приходится отвергнуть, то К. Фой, несомненно, прав в том, что древнетюркский $-јог$ и турецкий $-јог$ восходят к одному источнику — к глаголу $јог-$ ($јög-$?, $јүgü-$?) 'идти'. Однако турецкий аффикс начал складываться в то время, когда аффикс настоящего-будущего времени давно уже утратил всякие следы своей былой связи с глаголом $јог-$ ($јүг-$). При этом и структура турецкого аффикса совершенно отлична от структуры древнего аффикса $*-јог > -(^o)r$. Этот последний восходит к самостоятельно функционировавшей основе глагола $јог$. Турецкий же аффикс $-ујог$ исторически сложился из трех элементов, ср. $al-u јог-иг$ 'он беря идет, он берет', а именно: 1) из деепричастия на $-у$ (или $-а$), представляющего собой усеченный аффикс аориста (первоначально от глагола $kög-$ 'видеть', возможно также $qaga-$ 'смотреть'): $-(j)u < -(j)ur, -y < -yr, -a < -ar$ ⁴⁹, восходящий, как мы знаем, к глаголу $јог$; 2) из основы глагола $јог-$ и 3) из аффикса аориста $-иг$, восходящего к тому же глаголу. Таким образом, аффикс аориста, присоединенный, например, к основе глагола $al-$ 'брать', этимологизируется просто: $al+јог$ ($jög$). Аффикс же настоящего на $-ујог$ в ретроспективно-этимологическом плане имеет следующий вид: $al+јог+јог+јог$, где $јог$ (трижды!) основа глагола 'идти'.

Поскольку к началу XIV века, времени, которым датируется рукопись OQ, настоящее время типа турецкого $ујог$ еще не начало складываться, в примере, приведенном К. Брокельманом, следует усматривать не «османскую» форму ($siv-i-jüg$), а случайно сохранившуюся древнюю

⁴⁴ «Oyuz Qayan»; см.: W. Bang u. G. Rachmati. Die Legende von Oghuz Qaghan. Berlin, 1932, стр. 16.

⁴⁵ «Qissa'i Yüsüf».

⁴⁶ C. Brockelmann. Указ. раб., вып. 5, стр. 296.

⁴⁷ Ср. в связи с этим мнение Р. Р. Арата, см. сн. 12.

⁴⁸ См. сн. 22.

⁴⁹ См.: П. И. Кузнецов. К этимологии аффикса дательного падежа и деепричастия на $-ul-a$ в тюркских языках [принята к опубликованию в сборнике «Тюркское языкознание (в честь восьмидесятилетия со дня рождения Н. К. Дмитриева)»].

В данном случае следует, несомненно, иначе, чем Э. А. Грунина (см. указ. раб., стр. 105) оценить тот факт, что «распределение деепричастий $-а$, $-и$, $-і$ по глагольным основам во многом повторяет то же соотношение в показателе $-(^o)r$ »; это говорит не «в пользу функционального чередования аффиксов в НБ» (что никем не зафиксировано — хотя бы в рудиментарном виде — ни в отношении этого показателя, ни в отношении названных деепричастий), а в пользу того, что деепричастия на $-и$, $-а$, $-у$ возникли (путем отпадения r в аффиксе аориста) в тот период, когда показатель аориста был уже многовариантным. В противном случае деепричастие имело бы лишь два — еще в древнетюркском «наиболее частых» (A. v. Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, стр. 121) — лабиальных варианта: $-(j)u$ (или $-(j)o$), $-(j)ü$ (или $-(j)ö$).

форму аориста: *siv-jür* (без гласного *i*, который К. Брокельман поместил в скобки).

* * *

Таким образом, аорист произошел из соположения двух глаголов-основ (в позиции сказуемого), второй из которых (*jog* или *jög*) сначала становится вспомогательным, а затем превращается в аффикс. Если в нашей гипотезе не обнаружится каких-либо теоретических, логических или фактических неувязок, то этим лишний раз подтвердится чисто глагольный (глагольно-предикативный) характер аориста, а тем самым — и других сходно функциональных форм, которые грамматическая традиция считает «глагольно-именными», «причастными», «диффузными», «ни личными, ни неличными» и т. п.

Х. Г. НИГМАТОВ

О ХАРАКТЕРЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ФОРМ И КАТЕГОРИЙ

В языкознании однозначность тюркских (шире агглютинативных) суффиксов вплоть до недавнего времени рассматривалась как достоверный факт. Подтверждение однозначности тюркских словоизменительных формантов можно найти в каждом учебнике и пособии по общему языкознанию¹. Данное мнение и связанное с ним противопоставление значений и функций суффиксов в агглютинативных и флективных языках не раз вызывали серьезные возражения со стороны тюркологов и алтаистов².

Отсутствие категории рода (то есть деления на классы) и способа согласования в атрибутивных словосочетаниях, а также достаточно четких границ между показателями падежа и числа в именных словоформах делают тюркские морфологические элементы «однозначными» лишь в том случае, если подходить к тюркским языкам с позиций флективных языков синтетического типа с осложненной морфологией (к ним относится, в частности, русский язык), на материале которых А. Шлейхером (а частично и Ф. Боппом) выработаны понятия агглютинации и флексии. Такое сугубо внешнее сопоставление фактов языков разных систем, зачастую затушевывает сложную систему взаимоотношений и функций, в которых находится и которые выполняет каждый элемент конкретного языка в пределах своей собственной системы. Причем понятия «однозначность»/«многозначность» должны определяться именно в пределах этой собственной системы.

Тюркологическими исследованиями последних лет выявлен сложный характер грамматической многозначности тюркских словоизменительных средств, принципиально отличающейся от таковой у флективных языков. Системно-диалектическая методика исследования тюркских морфологических категорий в субстанциально-функциональном

¹ Ср. недавнее замечание Г. И. Мельникова: «... Желательно, чтобы за каждым аффиксом (в восточноборейских языках. — *Х. Н.*) было закреплено лишь одно (деривационное или реляционное) значение... В западноборейских языках явно преобладают аффиксы, имеющие несколько грамматических значений» (*Г. П. Мельников. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 125—126).*

² См.: *А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 180.* Ср. также: *А. Боровков. Агглютинация и флексия в тюркских языках. — В сб.: «Памяти акад. Л. В. Щербы». Л., 1954, стр. 117—125.* Данный вопрос был поднят еще В. В. Радловым в его «Рассуждениях». Этому вопросу посвящены и материалы специальной лингвистической конференции в Ленинграде («Морфологическая структура слова в языках различных типов». Л., 1963).

аспекте, разработанная в исследованиях С. Н. Иванова, позволяет по-иному взглянуть на природу грамматического значения форм и категорий тюркских языков, вскрыть и объяснить характер многозначности морфологических элементов³. Следует особо отметить, что данная методика исследования тюркских языков опирается на достижения марксистско-ленинской диалектической логики, примененной исключительно к фактам тюркских языков.

Раскрытие внутренней природы многозначности и противоречивого единства тюркских словоизменительных аффиксов позволит, в свою очередь, по-иному подойти к определению характера и сущности значения форм и категорий в этих языках.

В морфологических элементах, при семантико-функциональном подходе, необходимо различать синтезированные типы значения⁴. Сущность синтезирования заключается в том, что в одном форманте нерасчлененно сосуществуют разнородные грамматические значения, каждое из которых в системе данного языка имеет ядерную категорию, выражающую прежде всего именно это грамматическое значение.

Тюркские грамматические форманты с синтезированным значением напоминают своей многозначностью (то есть слитным выражением значений разных категорий) окончания слов во флективных языках. Ср. синтезирование в русском показателе *-у* (в парадигме *-у/-ешь/-ет*, например, «пишу») грамматических значений 1-го лица единственного числа настоящего (или будущего) времени изъявительного наклонения, а в узбекском — *-а/-й-* (в *ўқий* 'почитаю-ка') — значений 1-го лица единственного числа повелительно-желательного наклонения (соответственно — будущего времени). Каждое из упомянутых типов значений, синтезированных в тюркском показателе, имеет свою ядерную категорию; в тюркских языках существуют особые категории лица (ядро данной категории составляют личные местоимения), числа (противопоставления форм единственного и множественного чисел в именах существительных), времени/наклонения. Следовательно, показатель *-а/-й-* в семантико-функциональном отношении должен изучаться в пределах трех (или четырех) категорий тюркских языков⁵. Задача тюрколога заключается в том, чтобы выявить общее и специфическое в особенностях проявления грамматических категориальных значений в пределах форм ядерной категории, а также в тех формах, где эти же значения выступают как синтезированные.

Форм с синтезированными типами значений в тюркских языках немало. К ним относятся:

- 1) аффиксы принадлежности, в которых синтезированы значения: а) самой принадлежности, б) лица обладателя, в) числа обладателя;
- 2) аффиксы повелительно-желательного наклонения, в которых синтезированы значения: а) лица/числа, б) наклонения и времени;

³ См.: С. Н. Иванов. К истолкованию многозначности грамматических форм. — «Вопросы языкознания», 1973, № 6; его же. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1969; его же. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Ташкент, 1969; его же. Курс турецкой грамматики. Части I и II. Л., 1975, 1977.

⁴ См.: В. Я. Ярцева. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языка. — В сб.: «Типология грамматических категорий». М., 1975, стр. 15.

⁵ Данная статья исходит из толкований грамматических форм имен и глаголов, содержащихся в вышеуказанных работах С. Н. Иванова и в статьях автора этих строк, посвященных категориям времени, наклонения, падежа, принадлежности, залога, лица (числа) и т. д., опубликованных в журналах «Советская тюркология» (1970, № 5; 1973, № 1; 1975, № 4; 1976, № 3; 1977, № 4) и «Узбек тили ва адабиёти» (1970, № 3; 1971, № 1; 1972, № 1—2). См. также: Х. Г. Нигматов. Морфология языка восточнотюркских памятников XI—XII веков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1978.

3) все типы предикативных аффиксов лица/числа. В этих аффиксах синтезированы значения лица и числа. Кроме того, в так называемых полных аффиксах сказуемости (-ман, -сан и т. д.) в составе именного сказуемого при отсутствии специальных показателей предикативной связи синтезированы также значения настоящего-будущего времени и изъявительного наклонения (например, *ўқитувчиман* 'я учитель').

Однако изучение форм с синтезированными типами значений не позволяет вскрыть подлинную природу тюркской грамматической многозначности, так как эти формы по своей природе и семантической нагрузке принципиально ничем не отличаются от флексий индоевропейских языков. Внутренняя природа многозначности тюркских словоизменительных средств проявляется в наличии у грамматических формантов этих языков сопряженных типов значения. Сопряженность значений и их синтезирование различаются тем, что в последнем случае синтезируется ряд грамматических значений, не зависящих друг от друга: «Например, синтезирование категорий (точнее: категориальных значений. — Х. Н.) лица и числа в форманте глагола представляет собой объединение грамматических значений, никак не связанных»⁶. При сопряженности разных типов значений наблюдается полная взаимозависимость значений друг от друга; эти значения в рамках системы данного языка, предполагая наличие друг друга, составляют сущность определенной грамматической категории и не могут быть оторваны друг от друга. Сопряженные типы значения существуют во всех грамматических формах тюркских языков, и данное свойство является производным от обязательной противоречивой двойственности каждой их грамматической формы, методически обоснованной в вышеуказанных исследованиях С. Н. Иванова. Сама двойственность грамматических форм обусловливается двойственным характером языка и как формы мышления, отражающего объективный мир и отношения между его элементами, и как самостоятельной системы, сущность функционирования элементов которой определяется внутрисистемными отношениями⁷. Поэтому тюркские морфологические элементы, с одной стороны, мотивированы отражением объективного мира, а с другой — обусловлены внутрисистемными отношениями (значение формы и языковая, системой обусловленная значимость формы), причем каждая форма включается минимум в два ряда оппозиций — в малый ряд по семантическому признаку и в большой ряд по системно-языковому (или условно синтаксическому) значению⁸.

Рассмотрим сопряженные типы значения у отдельных грамматических категорий.

1. Категория числа. В формах числа в диалектическом единстве находятся значения количественной и качественной характеристик обозначаемых словоформами предметов (денотатов). Причем форма единственного числа является нейтральной по отношению к точности или неточности количества обозначаемых словоформой предметов (ср. *китоб* 'книга вообще как предмет', *ўн китоб* 'десять книг') и маркирована по признаку компактности (нерасчлененности, однородности) денотатов⁹; форма множественного числа маркирована по признаку сиг-

⁶ В. Я. Ярцева. Указ. раб., стр. 15.

⁷ См.: С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Часть I, стр. 91. Ср.: Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. Автореф. докт. дисс. М., 1968, стр. 22—24.

⁸ См.: С. Н. Иванов. К истолкованию многозначности грамматических форм, стр. 107.

⁹ Ср.: выделение признаков «количественной ограниченности/неограниченности» в кн.: «Ўзбек тили грамматикаси», I том. Тошкент, 1975, стр. 125—126.

нализации количественно неточного множества обозначаемых словоформой предметов¹⁰ и нейтральна по отношению к качественной однородности/неоднородности денотатов.

В формах как единственного, так и множественного числа при нейтрализации одного типа значений более выпукло выступает другой их тип (ср. *сувлар* 'воды', где подчеркивается именно их разнообразие, вместе с тем данное слово по объему обозначаемых предметов, несомненно, уступает нейтральной словоформе *сув* 'вода', а в выражении *30 ёшларда* 'в возрасте около 30-ти лет' реализуется значение приближительности, неточности).

Несмотря на то, что характеристики предметов, обозначаемых словоформами, и по качеству, и по количеству (один/много; однородный/неоднородный) являются неодинаковыми, противоположными, в формах числа они сосуществуют нерасчлененно и в полном отрыве друг от друга проявляться не могут.

Говоря о многозначности тюркских показателей, следует иметь в виду именно эти — сопряженные, типы значения. Что же касается выделяемых в тюркологических исследованиях десятков других типов конкретных значений словоформ единственного и множественного числа, то они представляют собой формы проявления в различных контекстуальных условиях, при разных лексико-семантических группах имен¹¹ двух вышеуказанных значений, сопряженных в одном форманте, и имеют отношение к системе языка лишь постольку, поскольку являются формами выражения общего, внутрисистемного языкового значения форм числа, выступая при этом в качестве явления по отношению к сущности.

II. Категория принадлежности. В формах этой категории с семантической функцией, состоящей из вышеуказанных синтезированных значений самой принадлежности лица и числа, сопряжена синтаксическая функция осуществления связи господствующего слова с зависимым в составе различных видов притяжательных и выделительных словосочетаний. Любая словоформа с аффиксом принадлежности потенциально способна сочетаться с другими словами и образовать стержень притяжательного словосочетания. Синтаксическая функция этой категории наиболее ярко проявляется в особенностях функционирования аффикса принадлежности 3-го лица единственного числа в составе словосочетаний типа тюркского изафета II и III, когда он довольно часто почти полностью утрачивает свою семантику и образует словосочетания¹². Таким образом, грамматическая многозначность форм принадлежности проявляется в наличии у них семантической и синтаксической функций.

III. Категория падежа. В формах падежа, как и в формах принадлежности, сопряжены семантическая и синтаксическая функции. Семантическая функция падежных форм заключается в сигнализации падежной словоформой принадлежности управляемой или управляющей словоформы и определенной части речи, контактного или дистантного расположения управляемой словоформы по отношению к управляющей (в формах основного, родительного, винительного паде-

¹⁰ Данное значение особенно ярко проявляется в сочетаниях типа *соат бешларда* 'приблизительно к пяти часам', *40-йиллар* '40-е годы'.

¹¹ См.: И. И. Ревзин. Так называемое «немаркированное множественное число» в современном русском языке. — «Вопросы языкознания», 1969, № 3; А. Фуломов. Узбек тилида кўплик категорияси. Тошкент, 1941; А. А. Реформатский. Число и грамматика. — В сб.: «Вопросы грамматики». М.—Л., 1960.

¹² С. Н. Иванов. К истолкованию категории принадлежности. — «Советская тюркология», 1973, № 1.

жей) и в обозначении различных пространственно-временных и объектно-выделительных значений (в формах дательного, местного и исходного падежей). Синтаксическая функция падежей заключается в осуществлении связи зависимого слова с главным.

IV. Категория залога. В формах залога, как неоднократно подчеркивалось в тюркологической литературе, сопряжены словообразовательные значения — изменение в конструкциях с формами косвенных залогов объектной связи исходной основы, — словоизменительное значение характеристики субъекта действия, выраженного исходной основой, а также обозначения отношения действия к грамматическому субъекту предложения.

V. Категория наклонения/времени. В формах наклонения/времени сопряжены значения модальности (в частности, идеальности или неидеальности действия) и времени, то есть обозначения отношения действия к моменту речи. В формах изъявительного наклонения, являющегося в целом нейтральным по отношению к модальным оттенкам, эти значения осложняются расчленением самого временного значения на два сопряженных типа — абсолютное и относительное временные значения. Отдельные формы изъявительного наклонения содержат также оттенки характера протекания действия.

VI. Предикативная категория лица/числа. В формах данной категории также сопряжены семантическая функция, состоящая из указанных выше синтезированных значений, и синтаксическая функция осуществления предикативной связи, то есть сказуемого с подлежащим.

VII. Категория репрезентации¹³. В формах причастий, деепричастий и имен действия сопряжены также семантическая и синтаксическая функции. Семантическую сторону в них составляют различные видо-временно-модальные значения, специфичные для каждой из названных форм данной категории. Синтаксическая сущность форм этой категории проявляется в сигнализации словоформой связи глагольной основы с теми или иными классами слов и в указании места данной словоформы в структуре предложения¹⁴.

Перечисленные выше сопряженные типы значения в грамматических формах находятся в диалектическом единстве и реализуются в речи неразрывно. Однако в отдельных позициях под воздействием различных факторов один аспект значения может нейтрализоваться (затушевываться); ослабление одного аспекта значения грамматической формы компенсируется усилением другого, и единство этих значений, таким образом, не утрачивается полностью. Полный отрыв одного типа значения от другого приводит к приобретению формой новой сущности (ср. деепричастие на *-ганда*, состоящее исторически из причастного показателя *-ган* и падежного показателя *-да*)¹⁵.

Помимо этого, упомянутые выше значения являются категориальными, то есть общими и обязательными для выражения форм данной категории во всех случаях реализации. В самих же формах каждой ка-

¹³ Использование вместо общепринятого «функциональные формы глагола» термина «категория репрезентации» (см.: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 247) удобно по двум причинам: во-первых, данный термин подчеркивает категориальное единство и нахождение в парадигматических отношениях этих форм; во-вторых, формулировка «формы функциональных форм глагола» неудобна из-за тавтологии: ости.

¹⁴ Другими словами, категория репрезентации у глагола выступает как аналог категории падежа у имен (см. статью автора в журнале «Ўзбек тили ва адабиёти», 1972, № 2).

¹⁵ См.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка, стр. 130; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 989.

теории указанные категориальные значения уточняются и конкретизируются, что и составляет значение данной грамматической формы. В каждой грамматической категории непременно имеется форма, не очень отягощенная собственным значением, но более наглядно, чем другие формы данной категории, выражающая именно категориальное значение. К таковым относятся формы: единственного числа, основного падежа, 3-го лица единственного числа, принадлежности, основного залога, настоящего-будущего времени, изъявительного наклонения, причастий. При определенных лексико-грамматических условиях каждая из этих форм может реализовать наряду с собственным значением и значения других форм данной категории, естественно, не переходя в них¹⁶.

Если в синтезированных в одном форманте значениях соединяются или сливаются значения различных грамматических категорий, то через сеть сопряженных значений грамматическая форма (категория) связывается с единицами других категорий и уровней языка. Ср., например, взаимодействие категориальных значений числа с лексическим значением; семантической стороны категории принадлежности — с разного рода синтаксическими конструкциями и словообразованием (то есть отношения: *Каримнинг китоби* 'книга Карима', *китоб Каримники* 'книга принадлежит Кариму' и *Каримда китоб бор* 'у Карима имеется книга', *китобли Карим* 'Карим, имеющий книгу'¹⁷), или же видо-модальных и временных значений — с различными группами слов¹⁸ и т. д. Это обеспечивает в языковой системе не только взаимосвязь единиц разных категорий и уровней, но и является залогом единства и целостности языка.

Рассматривание парадигматического (языкового) значения тюркских морфологических категорий как единства сопряженных друг с другом разнородных типов значения не только вскрывает природу многозначности словоизменительных элементов в этих языках, но позволяет глубже вникнуть в разнообразные и практически бесчисленные связи языковых единиц.

Рассмотрим одно из возможных возражений против многозначности тюркских словоизменительных элементов: сосуществующие в тюркских аффиксах сопряженные значения (даже в случае их признания!) относятся к значениям одной категории, и поэтому тюркские словоизменительные форманты все равно остаются однозначными.

Проиллюстрируем охват значением одной тюркской формы значений и функций нескольких грамматических категорий флективных (например, иранских или семитских) языков.

И тюркские, и иранские формы принадлежности (при именах) включают общие семантические функции выражения реальной или абстрактной (мыслимой) принадлежности, указывающей на лицо и число обладателя: Например:

узб. *китобим* / тадж. *китобам* 'моя книга',
узб. *китобинг* / тадж. *китобат* 'твоя книга',
узб. *китоби* / тадж. *китобаш* 'его книга'.

В данном аспекте тюркские и иранские формы вполне идентичны.

¹⁶ Видимо, это свойственно всем подсистемам языка, элементы которых находятся в парадигматических отношениях и объединяются вокруг ядерных элементов. Ср. выделение доминант (ядерных слов) в системной лексикологии.

¹⁷ См.: Н. К. Дмитриев. Категория принадлежности. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Часть II. Морфология. М., 1956, стр. 23—24; Э. В. Севортян. Категория принадлежности. — Там же, стр. 38.

¹⁸ См.: Н. Х. Салехова. Грамматическая категория времени татарского глагола и темпоральность. Автореф. канд. дисс. Казань, 1975.

Однако тюркские аффиксы принадлежности, помимо сигнализации реальной и абстрактной принадлежности, выполняют также важную синтаксическую функцию связывания слов в составе так называемых притяжательных словосочетаний: тюркское *китоби* вполне допускает (скорее предполагает) образование словосочетаний типа *унинг китоби*, *Каримнинг китоби*, *ўқиб китоби* и др. Что же касается таджикского *китобаи*, то оно в этой форме не допускает образования словосочетания. Притяжательные (шире — атрибутивные) словосочетания образуются в иранских языках особым способом связи — изафетом (показатель — краткий *e/i*): тадж. *китоби хониш* 'книга для чтения', *китоби мо* 'наша книга'¹⁹. Таким образом, тюркский показатель принадлежности сочетает в себе значения и функции двух категорий иранских языков — категории принадлежности и категории синтаксической атрибутивной связи (или отражения, как иногда ее называют²⁰).

Аналогичное положение возникает при сопоставлении значений и функций принадлежности и сопряженного состояния.

На основании приведенного сравнения, казалось, можно было бы констатировать, что значения и функции одной тюркской формы передаются двумя категориями иранских и семитских языков. Однако подобные выводы, базирующиеся на чисто внешних сопоставлениях, не только необоснованны, но и вредны как полученные методологически неверным путем. Сопоставление явлений двух разнотипных языков полезно и необходимо, но только при обязательном условии, что сущность каждого конкретного явления языка будет до того вскрыта в пределах своей собственной системы.

Многозначность тюркских словоизменительных показателей специфична и существенно отличается от многозначности, наблюдаемой в иносистемных языках. Задача в том и заключается, чтобы вскрыть именно эту свойственную тюркским языкам многозначность грамматических показателей.

¹⁹ См.: В. А. Аврорин. Особый способ выражения синтаксической связи. — В сб.: «Вопросы грамматики. К 75-летию академика И. И. Мещанинова». М.—Л., 1960, стр. 31—42.

²⁰ См.: Там же.

Ф. Г. ГУСЕЙНОВ

О ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ СУФФИКСА *-ач* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Проблемам взаимодействия родственных языков обычно отдается предпочтение перед проблемами контактирования разносистемных языков. В первом случае контакты и их результаты признаются более закономерными и регулярными, тогда как во втором — относительно более прерывистыми и не столь регулярными.

При всей естественности данного положения нельзя упускать из виду, что взаимодействие неродственных языков может оставить след в каждом из них. Порою — весьма заметный. В силу этого в любом из таких языков могут встретиться явления, объяснить которые невозможно при условии их рассмотрения в пределах «собственной» системы.

Большой интерес с этой точки зрения представляет взаимодействие русского и тюркских языков. История русско-тюркских языковых контактов знает немало примеров благотворного взаимовлияния, особенно усилившегося в XIX веке, в условиях тесных общественно-политических и культурно-исторических связей, создавших предпосылки для широкого притока в тюркские языки слов, оборотов речи, различной терминологии, словообразовательных элементов русского языка. Эта тенденция значительно усилилась и развилась в период роста революционно-освободительного движения в России. Продолжая интенсивно развиваться в послеоктябрьский период на всех этапах социалистического строительства, она обрела характер глубокой закономерности, как и весь процесс взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур народов СССР.

Следует, однако, отметить, что за многие годы изучения русско-тюркских языковых контактов выработался своеобразный стереотип, очерченный границами лексических заимствований и игнорирующий взаимодействие фонетического, лексико-фразеологического, словообразовательного и грамматического уровней. Между тем, наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет именно данный аспект межъязыковых контактов и поэтому на его изучение должны быть направлены усилия как русистов, так и тюркологов. При этом любое исследование в данной области должно опираться на максимальный учет не только особенностей структуры взаимодействующих языков, но и на специфическое проявление случаев обоюдного воздействия. В этом отношении весьма показательным является взаимодействие словообразовательных уровней.

Словообразование относится к числу наиболее глубоко исследуемых разделов русского языка; имеются многочисленные работы, посвящен-

ные различным его аспектам, в том числе и генезису отдельных словообразующих аффиксов. Вместе с тем в истории словообразовательных морфем русского языка все еще остаются «белые пятна».

В настоящей статье рассматривается происхождение суффикса *-ч* (*-ач*) в русских именах существительных типа: *палач, силач, богач, зурнач, брюхач, бородач* и т. п.¹

В русском языкознании вопрос о происхождении суффикса *-ч, -ач, -чей* впервые был затронут А. Соболевским: «... Имеем слова с русским корнем, но с чужим суффиксом *-чий* (турецкий *-джи*): *кѣрмчий, зѣдчий*. В старорусском языке, при словах на *-чей* с тюркским корнем *домрачей, казначей*, имеем слова на *-чей* и от русских корней — *трубачей*»².

Спустя более семидесяти лет (1964), пытаясь осветить происхождение суффикса *-щик*, Р. Х. Субаева писала: «На русской почве тюркский суффикс *-чи* подчиняется закономерностям русского языка, грамматикализируясь по типу русских родовых слов. Напр. *-чи* дало *-чей: казначей; -щик, -чик: ямщик; -ч: басмач*»³.

Однако из-за недостаточной аргументированности эта точка зрения впоследствии была предана забвению.

Не принимая во внимание эти соображения относительно родословной русского суффикса *-ч, -ач*, специалисты обычно ограничивались характеристикой его словообразовательных возможностей, иллюстрируя их конкретными примерами. Этой устойчивой традиции остался верен и А. А. Реформатский, посвятивший данному вопросу специальную статью⁴. В ней дан обзор соответствующей литературы, приведена семантическая и словообразовательная классификация производных с суффиксом *-ач*, однако не названы работа А. Соболевского и упоминавшаяся статья Р. Х. Субаевой.

В современном русском языке насчитывается, как известно, немногим более пятидесяти производных имен существительных на *-ач*: *избач, горбач, трубач, ковач, головач, рвач, первач, мигач, богач, рогач, дергач, пугач, налыгач, тягач, бородач, пузач, ловкач, стрекач, секач, целкач, толкач, сморкач, циркач, силач, горлач, хохлач, крылач, кормач, басмач, космач, рифмач, лохмач, зурнач, мохнач, трепач, скрипач, копач, косач, волосач, носач, усач, портач, пихтач, смехач, лихач, снохач, слухач, брюхач, ткач, спотыкач, трюкач*⁵.

Этот список можно дополнить и некоторыми периферийными образованиями: *фирмач, хвостац, стукач, хохмач, кедрач, меткач, звукач, энпач, понтач*.

Представляется, однако, неоправданным включение А. А. Реформатским в круг производных на *-ач* имени существительного *кумач*, словообразовательная структура которого не имеет ничего общего с внешне схожими тюркизмами — *палач, басмач, зурнач*.

Ни в одном из тюркских языков в существительном *qıtaş* (*кумач*) не выделяется аффикс *-аџ* (*-ач*). Ср. азерб. *qıtaş* (*гумаш*) — *irək pağısa* (*ипэк парча*)⁶, где вообще нет конечного мягкого *-џ* (*-ч*). Речь

¹ Следует подчеркнуть, что данной публикацией автор не претендует на окончательное разрешение поставленной проблемы, а лишь надеется привлечь к ней внимание специалистов, считая ее весьма важной и перспективной.

² А. Соболевский. Русские заимствованные слова. Литографированный курс. СПб., 1891, стр. 5.

³ Р. Х. Субаева. Из истории русско-тюркских языковых взаимоотношений. — В кн.: «Проблемы тюркологии и востоковедения». Казань, 1964, стр. 141.

⁴ А. А. Реформатский. Существительные на *-ач* в русском языке. — В кн.: А. А. Реформатский. Очерки по фонологии, морфологии и морфонологии. М., 1979.

⁵ Список существительных на *-ач* дан по кн.: А. А. Зализняк, Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

⁶ «Толковый словарь азербайджанского языка». Т. I. Баку, 1966, стр. 573.

здесь может идти о случайном фонетическом совпадении конца этого существительного с производными именами на *-аѣ* (*-ач*). В словах тюркского происхождения аффикс *-ч(и)* имеет только значение лица, а существительное *qıtaş* (*кумач*), *qıtaş* (*гушах*) обозначает неодушевленный предмет как в источнике заимствования, так и в русском языке.

К производным на *-ач* следует отнести также употребляющиеся в современном русском языке фамилии: *Балтача* (фамилия футболиста), производная от тюркского *baltacı*, букв. 'делающий топоры'; *Куинджи* (фамилия русского художника), по-турецки *qımçı* 'ювелир, мастер, изготавливающий изделия из золота и серебра', где *qım* — основа слова, а *-çı* — турецкий вариант суффикса лица *-ci*; *Пызач*, *Горбач*, *Пугач* (от нарицательных имен *пызач*, *горбач*, *пугач* с перемещенным на первый слог ударением). Вероятно, акцентные различия возникли для устранения полной омонимии нарицательных существительных и фамильных имен.

Суффикс *-чи* сохранился и в русских фамильных именах на *-ев*: *Аракчеев*, *Саванчеев*, *Азанчеев*, *Тютчев* и др.

Устойчивость тюркоязычной морфемы в составе собственных имен — вполне закономерное явление, поскольку антропонимы в известной степени тяготеют к длительному сохранению своей прежней словообразовательной структуры.

В русском языке закрепились два варианта суффикса: *-ч*, *ач*, при этом устойчивость последнего объясняется не только и не столько аналогией, сколько морфонематическими условиями: суффикс *-ч* не мог пристать к чистой основе (отсюда *смех-а-ч*, *ловк-а-ч*, *горб-а-ч* и т. п.). В силу этого на русской почве стал вычленяться в качестве равнозначного суффиксу *-ч* его вариант *-ач*.

В этом контексте совершенно справедливыми кажутся приводимые А. А. Реформатским «переразложения» в структуре тюркизмов *палач*, *басмач*, где исходное: основа + суффикс *-чи*, *-чы* переразложилось в: основа + суффикс *-ач* с отбрасыванием конечной гласной *басма+чы* > *басм+ач*⁷.

Тюркизмы на *-ач* в классификации А. А. Реформатского приводятся последними, что связано с местом, занимаемым ими в ряду производных на этот суффикс. Между тем, детальный анализ убеждает, что малочисленная группа тюркизмов сыграла большую, если не решающую, роль в истории становления производных на *-ач* в русском языке. Это подтверждается и рядом фактов из его истории.

Русский суффикс *-ч* и его вариант *-ач* со значением рода занятий, профессии восходят к тюркскому аффиксу *-ci*, *-çu*, *-çı*. Уже сам факт тождественности словообразовательных функций суффикса *-ci* (*-ч*), *-ač* (*-ач*) в двух разнотипных языках не может быть случайным. При этом заимствующей стороной, несомненно, выступает русский язык, в пользу чего свидетельствуют: а) отсутствие данного словообразовательного элемента в индоевропейском корне; б) отсутствие его в некоторых славянских языках, отдаленных от основного тюркоязычного ареала; в) наличие этого аффикса во всех тюркских языках; г) более раннее, по сравнению с русскими, датирование тюркоязычных памятников, где имеется аффикс *-ač*.

Все производные на *-ч*, *-ач* в русском языке, как и в источнике заимствования — тюркских языках, за редкими исключениями, обозначают одушевленные имена существительные с семантикой лица.

⁷ А. А. Реформатский. Указ. раб., стр. 99.

О тюркском происхождении русского суффикса *-ч*, *-ач* свидетельствуют и другие производные, образованные с его помощью. Это имена существительные на *-чей*, *-чий*: *арбачей* (возчик, сопровождающий арбу), *асламчей* — *осламчей* (торговец, барышник), *баграчей* (рыболов, занимающийся ловлей красной рыбы багром), *заргучей* (чиновник, исполняющий обязанности письмоводителя, секретаря в Китае), *банчий* (банщик), *стряпчий*.

Приведем некоторые примеры из языка письменных памятников⁸: Было послано на один год... царю и калге и нурадыну и ближним людям 4850 руб. *арбачеям* и вожам, что дать на Ливнах 402 рубля (вып. 1, стр. 45); Да и Кузнецким служилым и всяким людям, и татаром в ясачных волостях и в русских деревнях мягкою рухледью и всякими товары и *осламчеем* торговати и от себя посылати не велети (вып. 1, стр. 55); Нанят учужной рыбной *баграчей* Кузка Сергеев, в года ряда ему 15 рублей (вып. 1, стр. 63); Держаше же тогда место то бес некий человекогубец, в бане живыи... То тако споведа ему *банчию* (вып. 1, стр. 70) (ср. параллельное *банщик* — Баян быковских сосед, *банщик* у нее Окулко Левоннов); И у того Тархана-лабы лежал товарищ Асканьямин, приедучи из царства недоезжая до Науну заболел, а товарищ его *заргучей*, по нашему дыак (вып. 1, стр. 71).

Из производных на *-чей*, *-чий* можно назвать также дошедшие до наших дней слова *казначей*, *собачей*, *книгочей*, *кормчий*, *певчий*, *стряпчий*, *зодчий* и некоторые другие.

Суффикс *-чей*, *-чий* — это усложненный на русской почве тюркский формант лица *-či*, *-ču*.

В русском языке словообразовательные суффиксы в фонетическом отношении представляют собой или чистые согласные: *-н*-, *-нн*-, *-к*-, *-ск*-, *-ств*- или же их сочетания с гласными: *-ан*-, *-ян*-, *-тель*-, *-ость*-, *-изн*-, *-ин*-, *-ец*- и т. д. При этом как слоги они характеризуются закрытостью, то есть в пределах структуры всегда оканчиваются на согласный. Зато фонетическая структура приставок является более разнообразной: они могут представлять собой гласный (*у*-, *о*-, *а*-), согласный (*-вз*), закрытый слог (*-над*-, *под*-, *от*-, *без*-), открытый слог (*на*-, *за*-, *по*-, *до*-, *вы*-). Закрытость слога, свойственная фонетической структуре словообразовательных суффиксов русского языка, распространилась также на заимствованный иноязычный словообразовательный суффикс, представлявший собой открытый слог *-či* (*-чи*), *-ču* (*-чы*). Помимо фонетического фактора, здесь могли действовать и морфологические: уподобление единственному числу мужского рода, а также сопротивление возникновению омонимии с формой множественного числа, оканчивающейся у этих существительных на *-и*: *зурнач* — *зурначи*, *силач* — *силачи*.

Суффикс *-чи*, *-чы* мог утвердиться в закрытой модели не только путем прибавления согласного, но и благодаря выпадению конечного гласного *и*, на что обратил внимание А. А. Реформатский. Совершенно иное дело представляет собой вопрос о возобладании одного из вариантов *-чей*, *-чий* или *-ч*, *-ач*. Модель на *-чей* оказалась бесперспективной в силу ее совпадения с родительным падежом множественного числа производных на *-ч* и *-ач*: ср. *домрачей*, *асламчей*, *заргучей*, *арбачей* и *силачей*, *палачей*, *богачей*, *бородачей* и т. п.; ограниченность же производных на *-чий* объясняется их омонимичностью с формами мужского рода единственного числа имен прилагательных на *-чий*: *урядничий*, *посадничий*, *ризничий*, *возничий*, *ратничий* и т. д.

⁸ Иллюстративный материал дан по «Словарю русского языка XI—XVII веков». М., 1975.

В более поздних по времени тюркских заимствованиях повторяется основная модель усвоения русским языком производных на *-či* (*-чи*), хотя здесь могли действовать и другие синонимичные суффиксы со значением лица. Ср.: *кеманчачи* — не *кеманчач*, а *кеманчист*; *домрачи* — не *домрач*, а *домрист* и т. п.

Обращение к фактам других славянских языков, главным образом украинского и белорусского, возможно, не только даст некоторую дополнительную информацию о суффиксе *-ač* (*-ач*), но и внесет соответствующие коррективы в то, что мы уже знаем о нем.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Э. Р. ТЕНИШЕВ

СЕРГЕЙ ЕФИМОВИЧ МАЛОВ

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Исполнилось сто лет со дня рождения Сергея Ефимовича Малова.

Более полувека длилась его научная деятельность. После смерти ученого прошло уже почти четверть века, однако его труды выдержали самую строгую проверку — испытание временем.

С. Е. Малов родился в семье, где знание тюркских языков и культуры их носителей было профессиональным. Отец его, профессор Казанской духовной академии, способствовал пробуждению у сына интереса к тюркологическим занятиям. В 1898 году С. Е. Малов поступает в духовную семинарию, где изучает татарский язык и татарскую этнографию, продолжая затем образование в духовной академии. В последние два

года занятий в академии (1902—1904) С. Е. Малов активно посещает лекции Н. Ф. Катанова в университете, а также заседания Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

Летом 1902 года С. Е. Малов, желая ознакомиться с языком татар-мишарей, совершает поездку в Чистопольский уезд Казанской губернии. Там он делает лингвистическую запись различных текстов, содержащих интересный материал и по языку, и по словесности. Результатом этой работы явилась статья «Из поездки к мишарям», опубликованная в приложении к «Ученым запискам Императорского Казанского университета» за 1904 год. Статья включала тексты (песни, пословицы, загадки), представленные в транскрипции, список присущих языку мишарей фонетических и лексических признаков, а также аннотированную научную литературу по этому вопросу. Уже в этой ранней работе проявились черты, характерные для всей его последующей научной деятельности: исключительное внимание к тексту, тонкостям языка, библиографии, а также лаконизм и точность формулировок.

Следуя своему научному призванию, С. Е. Малов по окончании в 1904 году духовной академии поступает на арабо-персидско-турецко-татарское отделение Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. В университете С. Е. Малов занимается турецкой филологией у В. Д. Смирнова, персидским языком у В. А. Жуковского, посещает лекции П. М. Мелиоранского, И. А. Бодуэна де Куртенэ, С. К. Булича и др. Однако его все более и более увлекает изучение живых, современных тюркских языков, которыми успешно занимался В. В. Радлов, не преподававший в университете. В. В. Радлов привлек С. Е. Малова к участию в работе своего кружка и стал его основным научным руководителем. Члены кружка В. В. Радлова проявляли большой интерес к старым тюркским языкам. В предисловии к книге «Uigurische Sprachdenkmäler» (Л., 1928) С. Е. Малов писал, что в течение всего 1908 года по четвергам у В. В. Радлова собирался тесный кружок ориенталистов, где с большим увлечением и энтузиазмом читались и комментировались В. В. Радловым юридические уйгурские документы, а в конце 1908 и в последующие годы читались уйгурские тексты буддийского, манихейского и христианского содержания.

Кружок В. В. Радлова, по существу, был вторым университетом Сергея Ефимовича, углублявшим его познания в современных и древних тюркских языках. В. В. Радлов, выдвинувший «алтайскую» гипотезу объяснения фонетической структуры древнеуйгурского языка по материалам поэмы «Кутадгу билиг», искал новые факты ее подтверждения. Он обратил внимание в связи с этим на тюркоязычных желтых уйгуров, которые были известны по небольшим публикациям Г. Н. Потанина и Г. Маннергейма. Изучение малоизвестного языка желтых уйгуров, а также других тюркских языков Центральной Азии В. В. Радлов намеревался поручить С. Е. Малову. С целью предварительной подготовки его к полевым работам В. В. Радлов летом 1908 года от имени Русского комитета командировал С. Е. Малова для изучения языков народов Средней и Восточной Азии к томским, чулымским, кузнецким татарам и телеутам.

Как и в первую поездку С. Е. Малова, собирание материала велось им путем записи в академической транскрипции текстов связного содержания (песен, пословиц, загадок, описаний обычаев, сказок, примет и поверий, преданий, антропо- и топонимических названий). Часть текстов была напечатана в статье «Отчет о командировке студента Восточного факультета Сергея Ефимовича Малова» в журнале «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии» за 1909 год в № 9. В статье приводились тексты, характеризующие языки чулымцев и кузнецких татар (с абинским, черневым и шорским говорами). Эти тексты представляют несомненную ценность для историков и этнографов.

По наименее известному чулымскому языку С. Е. Малов сообщает краткие фонетические и морфологические сведения. Любопытно его указание, что звук *ц* встречается «больше в говоре женском, у мужчин же нередко вместо *ц* употребляется *ч*».

После окончания в 1909 году С. Е. Маловым университета, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии по предложению В. В. Радлова разрешил ему поездку в Западный и Центральный Китай с целью исследования языка, устного творчества и быта местных тюрков — в особенности желтых уйгуров и сараров.

Таких поездок, точнее длительных путешествий, С. Е. Малов совершил две. Представление о них можно получить по отчетам, рукописным дневникам и письмам ученого.

Первое путешествие С. Е. Малова по Центральной Азии продолжалось с 27 августа 1909 года по 7 июня 1911 (по старому стилю).

С. Е. Малов выехал из Казани 27 августа 1909 года, проехал Самару, Омск, Семипалатинск и станцию Бахты. 24 сентября он прибыл в Чугучак, нанял две русские телеги (с парной упряжью) и с двумя ямщиками-киргизами отправился в путь через г. Манас. 22 октября С. Е. Малов добрался до Урумчи и здесь в течение месяца записывал тексты на уйгурском языке.

26 ноября С. Е. Малов на нанятой им китайской арбе выехал из Урумчи. Началась зима. Не рассчитывая на удобства путевых гостиниц, Сергей Ефимович возил с собою две железные печи, которые устанавливал на каждом постоялом дворе.

6 января 1910 года С. Е. Малов прибыл в г. Сучжоу и поселился в двух днях пути от него в местечке Шихейцза (или Лянхуасы) в усадьбе сарыг-югура Санышкапа. Здесь он прожил у сарыг-югуров (большей частью у степных, меньше у горных) до 16 марта 1911 года, то есть более года.

Осенью 1910 года С. Е. Малов предпринял поездку к саларам. Он проехал верхом почти по всем местам проживания желтых уйгуров. У саларов он находился месяц, но ввиду наступившего поста сделать все задуманные им записи не удалось, пришлось ограничиться наблюдениями над повседневной бытовой речью. Путешествие С. Е. Малова проходило в суровых условиях и потребовало от него большого физического напряжения и выносливости: ему приходилось преодолевать тяжелый путь — сотни и тысячи верст по бездорожью — на телеге, верхом на лошади, а то и пешком.

У сарыг-югуров С. Е. Малов записал несколько десятков сказок и рассказов разного содержания (69), рассказы о шаманстве (15), торжественные речи (11), песни (32), этнографические рассказы (31), загадки (52) и пословицы (19).

Большая часть текстов записывалась на фонографе, а затем уже фиксировалась письменно. Кроме этого, С. Е. Малов представил Комитету 100 негативов фотоснимков, а также этнографическую и археологическую коллекцию. Он привез также счастливую находку — 350 листов древнеуйгурской рукописи «Золотой блеск», обнаруженной им в буддийском храме с. Вуншигу, и другие рукописи, самая поздняя из которых была датирована 1702 годом.

Вернувшись на родину, С. Е. Малов опубликовал «Отчет о путешествии к уйгурам и саларам» в журнале «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, № 1, СПб., 1912.

Научные результаты путешествия С. Е. Малова были столь значительны, что побудили В. В. Радлова, возглавлявшего Русский комитет, через два года отправить С. Е. Малова на средства Комитета во второе путешествие, которое он совершил по прежнему пути, то есть через Чугучак (23—28 мая 1913 года), Урумчи, Хами и Сучжоу. Среди желтых уйгуров Сергей Ефимович находился с конца августа до середины декабря 1913 года. Нигде долго не задерживаясь, он разъезжал по их селениям, монастырям и кочевьям. «Транспорт» его состоял на этот раз из пяти верблюдов и двух верховых лошадей. Объектом особого внимания ученого теперь стали горные уйгуры, изучавшиеся им еще во время первого путешествия.

С. Е. Малову удалось пополнить словарь, записать большое сказание о Гесер-хане, образцы устной речи омонголившихся желтых уйгуров, собрать этнографическую коллекцию и произвести антропометрические

измерения. Он много фотографировал, в частности интереснейшие древние уйгурские кумирни Чэнфутун в Дунхуане. Лето и осень 1914 года он провел на Лобноре.

Итоги второй экспедиции были обнародованы С. Е. Маловым в статье «Отчет о втором путешествии к уйгурам С. Е. Малова», напечатанной в «Известиях Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, № 3, Петроград, 1914.

Второе путешествие по своим результатам также оказалось исключительно ценным.

В. В. Радлов намеревался отправить С. Е. Малова в третье путешествие, но начавшаяся мировая война этому помешала.

Оба путешествия С. Е. Малова явились подлинным подвигом во славу науки, результатом самоотверженного, подвижнического и вдохновенного труда. Нельзя не отметить и важность того, что ученый оставил у местного населения добрую память о себе и своих соотечественниках. Прекрасно владея сарыг-югурским, он охотно беседовал с сарыг-югурами на их родном языке, всегда стремился им в чем-то помочь, относясь с большим уважением, тактом, сочувствием и вниманием к простым людям. В конце 50-х годов еще были живы некоторые его помощники из сарыг-югуров, хорошо помнившие Сергея Ефимовича и бережно хранившие оставленные им вещи.

С. Е. Малов хорошо понимал большое научное значение своих путешествий и однажды не без горечи сказал: «О путешествиях Н. М. Пржевальского гремела пресса всего мира, о путешествиях С. Ф. Ольденбурга писали в газетах, а о путешествиях С. Е. Малова не писал никто».

Несомненно, что путешествия С. Е. Малова по их значению и результатам не уступают известным путешествиям по Центральной Азии. Заняв важное место в его творческой биографии, эти путешествия определили направление всей последующей научной деятельности С. Е. Малова: изучение языков древнетюркских памятников и исследование современных тюркских языков, в основном Центральной Азии.

Наряду с языками С. Е. Малов активно интересовался также фольклором и этнографией. Вместе с В. В. Радловым он участвовал в подготовке к изданию обнаруженного им памятника древнеуйгурского литературного языка — списка буддийской сутры «Золотой блеск». Памятник публиковался отдельными выпусками с 1913 по 1917 год в серии «Bibliotheca Buddhica» (XVII).

В предисловии к этому изданию была сформулирована научная задача — выяснить отношение древнеуйгурского литературного языка к народному уйгурскому языку, не решенная тюркологами по сей день.

В 1912—1915 годах В. В. Радловым был сделан полный немецкий перевод «Золотого блеска». Часть этого перевода под наблюдением С. Е. Малова и с его предисловием напечатана в 1930 году в упомянутой выше серии. В настоящее время остро ощущается необходимость в продолжении работы над «Золотым блеском» и в новом факсимильном издании памятника с грамматикой и словарным индексом.

В 1928 году С. Е. Малов опубликовал книгу В. В. Радлова «Uigurische Sprachdenkmäler». Основу книги составило объемистое собрание древнеуйгурских юридических документов, найденных в 1903 году в Турфанском оазисе экспедицией А. Грюнведела, переданное В. В. Радлову для публикации. В. В. Радлов блестяще справился с этим ответственным делом, но книга увидела свет только спустя двадцать лет.

С. Е. Маловым были внесены необходимые исправления и добавления к рукописи, написано предисловие, составлен словарь к текстам. Ныне назрела необходимость в новом издании этой замечательной книги в соответствии с современными научными требованиями.

В 1926 году в Ташкенте вышло в свет учебное пособие С. Е. Малова «Образцы древнетюркской письменности» с отрывками из древнетюркских текстов. «Образцы» с пользой служили науке вплоть до издания хрестоматии по древнетюркским текстам.

В 30-е годы С. Е. Малов публикует ряд томских и енисейских рунических памятников. 50-е годы ознаменовались изданием крупных трудов С. Е. Малова, посвященных древнетюркским памятникам.

В 1951 году были опубликованы «Памятники древнетюркской письменности». В книге напечатаны тексты рунического, уйгурского и арабского письма VIII—XIII веков. Во введении очень сжато изложены основы классификации тюркских языков. Почти каждый текст в издании приводится в оригинальном написании, снабжается транскрипцией, переводом, заметками по графике и языку. В конце книги приложен большой словарь к текстам. Книга является чрезвычайно ценной в научном и педагогическом отношении. Без этой книги организация учебных курсов по данному предмету оказалась бы весьма затруднительной.

Вслед за «Памятниками» в 1952 году увидела свет «Енисейская письменность тюрков». Книга включает пятьдесят один рунический памятник енисейской группы. Каждый памятник представлен руническим текстом, снабжен транскрипцией, переводом и примечаниями. Особый интерес представляют примечания — подлинная филологическая лаборатория автора, раскрывающая методику толкования им древнего текста, свидетельствующая о глубоком проникновении в самую суть древних языков. В предисловии поставлен вопрос об отношении языка енисейских эпитафий к народному языку древних киргизов. Книга заканчивается указателем слов и грамматических форм.

Последний труд из этой серии, вышедший в 1959 году, — «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии». Книга охватывает памятники рунического письма Монголии и Киргизии, а также памятники сирийского письма из района Иссык-Куля и Кашгара.

С. Е. Малов уделял много внимания и изучению языка многих других памятников. Широко известны его работы, посвященные «Кутадгу билиг», словарю Ибн-Муханны, сочинению Рабгузи, загадкам «Codex Sumanicus», языку болгарских и татарских эпитафий, а также восточных грамот. Большое значение в исследовании развития древних тюркских языков имеет статья «Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии» («Известия Академии наук СССР», ОЛЯ, т. VI, вып. 6, М., 1947), в которой развиваются идеи, намеченные В. В. Радловым. В статье осуществлен функциональный подход к изучению древних литературных языков, облегчающий выяснение их истории и роли в формировании современных литературных языков.

В своих исследованиях С. Е. Малов привлекал материалы всех современных тюркских языков, прежде всего их лексику. Именно в лексике он видел ключ к решению многих вопросов древнетюркской филологии. В знании тонкостей лексики и семантики тюркских языков он не имел себе равных. Тюркологам давно известна легендарная картотека Сергея Ефимовича по тюркской лексике, к которой всегда в затруднительных случаях обращались специалисты, неизменно находившие ответ на свои вопросы.

Из современных языков С. Е. Малов наибольшее внимание, естественно, уделял языкам желтых уйгуров (сарыг-югуров) и уйгуров Синьцзяна.

По языку сарыг-югуров С. Е. Маловым опубликованы две книги с одним и тем же названием «Язык желтых уйгуров».

Публикация 1957 года впервые вводит в научный обиход словарь и небольшую грамматику, а публикация 1967 года — тексты в академической транскрипции с переводами.

Существует в рукописи и латинская транскрипция тех же текстов с точной передачей согласных. Несомненна большая ценность этой рукописи и очевидна необходимость ее издания. Многолетние исследования привели С. Е. Малова к выводу, что язык желтых уйгуров трудно считать уйгурским, он представляет собой «или окиргизившийся в давнее время (какой-то) уйгурский язык или совсем другой язык» («Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика», стр. 7). С этим нельзя не согласиться.

Много и с большим увлечением ученый занимался говорами и диалектами уйгуров Синьцзяна. Значительные записи сделаны им по говору Хами (Комул), диалектам Хотана и Лобнора.

Книга по хамийскому (комульскому) говору с текстами и словарем под названием «Уйгурский язык. Хамийское наречие», вышедшая в 1954 году, показала, что малоизвестный хамийский говор, вопреки мнению Г. Е. Грум-Гржимайло, понятен носителям других центральных говоров, и находится на уровне не более чем говора.

В 1956 году С. Е. Малов издал книгу с текстами и глоссарием интереснейшего загадочного языка лобнорцев («Лобнорский язык. Тексты, переводы и словарь»). Язык лобнорцев он считал разговорным языком древних киргизов и был, по-видимому, совершенно прав, полагая, что он «вероятнее всего, будет больше сближаться с общеуйгурским языком и вполне сделается его наречием» («Лобнорский язык», стр. 45).

Уйгурским диалектам посвящены и обобщающие труды С. Е. Малова. В 1928 и 1933 годах им напечатаны по этому вопросу две статьи, а в 1961 году — книга, озаглавленная «Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы, словарь». Значительное место в последней занимают тексты на малоизвестном хотанском диалекте, меньшее — тексты на знакомых уже кашгарском, аксуйском, кучарском и турфанском говорах.

Занятия уйгурскими диалектами в течение многих лет привели С. Е. Малова к мысли о двучленной системе их деления: лобнорский язык — остальная часть уйгурского диалектного пространства. Последнее Сергей Ефимович считал единообразным, отмечая все же самобытность хотанского «наречия». Дальнейшие изыскания в этой области установили трехчленную систему уйгурских диалектов: центральный — лобнорский — хотанский.

С. Е. Малов успешно работал и в области социолингвистики. Его перу принадлежит статья «Тюркские языки в науке и жизни, прежде и теперь» («Наука и жизнь», 1942, № 2—3), ярко показывающая расширение общественных функций литературных тюркских языков за годы Советской власти.

Итогом изучения тюркских языков С. Е. Маловым явилась его классификация тюркских языков, принципы которой были подробно изложены им в статье «Древние и новые тюркские языки» («Известия Академии наук СССР», ОЛЯ, т. XI, вып. 2, 1952). К классификационным признакам, скромно именуемым Сергеем Ефимовичем «некоторыми дополнениями к прежним классификациям», он относил тенденцию озвончения и опереднения звуков в тюркских языках. В результате сложилась си-

стема из четырех звеньев в порядке их хронологической иерархии: древнейшие, древние, новые и новейшие тюркские языки. Несмотря на то, что основы этой системы были подвергнуты критике, она привлекает специалистов своей простотой и ясностью — особенностями, весьма важными для классификаций.

С. Е. Малов оставил после себя богатое собрание фольклорного материала — главным образом по устному творчеству сарыг-югуров и синьцзянских уйгуров. Сарыг-югурский фольклор издан им в книге «Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы» (М., 1967). Наиболее обширен раздел сказок. Среди них сказки светского и духовного содержания. К первой группе относятся сказки бытовые, волшебные, о глупцах, о животных и птицах. Ко второй — принадлежат сказки, связанные с буддийской религией: о ламах, гегенах, бурханах.

В одной из ранних статей С. Е. Малов отмечал, что сказки желтых уйгуров существенно отличаются от сказок других тюрков и имеют много общего со сказками монголов и китайцев. В книге представлены также легенды, предания, загадки, пословицы и поговорки. Большой раздел отведен песням: бытовым, лирическим, свадебным, шутивным, величальным. В другой ранней статье (1915) С. Е. Малов писал, что желтые уйгуры любят петь и слушать песни, особенно старинные, в исполнении представителей старшего поколения.

Фольклор уйгуров Синьцзяна составляет содержание книги «Уйгурские наречия Синьцзяна» (М., 1961).

Фольклорный материал классифицирован ученым по местам его записей: Хотан, Кашгар, Аксу, Кучар, Турфан. Изданный и частично интерпретированный С. Е. Маловым, он еще ждет своих исследователей.

Лингвист и знаток фольклора, С. Е. Малов был в то же время и этнографом. Наибольший интерес у него вызывала духовная культура тюркоязычных народов, их народные верования. Особенно привлекал его внимание шаманизм, интерес ученых к которому не ослабевает по настоящее время. За публикацию в 1912 году статьи «Остатки шаманства у желтых уйгуров» С. Е. Малов был удостоен Серебряной медали отделения этнографии Русского географического общества.

С. Е. Малову принадлежат публикации о вызывающем дождь шаманском камне «яда» и о самой церемонии под тем же названием, об обычаях, приметах и поверьях.

Во время своих путешествий С. Е. Малов собрал шесть этнографических коллекций: у желтых уйгуров провинции Ганьсу, уйгуров Синьцзяна, у саларов, тибетцев и китайцев. Часть предметов из этих коллекций экспонируется и теперь в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде¹.

С. Е. Малов никогда не был кабинетным ученым. Он горячо отзывался на актуальные запросы социалистического строительства и активно участвовал в разработке алфавитов и орфографий различных тюркских языков, а также в их практическом внедрении на местах.

Особенно много сделал С. Е. Малов в деле подготовки научных кадров — языковедов национальных республик.

Сохранился интересный документ — обращение С. Е. Малова к молодежи, посвящающей себя науке, — статья в студенческой газете «Куль-

¹ См.: С. М. Абрамзон. Этнографические исследования С. Е. Малова. — «Тюркологический сборник. 1975». М., 1978.

тивируй мозг», призывающая к постоянному самоусовершенствованию во имя науки.

Недавно в уйгурской газете «Коммунизм туғи» были напечатаны воспоминания одного из бывших аспирантов С. Е. Малова — уйгура по национальности. Автор вспоминает, что Сергей Ефимович по-отечески называл его «мой уйгур» (*мениң уйгурум*). Этим точно передано его отношение к своим ученикам, в особенности к дорогим его сердцу уйгурам.

Многие ценные исследования С. Е. Малова стали в настоящее время библиографической редкостью. Поэтому лучшей данью памяти С. Е. Малова были бы подготовка книги о нем и издание его избранных трудов.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Б. У. УРИНБАЕВ

СПЕЦИФИКА РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДИАЛЕКТА

Современный узбекский литературный язык существует в двух взаимосвязанных формах — устного литературного и письменного литературного языка. «Необходимо помнить, — писал М. Горький, — что язык создается народом. Разделение языка на литературный и народный (устный) языки доказывает лишь наличие „сырого“ языка и языка, разработанного писателями»¹.

Изучению разговорной речи посвящено немало исследований на материале различных языков. Однако, как правильно замечает Т. Винокур, понятие «разговорная речь» еще до конца не уточнено, что приводит к терминологической путанице². Это отмечали и другие языковеды³.

Раскрытие сущности разговорной речи, определение ее связей с явлениями языка во многих случаях зависят: 1) от функциональных стилей речи, 2) от литературного языка, 3) от нормированной устной формы литературного языка, 4) от типов речи, с которыми она связана и от которых отличается.

Некоторые исследователи считают разговорную речь одним из функциональных видов языка. По мнению О. Х. Цареха, например, национальный язык обладает следующими функциональными видами: 1) письменная форма общенационального языка, 2) разговорная форма литературного языка, 3) повседневная обиходная речь, сохраняющая диалектные особенности определенной территории, 4) местные диалекты.

Таким образом, О. Х. Царех считает разговорную речь одним из функциональных видов литературного языка. При этом, видя разницу между разговорной и устной речью, он пишет: «Разговорная речь — это, как мы уже видели, функциональная разновидность литературного языка. Устная речь — это особая речевая деятельность, выражение своих мыслей в устной форме. Когда мы говорим, то есть пользуемся устной речью, языковым материалом может служить в одинаковой мере местный язык-диалект, диалектно-окрашенная обиходная речь, письменная и разговорная форма литературного языка. Поэтому термин „устная речь“ еще ничего не говорит о языковом материале, которым говорящий пользуется. Термин же „разговорная речь“ подразумевает совершенно определенный языковый материал. В художественной литературе могут

¹ М. Горький. О литературе. Ташкент, 1962, стр. 46.

² Т. Винокур. К характеристике понятия «разговорная речь». — «Русский язык в национальной школе», 1965, № 2, стр. 20.

³ В. Г. Костомаров. О разграничении терминов «устный» и «письменный», «письменный» и «книжный». — В сб.: «Проблемы современной лингвистики». М., 1965, стр. 176.

найти отражение все функциональные разновидности национального языка. Значит, все они могут выступать в письменном оформлении. Устная же речь всегда бесписьменна»⁴.

Однако В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова в числе функциональных видов литературного языка называют и письменную, и разговорную речь⁵. Л. В. Щерба, Л. А. Булаховский, И. Р. Гальперин пользуются терминами «письменная речь» и «устная речь»⁶. Некоторые исследователи считают, что термины «устный» и «разговорный» не противостоят, а дополняют друг друга⁷. Такого же взгляда придерживаются и узбекские языковеды. Ряд авторов выделяет в основном два типа речи — литературную и разговорную, ибо «литературная речь иногда носит название письменной речи. В свою очередь, с точки зрения поставленной цели и задачи, литературная речь делится на две разновидности: а) научная речь и б) художественная речь»⁸. Х. Назарова, отмечая специфические особенности узбекского литературного языка, отличающие его от разговорной речи, делает вывод о том, что «он (литературный язык. — Б. У.) обобщает самые основные особенности живого языка»⁹.

С. Ибрагимов, останавливаясь на влиянии диалектов и литературного языка на разговорную речь и рассматривая фонетическую специфику разговорной речи, ограничивается утверждением, что «если в устном литературном языке правильное произношение связано с орфоэпией, то в письменной литературной речи оно связано с орфографией»¹⁰. Здесь Х. Назарова и С. Ибрагимов, как нам кажется, смешивают разговорную речь с диалектной.

Ряд языковедов хотя и считает разговорную речь одним из функциональных видов литературного языка, тем не менее характеризует ее как отдельный литературный язык¹¹.

Однако между литературным языком и разговорной речью существует большая разница¹². Кроме того, в основе разговорной речи лежат особенности, свойственные другим функциональным формам языка. Поэтому ряд языковедов считает, что разговорная речь дополняет литературный язык: «Состав литературного языка не будет окончательно установлен, пока не будет выяснена природа разговорной речи как одной из его функциональных разновидностей»¹³. Вместе с тем разговорная речь обладает и свойствами только ей особенностями¹⁴.

⁴ О. Х. Царех. О моделях языка и их речевых вариантах. — «Иностранные языки в школе». М., 1963, № 3, стр. 10.

⁵ В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, стр. 92—98; Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, стр. 6.

⁶ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1963, стр. 33; Л. А. Булаховский. О слоге как предмете изучения. Стилистика как отдел поэтики и как отдел языкознания. — «Русский язык в школе». М., 1955, № 3; И. Р. Гальперин. Речевые стили и стилистические средства языка. — «Вопросы языкознания», 1954, № 4.

⁷ М. Балакаев, К. Жанпейсов, М. Томанов, Б. Манасбаев. Стилистика казахского языка. Алма-Ата, 1966, стр. 10.

⁸ У. Турсунов, Ж. Мухторов, Ш. Рахматуллаев. Хозирги ўзбек адабий тили. Тошкент, 1965, стр. 170.

⁹ Х. Назарова. Бобир ва ўзбек адабий тили. Тошкент, 1971, стр. 10—11.

¹⁰ С. Ибрагимов. Тилга эътибор—элга эътибор. Тошкент, 1972, стр. 10—27.

¹¹ Е. М. Земская. Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968, стр. 13.

¹² «Русская разговорная речь». Саратов, 1970; «Русская разговорная речь». М., 1973; «Структурные особенности разговорной речи». Иркутск, 1963.

¹³ О. А. Лаптева. О структурных компонентах разговорной речи. — «Русский язык в национальной школе». М., 1965, № 5, стр. 16.

¹⁴ Б. Уринбоев. Сўзлашув нутки ҳақида. — «Ўзбек тили ва адабиёти», Тошкент, 1971, № 1, стр. 65.

Некоторые исследователи рассматривают разговорную речь в качестве одного из стилистических явлений языка¹⁵. При определении сущности разговорной речи в этом плане необходимо учитывать оппозиции функциональных стилей речи: письменной и устной, диалогической и монологической, а также речевых типов и т. д.¹⁶ По этой причине О. Б. Сиротинина приходит к выводу, что «разговорная речь — это стиль литературного разговора...». По ее мнению, используемая в обиходе речь является речевым типом, стоящим вне литературного языка; разговорный же язык — это составная часть литературного языка, отличающаяся от повседневной обиходной речи¹⁷.

Особо следует отметить, что взаимосвязанные между собой речевые формы и стили образуются различными путями. Касаясь этого вопроса, В. Г. Костомаров пишет: «Особенности стилей и особенности форм речи связаны, но не прямолинейно. Коль скоро разговорный стиль функционирует преимущественно в устной форме, его особенности переплетаются с особенностями этой формы, взаимодействуя и дополняя друг друга в процессе коммуникации гораздо теснее, чем особенности научного стиля, преимущественно, существующего в письменной форме, с особенностями устной речи»¹⁸.

Следовательно, устная речь является функционально-стилистическим типом, обладающим свойственными ему лексико-семантическими нормами и системой использования языковых средств.

Разговорная и письменная речи отличаются друг от друга и по нормам произношения, ибо в разговорной речи передаются различные смысловые оттенки слов и акцент, присущий говорящему, в письменной же речи полностью сохранить их невозможно.

Если в письменной речи присутствует момент выбора формы для выражения мыслей, то в разговорной речи этого нет. Разговорная речь по своей стилистике примыкает к устной речи, однако ее формы используются и в литературно-книжных стилях. Не все написанное является письменной речью¹⁹. Кроме того, разница между двумя формами речи обусловлена в известной степени различными социально-экономическими условиями жизни общества²⁰.

Разговорная речь по своей сути отличается как от письменной речи, так и от диалектов. Например, в семье люди разговаривают на диалекте, распространенном на территории их проживания. Однако в сфере производства, общественной жизни они используют разговорную речь, близкую к литературному языку. Кроме того, разговорная речь по своему характеру, стилистическим нормам отличается от диалекта и тем еще, что охватывает большую территорию. Разговорная речь формируется на базе письменной речи, усваивая в то же время лучшие, апробированные формы диалектной речи. Разговорная и диалектная речи отличаются друг от друга и по своим лексическим и грамматическим нормам, по выбору и реализации их. Различия эти, по нашему мнению, заключаются в следующем: 1) разговорная речь находится в связи с письменной речью, диалектная же речь является естественной неразработанной формой народного языка; 2) слова и предложения в разговорной речи

¹⁵ Р. А. Будагов. К вопросу о языковых стилях. — «Вопросы языкознания». М., 1954, № 3.

¹⁶ О. Б. Сиротинина. Разговорная речь. Определение понятия, основные проблемы. — В сб.: «Вопросы социальной лингвистики». Л., 1969, стр. 373—391.

¹⁷ Там же, стр. 387.

¹⁸ В. Г. Костомаров. Указ. раб., стр. 174.

¹⁹ Н. Ю. Шведова. Указ. раб., стр. 3.

²⁰ В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — «Вопросы языкознания». М., 1955, № 1, стр. 78.

выбираются и строятся на основе сознательного стремления говорящего приспособиться к ней, диалектная же речь строится свободно; 3) в диалектной речи словосочетания не дифференцированы, в разговорной речи такие явления наблюдаются реже; 4) в разговорной речи построение предложения подчинено определенной цели²¹, в диалектной речи предложение начинается с главной по смыслу части предложения.

Кроме того, разговорная речь прежде всего отличается интонацией, подчеркивающей смысл, придающей эмоциональную окраску высказыванию. В разговорной речи ярко проявляются также индивидуальные особенности говорящего.

Разговорная речь — это особая языковая система, которая имеет специфический набор языковых единиц и специфические законы их функционирования²².

В основе разговорной речи лежат особенности, относящиеся и к другим функциональным формам языка. Это — одинаковый фонетический и морфологический состав, общий запас слов и, в основном, одни и те же грамматические категории.

Специфических морфологических особенностей в разговорной речи немного, значительно больше лексических и синтаксических.

Лексические сочетания, присущие разговорной речи, составляют незначительную часть словарного богатства языка; к ним относятся:

1. Слова и выражения, называемые простыми лексическими сочетаниями, например: *тузук* 'хорошо', *бинойидай* 'хороший', *нозаниндай* 'прекрасная', *жиндай* 'немного'; выражения *тупконни тувид* 'у черта на куличках; на краю света', *жон бермоқ* 'скончаться', *бошида ёнғақ чақмоқ* 'постоянное угнетение невинного', *охори тўкилмаган* 'не употребленный' и т. д.

2. В предложениях, присущие разговорной речи, вводятся диалектные слова (*она, ая, ойи, биби, эна, она* — синонимы слова «мать»), простое обращение (*қизалогим* 'доченька', *оплогим* 'пышка'), ласкательные слова (*бўтам* 'сыночек', *эркам* 'любимчик', *дўндиқчам* 'миловидный'), грубые слова (*бойтеват* 'пришелец', *қизталоқ баччағар* — слова проклятия, *калтафаҳм* 'легкомысленный'), коллоквиализмы (*тикан* 'колючка', *бурун* 'нос', *шапка* 'шапка', *телпак* 'шапка'), а также вокативные формы.

3. В лексике разговорной речи имеются характерные эмоционально-образные слова, восклицания, подражательные слова.

4. Различные ассоциативные выражения, фразеологизмы, слова-паразиты, например, *йўгонлашмоқ* 'толстеть' в разговорной речи означает «сесть в высокое (должностное) кресло».

Часть лексического пласта, характерного для разговорной речи, составляют фразеологизмы и идиомы. Слова, входящие в состав выражений, присущих разговорной речи, сохраняют свою грамматическую форму, но утрачивают первоначальный смысл; например, выражение *боши айланди*, составленное из слов «голова» и «кружится», в разговорной речи означает «потерял сознание», «растерялся». Поэтому смысл таких выражений уточняется одним словом, и в разговоре они выполняют одну грамматическую функцию. Например: *Тиллабой тепса тебранмас бир одам* (П. Турсун) 'Тиллабай был человеком тяжелым на подъем', *буқв.* 'Тиллабай был человеком, которого можно лягнуть, а он и не шевельнется'. В данном примере выражение *тепса тебранмас* означает «человек» и отвечает на вопрос «какой?».

²¹ С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959, стр. 137.

²² «Русская разговорная речь». М., 1973, стр. 25.

Основой большинства указанных выражений являются глаголы: *калавасини йўқотмоқ* 'сбиться с пути', *пинжига кирмоқ* 'влезть в душу', *жини қўзиди* 'разгневаться', *дўмбира чалмоқ* 'лясы точить', *фалакдан ошди* 'на седьмом небе', *ади-бади айтишмоқ* 'разболтаться', *бепарво қарамоқ* 'смотреть небезучастно', *лаш-лушини кўтармоқ* 'собрать свое барахло', *лип-лип қилмоқ* 'промелькнуть', *кекирдагини чўзмоқ* 'повысить голос' и т. д. Некоторые выражения состоят из имен. Например: *арвоҳи пир* 'пророк духов'; *айронбош* 'пустоголовый', *думи хўржинда* 'оставить дело незавершенным', *хўроз гап* 'решающее слово', *важоҳати совуя* 'он не в духе' и т. д. Характерная особенность выражений, присущих разговорной речи, состоит в том, что смысл выражения не связан с составляющими его компонентами. Например: *Қизингизни ё биров олиб қўчган, ё биров билан тил бириктириб ўзи қўчган, кимни мўлжаллайсан?* (Ойбек) 'Вашу дочь или кто-то украл, или она сама убежала, найдя с кем-то общий язык, кого ты можешь подозревать?'.

Разговорной речи присуще своеобразное синтаксическое построение. Встречаются вокативные формы, образованные из сочетания самостоятельных и вспомогательных слов, разрывы слов, составляющих словосочетание, опущение слов, повторение конструкции предложений, дислокация (выделение слов в составе предложения в самостоятельные предложения под влиянием логических ударений) и т. д.

В разговорной речи, в отличие от письменной, не всегда можно определить границу предложений, так как она отражает непосредственно процесс мышления. Такие предложения отличаются следующими особенностями:

1. Ритм и мелодика. Например:

Холмат. *Йўқ.. ахир, қўйинг — эй.*

Пулатов. *Холмат ота... ў... Холмат ота.* (Қ. Яшин).

'Холмат. Нет... ведь, это, оставь, эй.

Пулатов. *Холмат ота... эй... Холмат ота'.*

2. Для выяснения смысла какой-либо части предложения вводятся другое предложение, словосочетание или слова. Например:

Роҳат. *Дадангдан ҳақингни талаб қиласан.*

Рустам. *Қанақа ҳақимни?*

Роҳат. *Фарзандлик ҳақингни, меросингни!* (Ҳ. Гулом).

'Роҳат. Потребуешь у отца то, что полагается тебе по праву.

Рустам. *А что мне полагается по праву?*

Роҳат. *То, что полагается сыну, наследство!'*

В приведенном примере для пояснения в речь введено слово *меросингни* 'наследство'.

3. Прямая речь одного из собеседников вводится в речь другого. Например:

Рустам. *Қанақа ҳақимни?*

Роҳат (бақиради). *«Қанақа ҳақим» эмиш?! (Ҳ. Гулом).*

'Рустам. А что мне полагается по праву?

Роҳат (кричит). *«Что мне полагается», говорит, будто не знает?!'*

4. Иногда части предложения повторяются с целью подчеркнуть заключенный в них смысл. Например:

Пулатов. *Даданг тўғрисида айтганларим эсингдан чиқмасин тайёрмисан?*

Лола. *Чиқмайди... Ҳамиша тайёрман.* (Қ. Яшин).

'Пулатов. Не забудь то, что я говорил про твоего отца, ты готова?

Лола. *Не забуду... Я всегда готова'.*

Қобил ўғил от миндиар.
Ноқобил ўғил отдан индиар.

‘Способный сын посадит на коня,
Неспособный — стащит с коня’ (пословица).

Общая функция повторения заключается в том, что оно усиливает выражение эмоции, оживляет речь, раскрывает внутренние переживания человека²³.

5. Для утверждения высказывания используются предложения, состоящие из нескольких слов, фразеологических сочетаний. Например:

Ғулом. *Койманг, жонгинам! Бир зумда ўтлиқиб кетасиз-да.*
Ҳазил-ҳазил. (К. Яшин).

‘Гулям. Не бранись, душа моя! В одну секунду насытитесь. Шучу-шучу’.

6. Структурные типы используемых в разговорной речи предложений зависят от содержания беседы, настроения беседующих и характера речи. При этом особенно широко используются простые, неполные, вопросительные предложения и т. п. Предложения обычно отличаются лаконичностью. Логико-синтаксические отношения выходят за рамки одного предложения и охватывают многие. Иногда мысль, выраженная полностью, перебивается другой мыслью. Например:

Лола. *Энг аввал Ойниса энам билан ярашасиз.*

Холбуви. *Ҳа... Тузук...*

Лола (*чақиради*). *Ойниса эна.*

Ойниса (*кириб*). *Ҳа... Қизим.* (К. Яшин).

‘Лола. Сначала помирись с бабушкой Айниса.

Холбуви. *Да... Хорошо...*

Лола (*зовет*). *Бабушка Айниса.*

Айниса (*входит*). *Да... дочка’.*

Своеобразны и стилистические нормы разговорной речи: она отличается простотой, конкретностью, образностью.

Нормы разговорной речи должны рассматриваться также в аспектах литературной и диалектной разговорной речи.

Территориальный диалект принадлежит к языковым средствам массовой коммуникации, что сближает его с разговорной разновидностью речи и отличает от просторечно-жаргонной. Как и разговорная речь (однако в отличие от просторечия и жаргона), территориальный диалект обладает системностью на всех уровнях фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса. С течением времени выполняемые им функции сужаются, многое в нем замещается литературными или близкими к ним образованиями. Таким образом, перспективы развития разговорной разновидности речи и территориального диалекта противоположны²⁴.

²³ М. Алавия. Узбекларда тўй-маросим қўшиқлари. — «Шарк юлдузи», 1967, № 3, стр. 220.

²⁴ О. А. Лаптева. Русский разговорный синтаксис. М., 1976, стр. 85.

А. МЕМЕТОВ

О ТЕРМИНАХ РОДСТВА В КРЫМСКО-ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучению терминов родства и родственных отношений в тюркских языках посвящены исследования Н. П. Дыренковой¹, Х. Г. Юсупова², Л. А. Покровской³, С. Ф. Миржановой⁴ и многих других авторов.

Однако в крымско-татарском языке эта лексико-семантическая группа до сих пор остается не изученной⁵.

В настоящей статье подробно рассматриваются лишь те термины родства, которые определяют и подчеркивают специфику крымско-татарского языка. В конце статьи приведен список остальных крымско-татарских терминов родства, употребляющихся с незначительными фонетическими и семантическими различиями в большинстве современных тюркских языков.

Бабушка. В современном литературном крымско-татарском языке для обозначения этого понятия параллельно употребляются два термина-синонима — *бита* и *къартана*: *Алиме Абденнанованынъ битасы Ревиде Усеинова ве къардашы Азифе Абденнанова ашагъыдакилерини икяе эттилер ...* (А. я. э., стр. 24) 'Бабушка Алиме Абденнановой Усеинова Ревиде и сестра Азифе Абденнанова рассказали следующее ...'; *Аня койде къартанасы Ревиде Усеинованынъ эвине ерлешти* (А. я. э., стр. 16). 'В деревне Аня устроилась в доме своей бабушки Усеиновой Ревиде'.

Термин родства *къартана* образован описательным путем; в качестве определения в данном термине выступает прилагательное *къарт* 'старый' (букв. перевод всего термина «старая мать»). В других тюркских языках в аналогичном термине используются прилагательные: *буюк* 'большой', 'старший' (азерб. *бөйүк нәнә*, тур. *büyük anne* 'бабушка'); *улу* 'великий', 'большой' (кум. *улуу ана* 'бабушка'); *къарт* 'старый'

¹ Н. П. Дыренкова. Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов. — «Сборник этнографических материалов», № 2. Л., 1927, стр. 7—25.

² Х. Г. Юсупов. Термины родства в башкирском языке. — В сб.: «Вопросы башкирской филологии». М., 1959.

³ Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. — В кн.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 11—81.

⁴ С. Ф. Миржанова. Терминология родства в диалектах башкирского языка. — «Советская тюркология», 1973, № 4, стр. 99—109.

⁵ К. М. Мусаев. Термины родства в современных западно-кыпчакских тюркских языках. — В сб.: «Sprache, geschichte und Kultur der altaischen völker». Berlin, 1974, стр. 452.

(к.-балк. *къарт ана*); *чоң* 'старший', (уйг. *чоң ана*); *асла* 'старший', 'главный' (чув. *асанне* 'бабушка') и др.

Происхождение термина *бита* в крымско-татарском языке, по-видимому, можно объяснить следующим образом: этот термин, очевидно, возник из словосочетания *биби+тата* в результате гаплогонии: *биби* > *би* (ср. в разговорном узбекском языке *биби* 'бабушка' звучит *би*) + *тата* > *та* (ср. в разговорном крымско-татарском языке *тата* 'сестра' после собственных имен звучит *та*, например, *Айше тата* произносится *Айшета*) = *бита*. Не исключена возможность образования этого термина и из словосочетания *аби+тата*, тоже в результате гаплогонии (ср. каз.-тат. *эби* 'бабушка'). При наличии дополнительного материала по диалектам тюркских языков данное предположение может быть уточнено.

Термин *бита* нами не обнаружен ни в одном из других тюркских языков. Не зафиксирован он и в «Кодексе Куманикусе», и в словарях Л. З. Будагова («Сравнительный словарь турецко-татарских наречий», т. 1—2. СПб., 1869—1871) и В. В. Радлова («Опыт словаря тюркских наречий», т. I—IV. СПб., 1893—1911). Не включен этот термин и в словарь Э. В. Севортяна («Этимологический словарь тюркских языков». М., 1978), где приводятся общетюркские и межтюркские основы на букву «Б».

Следовательно, можно предполагать, что термин *бита* образовался позднее термина *къартана* на крымско-татарской языковой почве в период относительно самостоятельного развития языка.

В крымско-татарском языке термины родства *бита* и *къартана* территориально ограничены в употреблении: так, например, если *бита* широко распространен в среднем (*орта ёлакъ*) диалекте, то *къартана*//*хартана* наиболее употребителен соответственно в кыпчакском (северном, степном) и огузском (южном) диалектах. Заметим, что *къартана* в среднем диалекте крымско-татарского языка употребляется большей частью для обозначения «пожилой, старой женщины», «старухи».

Дед. В литературном крымско-татарском языке для обозначения понятия «дед» нет обобщающего термина; оно передается описательным способом по модели *къартана* — *къартбаба*: *Биз къартбаба м-нен бир эвде яшай эдик* (Е. д., стр. 184) 'Мы с дедом жили в одном доме'.

В других тюркских языках для обозначения этого понятия имеются следующие термины: турк. *ата* 'дед (по линии отца)' и *баба* 'дед (со стороны матери)': азерб. *баба*; тур. *büyük baba, dede*; узб. *бобо*; каз. *баба, ұлы ата, нағашы ата, ұлкен ата*; башк. *олатай, олатакай*; уйг. *чоң ата*; ккалп. *ата, баба*; к.-балк. *къарт ата*; кум. *уллу ата*.

Таким образом, в большинстве тюркских языков термин родства «дед» передается словами *баба* и *ата*; при этом в ряде языков рассматриваемый термин образуется описательным способом. В качестве первого компонента, как и при передаче понятия «бабушка», могут служить прилагательные *къарт* 'старый' (башк., крым.-тат., к.-балк.), *улу* 'великий', 'большой' (каз., кум.), *буюк* 'большой' (тур.).

Термин родства *къартбаба* в крымско-татарском языке может употребляться и при почтительном обращении к незнакомым людям пожилого возраста или при упоминании о них: *Баттал къартбаба чокъ корьген ве узун эм де агъыр бир омюр кечирген адам эди* (А. я. э., стр. 17) 'Дед Баттал был человеком, много повидавшим и прожившим долгую и тяжелую жизнь'.

В огузском (южном) диалекте крымско-татарского языка наряду с фонетически видоизмененным вариантом этого термина *харба*, для

обозначения понятия «дед» употребляется *деде*, как и в турецком языке. Это, по-видимому, объясняется продолжительным контактированием турецкого и крымско-татарского языков.

Сестра. Для названия «старшей сестры» в современном крымско-татарском языке существуют два одинаково употребляемых термина: *апте* и *тата*: *Эпимиз пенджереге атылдыкъ, ... «къара къаргъа» машинасына джеллятлар апте мнен аркъадашларыны сокъкъанларыны ве алып кеткенлерини корьдик* (А. я. э., стр. 53) 'Мы все бросились к окну, ... видели как палачи затолкали сестру и ее подруг в машину «черный ворон» и увезли'; *Чокъ кечмеден, бизим севимли татамыз Айше Тархан да фашистлер тарафындан къыйналып ольдюрильди* (А. я. э., стр. 105) 'Через некоторое время и наша любимая сестра Айше Тархан тоже была замучена и убита фашистами'.

В большинстве тюркских языков понятие «сестра (старшая)» передается термином *ана* в некоторых фонетических видоизменениях: башк., каз., тат., уйг., ккалп., кирг., енис.-орх. *ана*; узб. *она*; чув. *анна*. Любопытно, однако, заметить, что это слово в звательной форме *апай* в крымско-татарском языке употребляется как синоним слова *къадын* 'жена', 'супруга'. В азербайджанском и турецком языках, как и в южном диалекте крымско-татарского языка, рассматриваемому термину соответствует термин *абла*, который, по предположению Л. А. Покровской, возможно, тоже связан с корнем *аба/ана*⁶.

Происхождение термина *апте* в крымско-татарском языке в настоящее время трудно объяснить. По-видимому, в основе этого термина также лежит слово *ана*, а компонент *-те* можно было бы в данном случае рассматривать как фонетический вариант уменьшительно-ласкательного суффикса *-ча*. Ср. переходные фонетические варианты этого термина, сохранившиеся в некоторых говорах казахского языка Чимкентской, Ташкентской и Джизакской областей (*эпише—эпке*)⁷.

География распространения термина *апте* связана с южным диалектом крымско-татарского языка. Наряду с этим термином для обозначения понятия «сестра (старшая)» здесь употребляются также *абла* и *ана*.

Термин *тата*, возможно, является заимствованием из индоевропейских языков (ср. семантику русского *тетя* и узбекского *тута* 'тетя'). В диалектах узбекского языка этот термин употребляется также в значениях: 1) «сестра» — некоторые южно-казахстанские говоры (Чимкент, Туркестан, Сайрам); 2) «бабушка» — говоры низовья Кашкадарьи; 3) «сноха» — Самаркандская область⁸. Фонетические варианты рассматриваемого термина *тута* и *тэтэй* в значениях «сестра (старшая)» и «тетя» имеются и в казанско-татарском языке⁹.

В крымско-татарском языке *апте* и *тата* употребляются и при вежливом, почтительном обращении к пожилым и старшим по возрасту женщинам в значении «тетя»: *Суваде апте оны озюнинъ догъмуш къызы киби бакъып, пек аджайип инсан оларакъ тербиелеген эди* (А. я. э., стр. 147) 'Тетя Суваде ухаживала за ней как за своей родной дочерью и воспитала из нее прекрасного человека'.

⁶ Л. А. Покровская. Указ. раб., стр. 32.

⁷ См.: Т. Айдаров. Лингвистикалык география. Алматы, 1977, стр. 118.

⁸ См.: А. Шерматов. Қуйи Қашқадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1972, стр. 99; *его же*. Узбекские народные говоры Кашкадарьинской области. Ташкент, 1978, стр. 135.

⁹ С. А. Бурнашева. Некоторые вопросы лексики татарского языка. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Ч. IV. (Лексика). М., 1962, стр. 118.

Сноха. Для обозначения «жены старшего брата или дяди» в крымско-татарском языке имеются два термина: *енге* и *дуду*. Общeturкский термин *енге* употребляется в большинстве современных тюркских языков с чередованием начальных согласных. Варианты с начальным *й* имеются в азерб. *йенгә*, башк. *йеңгә*/йеңкә, тур. *уенге*, турк. *йеңге*, узб. *йанга*, уйг. *jəŋgə*, гаг. *йенги*, к ним примыкает и вариант словаря Ибн-Мухан-ны: *يڭا* 'жена брата', *jāŋgā* (АФТ, 0118). Варианты с начальным *ж* отмечаются в казахском (*жеңге*) и каракалпакском (*жснҗге*) языках. Варианты с начальным *ж* встречаются в киргизском (*жеңе*) и татарском (*жиңгә*) языках. Вариант с начальным *ч* известен в тувинском — *чеңге*, с начальным *д* — в алтайском *-дъенге*, с начальным *с* — в якутском *-саңас*¹⁰.

В северном диалекте крымско-татарского языка наиболее распространен фонетический вариант *дженге*, как в татарском и киргизском языках. В ряде говоров южного и среднего диалектов крымско-татарского языка для обозначения «жены старшего брата или дяди» употребляется термин *енгенче*, сложившийся из *енге* + *нче*, где второй компонент, возможно, также является производным, образованным «от основы-корня *еб/еп*, *ев* 'дом', ... + афф. отыменного словообразования *-чы/-чи*, который в сочетании с основой обозначает название лица по его деятельности»¹¹ (ср. с *апте*). В пользу такого происхождения *-нче* говорит и то, что *-нче* в составе некоторых других крымско-татарских слов выступает как показатель женского рода (ср. *оджа* 'учитель' и *оджапче* 'учительница', *кзуда* 'сват', 'кум' и *кзудапче* 'сваха', 'кума') и тем самым воспроизводит одно из основных значений слова *епчи* 'женщина', указанное Э. В. Севортьяном¹².

Однако в составе таких слов, как *енгенче* 'жена старшего брата или дяди' и *алапче* 'тетя (со стороны отца)', формант *-нче* не является показателем женского рода, как это было отмечено в словах *оджапче* и *кзудапче*, так как основы *енге* и *ала* употребляются в тех же значениях. По-видимому, не исключена возможность образования форманта *-нче* из *ана* + *ча*, где *-ча* является уменьшительно-ласкательным суффиксом. Таким образом, фонетическое развитие рассматриваемого форманта можно представить в виде следующей примерной схемы: *ана* + *ча* > *апча* > *апче* > *нче*.

География распространения термина *дуду* ограничивается средним диалектом крымско-татарского языка. Нет этого термина ни в северном, ни в южном диалектах. Не отмечен он нами и в других тюркских языках. В настоящее время трудно судить о происхождении термина *дуду* в крымско-татарском языке, однако, отсутствие этого термина в других тюркских языках дает нам основание полагать, что он мог быть заимствован крымско-татарским языком из других языков, бытовавших в средней полосе Крыма, до прихода туда тюркских племен. Отметим, что крымско-татарские термины *апте* и *бита*, отсутствующие в других тюркских языках, можно этимологизировать на основе общетюркского материала, чего нельзя сделать с термином *дуду*.

Тетка. Это понятие в современном крымско-татарском языке передается терминами *тизе* и *ала*; первый из них употребляется для обозначения «тетки (со стороны матери)», а второй, заимствованный из араб-

¹⁰ Л. А. Покровская. Указ. раб., стр. 65.

¹¹ Э. В. Севортьян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 287.

¹² Там же.

ского языка (حالة), означает «тетка (по линии отца)»: *Анасыны алып кеткенден сонъ, олар тизесининъ эвинде яшай башладылар.* (И., стр. 26) 'После того как забрали их мать, они стали жить в доме тетки (со стороны матери)'; *Къызлардан бири Гульнар Мамбетова аласынынъ ёлунен кетти — эким олды* (А. я. э., стр. 146) 'Гульнар Мамбетова — одна из дочерей, пошла по стопам своей тетки (по линии отца) и стала врачом'.

В других тюркских языках для обозначения термина «тетка» используются следующие слова: башк. *эбей* 'тетка (старшая сестра матери или отца)' и *анай* 'тетка (младшая сестра матери или отца)'; тат. *ана, тәтәй, тутай*; каз., ккалп. *ана*; чув. *анпа*; кирг. *эже*; узб. *хола* 'тетя (со стороны матери)' и *амма* (араб. *عمة*) 'тетка (по линии отца)'; азерб. *хала* 'тетя (по матери)' и *биби* 'тетя (по отцу)'; тур. *teyze* 'тетка (сестра матери)' и *hala, bibi* 'тетка (сестра отца)'; турк. *дайза* 'тетка (со стороны матери)' и *эже* 'тетка (сестра отца)'.

В уйгурском и карачаево-балкарском языках название «тетка» передается описательным способом: уйг. *чоң ана* 'тетка (старшая сестра матери или отца)' и *кичик ана* 'тетка (младшая сестра матери или отца)'; к.-балк. *ананы эгечи* 'тетка (по линии матери)' и *атаны эгечи* 'тетка (со стороны отца)'.

Отметим, что термин *тизе* с незначительными фонетическими различиями имеется также в туркменском и турецком языках, то есть в языках юго-западной группы. Семантика рассматриваемого термина в этих языках также совпадает: *тизе* означает «тетка (по линии матери)».

Термин *ала* в тюркских языках является заимствованием из арабского (<араб. *حالة*). При заимствовании это слово подверглось определенным фонетическим изменениям в области гласных и согласных звуков. Фонетические различия согласных сводятся к утере начального щелевого глухого согласного *х* в крымско-татарском (*ала*) и замене начального язычкового *х* фарингальным щелевым согласным *h* в турецком (*hala*) языках. В узбекском и азербайджанском начальный согласный в этом слове не претерпевает значительных изменений: узб. *хола*, азерб. *хала*.

В области гласных звуков отмечаются следующие изменения: арабский долгий гласный заднего ряда *ā* заменяется в узбекском языке заднерядным широким негубным *о*; в азербайджанском, крымско-татарском и турецком языках арабский *ā* передается широким негубным гласным *а*.

В семантическом плане термин *хала* в заимствовавших языках также имеет различия: в узбекском и азербайджанском языках (*хола* и *хала*) имеет то же значение, что и в языке-источнике «тетка (со стороны матери)», в крымско-татарском и турецком языках в семантике этого слова произошел определенный сдвиг и оно означает «тетка (по линии отца)».

Таким образом, современные тюркские языки в обозначении термина «тетка» делятся на две группы: в одной группе проводится четкая дифференциация терминов, обозначающих тетю по отцу и матери (узб., азерб., к.-тат., тур., турк.); в другой группе такой дифференциации нет, и один и тот же термин может быть использован как для обозначения тетки, так и старшей сестры (ср. тат. *ана, тута, тәтәй* 'старшая сестра' и 'тетя'; чув. *анпа*; каз. *ана*; кирг. *эже* в тех же значениях). В башкирском и уйгурском языках в рассматриваемых терминах нет дифференциации по материнской и отцовской линии, в то время как имеются раз-

личные термины для разграничения старших и младших сестер матери и отца.

СПИСОК ТЕРМИНОВ РОДСТВА В КРЫМСКО-ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Термины родства по крови

Ана 'мать', *баба* 'отец', *къыз* 'дочь', *огъул* 'сын', *агъа* 'брат (старший)', *къардаш* 'брат (младший)', 'сестра (младшая)', *огълан къардаш* 'брат (младший)', *къыз къардаш* 'сестра (младшая)', *торун* 'внук', 'внучка', *огълан торун* 'внук', *къыз торун* 'внучка', *дайы* 'дядя (по линии матери)', *эмдже* 'дядя (со стороны отца)', *бабанынъ бабасы* // *къарт деде* 'прадед', *ананынъ анасы* // *къарт бита* 'прабабушка', *бала* 'ребенок'.

Термины родства по браку

Анай // *къадын* // *омюр ёлдашы* 'жена', *акъай* // *эр* // *къоджа* 'муж', *къайнана* 'теща', 'свекровь', *къайната* 'тесть', 'свекор', *къайын* 'младший брат жены', 'шурин', 'деверь', *къайнагъа* 'старший брат жены или мужа', 'старший деверь', 'старший шурин', *келин* 'невеста', 'невестка', *куев* 'женых', 'новобрачный', *келиндеш* 'жены двух братьев', 'невестки по отношению друг к другу', *энъиште* 'муж сестры', 'зять', *баджанакъ* 'мужья сестер по отношению друг к другу', 'свояк', *балдыз* 'младшая сестра жены', 'свояченица', 'золовка', *корюмдже* 'младшая сестра мужа', *къуда* 'сват', 'кум', 'родственники мужского пола мужа и жены', *къудагъый* 'сваха', 'кума', 'родственники женского пола мужа и жены', *челеби агъа* 'старший брат мужа', 'старший деверь', *огей баба* // *бабалыкъ* 'отчим', *огей ана* // *аналыкъ* 'мачеха', *огей огъул* 'пасынок', *огей къыз* 'падчерица'.

Таким образом, на основании приведенного выше, можно сделать следующие выводы:

1. Основная часть терминов родства в крымско-татарском языке, как и в других тюркских языках, формировалась в эпоху древнетюркской языковой общности. Об этом говорят сохранившиеся до наших дней в большинстве тюркских языков такие общетюркские названия, как *ана*, *къыз*, *огъул*, *агъа*, *къардаш*, *эр*, *къадын*, *куев*, *келин*, *къайын*, *къуда*, *енге*, *балдыз*.

2. Другая часть терминов родства формировалась после дифференциации тюркских языков на основные группы. К ареальным терминам в крымско-татарском языке относятся *баба*, *тизе*, *торун*, *аналыкъ*, *бабалыкъ*.

3. Ряд слов, обозначающих родство в крымско-татарском языке являются исконными. Они образовались, по-видимому, на крымско-татарской языковой почве: *бита*, *апте*, *анай* 'жена'.

4. Удельный вес заимствованных слов в этой лексико-семантической группе незначителен. Так, например, *ала* 'тетка (со стороны отца)' и *эмдже* 'дядя (по линии отца)' заимствованы из арабского языка [араб. خالة 'тетка (со стороны матери)' и عم 'дядя (по линии отца)']; *тата* 'сестра (старшая)', 'тетя' — по-видимому, из русского языка (ср. с русским *тетя*). Происхождение термина *дуду* пока остается неясным.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АФТ* — П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
А. я. э. — «Аналар яш экенде» («Когда матери были молодыми»). Ташкент, 1977.
Е. д. — «Ешил далгъалар» («Зеленые волны»). Сб. рассказов и повестей, автор Черкез-Али. Ташкент, 1976.
И — «Йылдыз» («Звезда», альманах). Ташкент, 1977, № 2.

Н. Э. ГАДЖИАХМЕДОВ

СИСТЕМА ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН КУМЫКСКОГО ИНДИКАТИВА

В настоящей статье предпринята попытка показать внутренние связи и отношения между отдельными временными формами прошедшего времени кумыкского индикатива.

Современный кумыкский язык отличается сложной системой прошедших времен изъявительного наклонения. Сфера прошедшего времени в исследуемом языке характеризуется наличием двух его синтетических разновидностей — прошедшего категорического (форма на *-ды*) и прошедшего перфективного (форма на *-гъан*), а также ряда аналитических — сложных (временные формы, образованные с помощью вспомогательных глаголов *эди* или *тур-*) и сверхсложных (временные формы, образованные с помощью вспомогательных глаголов *эди* и *тур-*) временных форм.

Все грамматические формы прошедшего времени противостоят формам настоящего-будущего времени, так как они констатируют действия, совершившиеся ко времени речи. В своем же ряду отдельные грамматические формы темпоральности противопоставляются одна другой как различные формы прошедшего времени со специфическим оттенком значения.

Дифференциальным признаком прошедшего категорического времени в ретроспекции индикатива является выражение им тонкального действия с оттенком категорического утверждения. Это положение подтверждается материалами всех тюркских языков. По отношению к настоящему-будущему времени данная грамматическая форма выступает как универсальная¹. Универсальность граммы *-ды* состоит в том, что она при соответствующей обстоятельственной характеристике может обозначать действия любой длительности и кратности, хотя в современном кумыкском языке имеются специальные формы для передачи континуативных и итеративных действий. Например: *Ол Камилни пальтосу-ну этегин тутуп, бирденден артегъа тартды. Камил йыгъылды* (М. Хангишиев «Рашит булан Разият») 'Она схватила подол пальто Камиля и вдруг потянула назад. Камил упал'; *Мен де, ювугъум, армиядан къайт-гъан сонг колхозда ишледим, дёрт йыл ишледим...* (М. Абуков «Боран») 'Я тоже, друг, после армии проработал в колхозе, четыре года прорабо-

¹ В настоящей статье автор исходит из положений системного изучения временных форм, разработанного С. Н. Ивановым на материале турецкого и староузбекского языков (См.: С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-гази-хана. Грамматический очерк. Ташкент, 1969; *его же*. Курс турецкой грамматики. Ч. 2, Л., 1977 и др.).

тал'. Прошедшее категорическое выражает действия, происшедшие как непосредственно в момент речи (а), так и в отдаленном прошлом (б). Например: а) — *Къара, къара, Али де бар...* — *Гёрдюм* (М. Абуков «Боран») '— Смотри, смотри и Али здесь... — Видел'; б) *1905-нчи йылны октябрь айында Петербургда ишчилер иш ташлады* (И. Керимов «Магъач») 'В октябре 1905 года рабочие Петербурга бросают работу'. Исследуемая временная форма выражает действия, относящиеся как к прошедшему, так и к настоящему и будущему временам, что также указывает на универсальность данной грамматической формы. *Бириси йыртылды, яда тас болду — битди ишинг* (И. Ибрагимов «Дагъыстан намус») 'Если хотя бы один порвется или потеряется — твое дело конечно'. В данном случае форма *-ды* обозначает действие, имеющее футуральную ориентацию. *Гьуя оьлдю-юм...* *языгъынг чыкъсын* (М. Хангишиев «Эки хабар») 'Ой, я умираю... пожалей'. В этом примере прошедшее категорическое выражает действие, ориентированное на момент речи.

Выражение динамики действий является одной из специфических особенностей, определяющих функциональную сущность данной грамматической формы времени в кумыкском и в ряде других тюркских языков. Именно по этому признаку прошедшее категорическое противопоставляется многим другим формам прошедшего времени.

Иной синтетической формой прошедшего времени является форма прошедшего перфективного. Грамматическая форма темпоральности с показателем *-гъан* находится в оппозиции со всеми другими формами индикатива своим специфическим значением результативного действия, контактирующего с моментом речи. Таким образом, в кумыкском и в ряде других тюркских языков, основным дистинктивным признаком прошедшего категорического и прошедшего перфективного времени является динамика — статика соответственно выражаемых ими действий. Различие между названными формами времени проявляется и в другом: в тех случаях, когда эти формы времени употребляются в одном контексте, прошедшее перфективное обычно выражает действие более давнее по отношению к действию, выраженному прошедшим категорическим: *Мен шонда алдын да болгъанман ... гъалиги барывумда буса савлай посёлокну гёрдюм* (Л. Брежнев «Тынлыкъ») 'Там я и раньше бывал, но в этот раз я увидел весь поселок'. Исследуемая временная форма, употребляясь в описательной функции, служит для развертывания перед слушающим или читающим действия-состояния в процессе его протекания, что противопоставляет его прошедшему категорическому, обозначающему чаще всего концентрированность, напряженность действия.

Рассмотрим соотношение определенного имперфекта (форма *-а эди*) с названными формами прошедшего времени.

Основным дифференциальным признаком определенного имперфекта в кругу прошедших времен является то, что он выражает прошедшее континуативное (в том числе и итеративное) действие: *Соравлар, бере эдилер, къайтарып айтмакъны тилей эдилер* (М. Хангишиев «Рашит булан Разият») 'Задавали вопросы, просили, чтобы повторили'; *Яш заманларыбызда биз иш этип, денгизге кириме геле эдик* (там же) 'В молодости мы специально ходили купаться на море'. В системе прошедших времен кумыкского индикатива ясно прослеживаются дистинктивные признаки формы *-а эди*. Релятивным признаком определенного имперфекта и прошедшего перфективного времени является то, что действие-процесс, обозначаемое определенным имперфектом в процессе его протекания, полностью находится в ретроспективной плоскости, а действие-процесс, выражаемое прошедшим перфективным с его результатом, кон-

тактирует с грамматической точкой отсчета (с моментом речи). По ряду семантических признаков форма *-а эди* находится в оппозиции к временной форме прошедшего категорического. В семантической сущности формы *-ды* имеется налицо результат действия, обозначаемого ею. Этот признак в определенном имперфекте (или прошедшем континуативном) не выражен, поскольку данная форма обозначает длительное, итеративное действие в процессе его протекания. Названные временные формы противопоставляются также по признаку линейности/точечности действия: прошедшее континуативное время в своей внутренней семантической сущности содержит сему нерасчлененного длительного действия, тогда как у прошедшего категорического такое значение проявляется в определенных лингвистических условиях.

В синтагматическом (функциональном) плане рассматриваемые формы микросистемы прошедшего времени также противопоставляются друг другу. Прошедшее категорическое выражает динамизм повествования — концентрацию и напряженность ряда действий (а); прошедшее перфективное передает смену одного результата действия другим (б); определенный имперфект представляет прошлые действия в их течении, а не в результате, и размещает эти действия в одной плоскости прошедшего времени (в): а) *Оьлмес кёп затланы ойлашды, комсомолец ёлдашлары эсине тюшдю, оланы ичинде Айшатны гёлентгиси айрада атив гёрюндю, башгаларын кююп, ону булан гёнгюл этме башлады, йымшады, кьалгъыву гелди* (М. Хангишиев «Эки хабар») 'Оьлмес размышлял о разном; вспомнил друзей-комсомольцев, среди них особенно отчетливо выступил образ Айшат, забыв о других, он стал радоваться ей, размяк, погрузился в дремоту; б) *Пунктгъа етишдик. Ол темир ёлдан бир километр мезгилде ерлешген. Чёллени арасында... автомашинлер токътаган. Олар бир километрден де артыкгъа узатылгъан* (Л. И. Брежнев «Тынылык») 'Мы дошли до пункта. Он расположен в одном километре от железной дороги. Среди степей стоят автомашины. Они растянулись более чем на километр'; в) *Терексени кызыл ва сари япраклары гъавада уца, ерге тюше эди. Терекден... тюшген япраклар... елни кёмеклиги булан къанатлана эди. Къыр емишлер ерге тёгюлюп, ерде тизге геле эди* (Журнал «Дослукъ», 1978, № 2) 'Красные и желтые листья деревьев летели в воздухе, падали на землю. Ветер нес опавшие листья. Опавшие на землю дикие фрукты доходили до колен'. Поскольку временная форма *-а эди* обозначает континуативные и итеративные действия, лишенные поступательности, то они являются нейтральными к передаче плотности действия.

Прошедшее континуативное время (определенный имперфект) выражает по отношению к моменту речи фон авторского отступления от основной линии повествования: автор в ходе рассказа указывает на некое происшедшее в прошлом действие и, как бы развивая его, отвлекается от ведущего сюжета для сообщения ассоциативно возникших в его представлении фактов². Например: *Булан арасында сююв бир тамаша башланды. Ханым почтада телефонистка болуп ишлей эди...* (Къ. Шамсутдинов «Уьст болгъан сююв») 'В их отношениях любовь возникла очень интересно. Ханым работала на почте телефонисткой...' По отношению к прошедшему исследуемая форма времени обозначает прошедшее континуативное действие, причем показывает это действие как фон другого действия, обращенного также в прошлое и выраженного другими временными формами прошедшего: *Болса да Кривенкогъа хыйлы заман токътап турмагъа тюшдю. Ермолов жувуна ва гийине эди* (И. Ке-

² С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-гази-хана, стр. 147.

римов «Магъач») 'Однако Кривенко пришлось долго ждать. Ермолов умывался и одевался'.

В ряде современных тюркских языков, в том числе и в кумыкском, ясно прослеживается дисемия давнопрошедшего времени, находящаяся в зависимости от темпоральной точки ориентации. Так, в индикативном употреблении данная форма обозначает главным образом абсолютную давность действия (а); в индиректном же употреблении им обозначается относительная давность действия, то есть действие, предшествующее другим действиям в прошлом (б). Например: а) *Бир гезик ону бавундан алма урлагъан эдик, балагъы сонгунда мени башыма тюшдю* (А. Абу-Бакар «Серминазыма тагъымчакълар») 'Однажды мы украли из его сада яблоки, беда потом пала на мою голову'; б) *Мен разведкагъа всадниклени алып баргъан эдим. Топланы тавушлары эшитдик* (Р. Расулов «Ант») 'Я водил в разведку всадников. Мы слышали взрывы бомб'. В сфере прошедшего особенно ясно проступает противопоставление данной формы прошедшему перфективному времени по признаку (соответственно): результат в прошедшем — результат в настоящем. Давнопрошедшее противопоставлено определенному имперфекту тем, что оно не охарактеризовано признаком длительности и кратности.

Две формы неопределенного имперфекта — *-ар эди* и *-ажакъ эди* по отношению к фону момента речи (в индикативном употреблении) выражают соответственно: а) желание, стремление субъекта к совершению данного действия: *Елдаш гысанда магъа аркъа таягъанынгны сюер эдим*, — *деди* (Ш. Альбериев «Яшыртгъын яра») 'Я бы хотел, чтобы ты, как товарищ, был мне опорой' — сказал он'; б) убежденность, уверенность говорящего в реализации обозначенных глагольной формой действий: *Бизин дивизионда шулай сёзлер саялы еринде уруп оьлтюрежек эди* (И. Керимов «Магъач») 'В нашем дивизионе за такие слова на месте бы прикончили'. По отношению к другому временному плану — плану прошедшего (главным образом в составе условного периода) временные формы *-ар эди* и *-ажакъ эди* выражают сослагательность: *Мен кгойгъан бусам, Осман ону уруп йыгъажакъ эди* (И. Керимов «Магъач») 'Если б я оставил, Осман бы его на месте прикончил'; *Арба гелген буса, уьуне арымай сама барар эдилер* (М. Хангишиев «Рашит булан Разият») 'Если б подъехала арба, домой бы добрались неуставшие'. Как видно, в семантической сущности временных форм *-ар эди* и *-ажакъ эди* ясно прослеживаются гетерокатегорические отношения: с одной стороны, значения индикатива, с другой — сослагательного наклонения. Именно по признаку гетерокатегориальности названные формы противопоставляются всем другим формам микросистемы прошедшего кумыкского индикатива. Дистинктивным признаком названных форм является то, что действия, обозначенные временной формой *-ажакъ эди*, являются более категоричными, нежели действия, обозначенные формой *-ар эди*.

Каждая сфера индикатива кумыкского глагола обладает определенной группой временных форм со значением длительности, многократности действия. К длительному разряду прошедшего относятся формы *-а турду*, *-ып турду*, *-а тургъан*, *-ып тургъан*, *-а тура эди*, *-ып тура эди*, *-а тургъан эди*, *-ып тургъан эди*. Рассмотрим, в каких связях и отношениях находятся данные формы между собой и с другими формами прошедшего времени.

Временные формы длительного разряда *-а турду* и *-ып турду* обозначают достоверное, континуативное (в том числе и итеративное) действие, которое происходило почти непрерывно или повторялось с короткими временными интервалами. Например: *Ол кён гюнлени узагъында ойгъа*

батып турду (Къ. Шамсутдинов «Уьст болгъан сююв») 'Он в течение многих дней был погружен в мечты'; *Рашит бир де турмай участкадан участкага чаба турду* (М. Хангишиев «Рашит булан Разият») 'Рашит без конца бегал с одного участка на другой'. По признаку линейности-точечности данные формы противостоят прошедшему категорическому, которое также выражает прошедшее достоверное действие, но не характеризуемое линейно. Итак, семантема «достоверность тонкального действия» объединяет временные формы *-ды*, *а-турду*, *-ып турду* в одну семантическую группу, а сема линейность-точечность противопоставляет эти формы друг другу.

Аналитические формы *-а тургъан*, *-ып тургъан* также выражают длительное и многократное действие, имевшее место в прошлом. Однако в отличие от предыдущих форм длительного разряда в формах *-а тургъан*, *-ып тургъан* семантема достоверности в обозначаемых ими действиях не выражена. Основным дифференциальным признаком исследуемых форм в микросистеме длительного разряда прошедшего времени является семантика перфективности продолжительного действия. Временной конструкцией *-а тургъан*, *-ып тургъан* выражаются те же значения, которые передаст прошедшее перфективное, только осложненное линейностью действия. Это подтверждается следующими примерами: *Складны бары да гёрмекли продукталарын озюне ташып тургъан* (М. Хангишиев «Рашит булан Разият») 'Самые хорошие продукты со склада он таскал к себе'; *Тек оланы адамлар даим де алышдыра тургъан* (М. Хангишиев «Рашит булан Разият») 'Однако их люди все время меняли'.

Рассмотрим соотношение сверхсложных временных форм *-а тургъан эди*, *-ып тургъан эди* с другими формами данного разряда. Исследуемые временные формы в структурном отношении близки к формам длительного перфективного времени *-а тургъан*, *-ып тургъан* и к форме давнопрошедшего времени *-гъан эди*. Однако в семантической природе рассматриваемых времен кумыкского индикатива нетрудно проследить различия. В сверхсложных формах темпоральности *-а тургъан эди*, *-ып тургъан эди* результат действия находится в ретроспективной плоскости, тогда как результат тонкального действия, обозначенного длительным перфективным временем (*-а тургъан*, *ып тургъан*), относится к моменту речи. Например: *Баш вакъти ачувлана, чечеклене тургъан эдим* (И. Ибрагъимов «Дагъыстан намус») 'В первое время я злился и обижался'; *Буланы лакъыры тергевон тарта тургъан эди Тажутдинни* (И. Ибрагъимов «Дагъыстан намус») 'Их беседа привлекала внимание Тажутдина'. Дистинктивным признаком аналитических форм *-а тургъан эди*, *-ып тургъан эди* и давнопрошедшего времени является обозначение ими соответственно линейных, итеративных и точечных, однократных действий.

И, наконец, сверхсложные временные формы длительного разряда *-а тура эди*, *-ып тура эди* в семантическом плане соответствуют формам *-а тура*, *-ып тура*, перемещенным в плоскость прошедшего времени. Грамматическая форма времени *-а тура эди* в ряду прошедших времен обозначает длительное, многократное действие: *Мен башлап англамай тура эдим* (А. Салаватов «Пьесалар») 'Сначала я не мог понять'; *Ол бишген эт кюрзелени къазандан агъач тепсиге чыгъара тура эди* (Къ. Шамсутдинов «Уьст болгъан сююв») 'Он выкладывал пельмени из кастрюли на деревянный поднос'. По отношению ко времени речи, то есть в индикативном употреблении, данная форма обозначает действие едва было не происшедшее: *Аста, оьлтюре тура эдинг* 'Будь внимателен, чуть не убил'; *Ол мени теберип, йыгъа тура эди* 'Он, оттолкнув меня, чуть было не ур-

нил'. Форма темпоральности *-ып тура эди* по отношению к настоящим временам обозначает тонкальное континуативное (в том числе и итеративное) действие: *Гьали Осман шону бир онгайлы ерин терген тура эди* (И. Керимов «Магъач») 'Сейчас Осман проверял одно удобное для него место'; *Бир гюн ахшам шо хасиде де олтуруп, ял алып тура эдим* (И. Ибрагимов «Дагъыстан намус») 'Однажды вечером, сидя на той завалинке, я отдыхал'. Данная временная форма по отношению к прошедшим временам, то есть в индиректном употреблении, обозначает фон авторского отступления, отклоняющегося от основной линии повествования: *Эшелон станциягъа бираз етишмей токътaды. Алда дав юрюлюп тура эди* (И. Керимов «Магъач») 'Эшелон остановился немного не доходя до станции. Впереди шли бои'; *Бир-эки минутдан сонг мен де къыргъа чыкъдым. Тююлген бир терекни артындан торлама булан Воробьевка деген юртъга багъып къарап тура эди* (Журнал «Дослукъ», 1978, № 2) 'Через одну-две минуты я тоже вышел. Тююлген из-за дерева смотрел в бинокль на деревню Воробьевка'.

Для передачи действий едва было не произошедших в прошлом в современном кумыкском языке служит грамматическая форма *-ма тура эди*: *Мен де шону айтма тура эдим* (А. Салаватов «Пьесалар») 'Я тоже был готов сказать это'; *Сен чи биябур болма тура эдинг* 'Ты же чуть было не опозорился'. Ни одна из других временных форм индикатива не передает такого значения.

Таким образом, мы видим, что каждая временная форма прошедшего времени обладает своими специфическими особенностями, своей автономной сферой употребления. В то же время отдельные грамматические формы темпоральности связаны между собой определенными семантическими признаками, что позволяет объединить их в единую семантическую группу. Так, например, формы *-ды*, *-гъан*, *-гъан эди* во временном континууме микросистемы прошедшего следует рассматривать как формы со значением однократности и точности действия (у названных форм семантема континуативности и итеративности проявляется не всегда, а лишь в определенных лингвистических условиях), тогда как форму *-а эди* и все формы длительного разряда следует объединить в одну группу по признаку континуативности и итеративности действия. Однако исследуемую микросистему индикатива кумыкского глагола нельзя рассматривать как конгломерат не связанных между собой грамматических образований, ибо она представляет собой органическое целое, сумму элементов (форм) и их семантических связей и отношений, интеграция которых создает новое качество, выражающееся в обозначении ими тонкального (прошедшего) действия.

РЕЦЕНЗИИ

Ф. Р. ЗЕЙНАЛОВ. ГӘДИМ ТҮРК ЈАЗЫЛЫ АБИДӘЛӘРИ (ОРТА ТҮРК ДӨВРҮ)

С. М. КИРОВ АДЫНА АЗӘРБАЈҶАН ДӨВЛӘТ УНИВЕРСИТЕТИНИН НӘШРИ,
БАКЫ, 1980, 96 стр.

Одним из важных источников изучения истории тюркских языков являются тексты древнетюркских письменных памятников.

Рецензируемая книга Ф. Р. Зейналова «Древнетюркские письменные памятники (среднетюркский период)», посвященная данной проблеме, — это первое учебное пособие такого содержания на азербайджанском языке.

Автор пишет об особенностях языка таких памятников, как «Дивану-лугат-ит тюрк» Махмуда Кашгари, «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, «Хосров и Ширин» Кутба, эпосы «Ат-тохфат уз-закийя фил-лугат-ит-туркийя», «Китаби Деде Коркуд», произведение «Дастани-Ахмед Херами», описывает исторические условия их появления, дает фонетическую, лексическую и грамматическую характеристики текстов.

После краткого обзора во введении истории изучения тюркских языков автор указывает, что отечественные и зарубежные тюркологи историю тюркских языков делят обычно на пять этапов: 1. Алтайский период, 2. Гуннский период, 3. Древнетюркский период, 4. Среднетюркский период, 5. Новый и новейший тюркские периоды.

Ф. Р. Зейналов предлагает свою периодизацию: 1. Древнейший тюркский период — IV тысячелетие до н. э. — V в. н. э., 2. Древнетюркский период — V—X вв., 3. Среднетюркский период — X—XVI вв., 4. Новый тюркский период — XVI—XX вв.

Говоря о древнейшем тюркском периоде, Ф. Р. Зейналов указывает на существование в тот период в тюркском этническом ареале трех языковых семей: тюркской, монголо-тунгусо-маньчжурской и угро-финской. Он отмечает, что гунны, распространившиеся еще до новой эры от китайских границ до Центральной Европы, положили начало процессу образования народов на этой территории и сыграли основную роль в их этногенезе в Азии и Европе. В отличие от прежних исследователей,

Ф. Р. Зейналов указывает на генетическую близость языка гуннов с древнебулгарским, древнехазарским и древнечувашским языками.

В разделе «Древнетюркский период» автор останавливается на уйгурском этапе этого периода. Он соглашается с ранее высказывавшимся мнением, что хазары сыграли прогрессивную роль в истории тюркоязычных народов.

Говоря о среднетюркском периоде как о важном этапе в истории развития тюркских языков, Ф. Р. Зейналов пишет: «В этот период, охватывающий X—XVI века, начинается формирование современных тюркских языков, берущих свое начало от племенных языков. Тюркоязычные народы, распространившиеся в то время на обширнейшей территории, уже в X—XIII веках образовали на ней несколько государств. С этой точки зрения, особенный интерес представляют государства Сельджуков и Караханидов» (стр. 9—10).

В разделе «Произведение Махмуда Кашгари „Дивану-лугат-ит тюрк“» (стр. 15—26) Ф. Р. Зейналов пишет: «Махмуд Кашгари приступил к созданию „Дивану-лугат-ит тюрк“ в период расцвета могущества Караханидов, распространения в Средней Азии исламской культуры, насильственного насаждения арабского и персидского языков за счет местных тюркских. Он задался целью не только способствовать сохранению и развитию тюркского языка, но и доказать, что этот язык не уступает по своему богатству арабскому и другим языкам» (стр. 16).

Автор книги приводит ценные сведения о самом Махмуде Кашгари и его фундаментальном труде, характеризуя «Дивану-лугат-ит тюрк» как своеобразную сравнительную грамматику, охватывающую лексический, фонетический и грамматический строй тюркских языков. Ф. Р. Зейналов особо выделяет в этом памятнике группу слов, со-

хранившихся и в современном азербайджанском языке.

В разделе «Произведение Юсуфа Бала-сагуни „Кутаду билиг“» (стр. 26—58) Ф. Р. Зейналов останавливается на расхождении между известными Венско-Гератской, Каирской и Ферганской списками этого памятника, характеризует новые работы, посвященные ему.

Взяв за основу Ферганский список, автор всесторонне анализирует его и сравнивает с «Диваном» Махмуда Кашгари, удачно комментирует выявленные им фонетические, лексические и морфологические отличия.

Один из разделов книги посвящен поэме Кутба «Хосров и Ширин» (стр. 39—53). Ф. Р. Зейналов относит ее создание к первой половине XIV века. Основываясь на характерных лексических, фонетических и грамматических особенностях произведения, он приходит к заключению, что язык поэмы тесно связан с языками огузо-карлукской группы. Автор отмечает наличие в поэме большого количества слов, отсутствующих или крайне редко встречающихся в современных тюркских языках. Преобладание огузских лексических единиц и элементов пада кыпчакскими, по мнению Ф. Р. Зейналова, свидетельствует о том, что «поэма, по-видимому, была написана на огузском диалекте» того времени.

Этой точки зрения, по мнению автора, придерживается и Э. Наджип, ибо в составленном им словаре поэмы ее лексика сопоставляется с кыпчакскими и карлукскими языковыми элементами.

Обратившись к памятнику «Ат-тохфат узакыйя фил-лугат-ит-туркийя» (стр. 53—66), автор приводит сведения об истории его изучения, указывая при этом, что место и время создания произведения до сих пор окончательно не установлены. По мнению некоторых исследователей, памятник был написан в Египте, другие полагают, что он был создан в Сирии или Дашти-кыпчаке. Автор выдвигает следующее предположение: «Мы считаем, что произведение „Тохфа“ написано в Египте на основе смешанных огузо-кыпчакских языковых материалов. Во-первых, это подтверждается тем, что в его арабском словаре большое место занимают слова, характерные только для египетского диалекта арабского языка. Во-вторых, в памятнике приводятся данные (причем, дважды) о смерти именно египетского султана. Кроме того, в то время как в словаре упоминается Египет, о Сирии и Дашти-кыпчаке ничего не говорится. Поскольку словарь составлен в XV веке, в период мамлюкского султаната в Египте, то исследовать этот памятник необходимо в организационной связи с конкретными историческими условиями» (стр. 55).

Развивая этот тезис, Ф. Р. Зейналов далее отмечает независимое формирование и параллельное употребление древнего туркменского (огузского) и огузо-кыпчакского

письменных языков в Египте XIII—XIV веков, указывая при этом на этническую общность тюркоязычных групп, обитавших на территории Золотой Орды и Египта в период правления мамлюков. Имевший широкое хождение в арабских странах в ту эпоху, тюркский язык Ф. Р. Зейналов называет огузо-кыпчакским и справедливо, на наш взгляд, считает письменные памятники этого языка огузо-кыпчакскими, хотя и испытавшими некоторое влияние уйгурских традиций. К ним относится, по его мнению, и «Тохфа».

Значительное место в книге занимает раздел, посвященный сказаниям «Китаби Деде Коркуд» (стр. 66—80). Отмечая, что этот эпос стал известен научному миру в 1815 году, Ф. Р. Зейналов упоминает работы немецких и турецких востоковедов, советских ученых. Новый (Ватиканский) вариант эпоса обнаружил и издал в 1952 году итальянский ученый Этторе Росси. Это сказание было в дальнейшем издано и на английском языке: в 1973 году Техасским университетом в США, а в 1974 году в Лондоне.

Ф. Р. Зейналов справедливо отмечает: «По нашему мнению, нельзя забывать о том, что эти сказания сложились в местах обитания и под влиянием союзов тюркских племен в период шаманства еще до широкого притока огузо-сельджукских племен на Кавказ, в Иран, Малую Азию и арабские страны, об их распространении впоследствии на этой территории, о тесном контактировании этих сказаний с образцами устной литературы местных тюркоязычных народов, а также того, что они многократно переписывались, и поэтому неизвестно, каким по счету вариантом является последний из них» (стр. 77).

В разделе «Огузо-сельджукские памятники» (стр. 80—87) говорится об изменениях в языке огузской группы тюркоязычных народов в историческом аспекте. Большинство тюркологов делит огузов на: древних (V—VIII вв.), средних (VIII—XI вв.), новых (сельджуков) (XI—XIII вв.). Автор основное внимание уделяет новой огузо-сельджукской языковой группе, характеризует языковые особенности созданных в этот период письменных памятников, сопоставляет морфологические характеристики языка сельджукских памятников с фактами азербайджанского языка. Ф. Р. Зейналов останавливается на «Чархнаме» Ахмеда Фатеха, произведении Шейда Хамзы «Юсиф и Зулейха» (XIII в.), «Дастан-Ахмед Херами» (XIII—XIV вв.), а также на газели Гасан-оглы и «Диване» Газы Бурханеддина.

Излагая краткое содержание «Дастан-Ахмед Херами», автор отмечает простоту и живость языка, с незначительным числом арабских и персидских слов, указывает на метрику стиха, количество двустиший (816) и жанр (приключенческо-любовный стихотворный рассказ). Последняя страница памятника безвозвратно утрачена, и поэтому

имя автора и время написания произведения остались неизвестными.

Ф. Р. Зейналов, исходя из лексико-фонетических и грамматических особенностей «Дастани-Ахмед Херами», приходит к выводу, что это произведение является памятником азербайджанского языка.

Как известно, в азербайджанском языке, в отличие от турецкого, широко распространены звонкие согласные. Эта особенность ясно прослеживается и в данном памятнике. Однако при подготовке его к изданию эти специфические особенности — *д—т* (*од—от, дурлу—турлу, дүшдү—тушдү*); *г—к* (*гара—кара*); *ғ—к* (*ағ—ак*) и другие — были приведены в соответствие с нормами современного турецкого языка. Согласный *х*, присутствующий азербайджанскому языку, сознательно заменен характерным турецким согласным *h*. Например: *хатуни—haiuni, хоча—hosa, эхми жарэ—zahmi yare, хилэти дон—hilieti don, хош—hoş* и др. Согласный *х* в азербайджанском языке сохраняется и в середине слова, в турецком же он обычно переходит в *к*: *охумаг—okumak, ајах—ayak, ахшам—akşam, јахын—yakın* и т. д.

Автор книги отмечает, что в произведении широко употребляются такие характерные для азербайджанского языка слова, как *јүкүрмэк* 'бежать', *бечит олмаг* 'быть быстрым', *бајаг* 'недавно', *гат* 'слой', *арха* 'опора', 'спина', *дүшмэк* 'падать', *јан* 'сторона', *тој* 'свадьба', *умундан* 'с конца', 'за конец', *аға* 'господин', *ајруг* 'другой', 'отдельный', *бујруг* 'просьба', 'желание', *даш* 'камень', *эр* 'муж', *дүн* 'ночь', *качан* 'когда', *гаты* 'густой', *ој* 'огощ', *өз* 'сам'. *өзләри* 'сами', *ус*

'ум', *јахшы* 'хорошо', *јаман* 'плохо', *јаш* 'возраст', *етмэк* 'делать', *јунмаг* (*јујунмаг*) 'мыться', *јумаг* 'мыть' и др.

Таким образом, хотя время создания «Дастани-Ахмед Херами» нигде и не фиксировано, Ф. Р. Зейналов, основываясь на лексических, фонетических и грамматических особенностях произведения, высказывает предположение, что оно относится к XIII веку.

Наряду с несомненными достоинствами в рецензируемом издании имеются отдельные недостатки. Укажем на некоторые из них.

Во «Введении» автор утверждает, что история формирования и развития тюркоязычных народов может быть условно подразделена на четыре этапа. Подробно охарактеризовав первые три из них, он, к сожалению, не останавливается на четвертом, что нарушает цельность изложения.

Тезис о том, что «глаголы, образующиеся с суффиксом *-ар*, выражают как настоящее, так и будущее время», автор иллюстрирует примерами: *тутармэн, урушурмэн, саныр мэн, кедэр биз* (стр. 62), однако примеры *урушурмэн, саныр мэн* явно не подтверждают сказанного.

Имеются определенные недочеты и в редакторской работе (стр. 11, 17, 23, 43) и т. д.

Несмотря на указанные и некоторые другие погрешности, в целом рецензируемая работа Ф. Р. Зейналова является ценным учебным пособием, доступно излагающим обширный теоретический и фактический материал.

З. И. Будагова, Р. Г. Эйвазова

И. Б. БАШИРОВА. СЭНГАТЬЛЕ ЧЭЧМЭ ЭСЭРЛЭР ТЕЛЕ. (ТАТАР ПРОЗАСЫНДА ХИКЯЛӘУ СТИЛЬЛӘРЕНЕҢ ҮСЕШЕ ҺӘМ АНЫҢ ЭСЭР ТЕЛЕНӘ ТӘЭСИРЕ)

КАЗАН, ТАТАРСТАН КИТАП НӘШРИЯТЫ, 1979, 96 стр.

Изучение языка художественной литературы ведется, как известно, в двух направлениях. Представители первого направления изучают роль писателя в развитии литературного языка и совершенствовании его стилей. Именно этой проблеме посвящена большая часть работ татарских языковедов в области стилистики. Сторонники другого направления изучают язык литературного произведения в тесной связи с индивидуальным мастерством писателя и рассматривают его как художественное средство изображения действительности. Основная цель таких исследований заключается в раскрытии природы языка художественных

произведений, его взаимоотношений с различными компонентами (идеями, сюжетом, композицией). Рецензируемая работа И. Б. Башировой является одной из первых удачных попыток исследования данной проблемы, хотя она и преследует скромные, чисто учебные цели.

Автор ставит перед читателем следующие вопросы: меняются ли природа и функции языка художественных произведений в ходе многовекового литературного процесса? Как слово превращается в образ? Основываясь на анализе татарской прозы, автор приходит к интересному выводу о том, что «превращение языка в художественное сло-

во определяется характером повествования, основными традициями национальной литературы и их развитием». Отношение писателя к языку, его художественное мастерство рассматриваются именно с этих позиций. И. Б. Баширова делит историю татарской прозы на два периода: первый характеризуется простым описанием событий, второй — художественным повествованием. Каждому из этих периодов посвящена отдельная глава книги.

Первый период, начинающийся с новелл «Нахж-эль-фарадис» (XIV в.), длится до конца XIX века, включая прозаические произведения К. Насыри. Проза данного периода характеризуется простым авторским повествованием, отсутствием выражения авторского отношения к описываемым событиям. Слова употребляются в их прямом значении, почти не встречаются метафоры. К концу XIX века, начиная с М. Акъегет, З. Бигиева и других писателей, появляются произведения, в которых уже четко вырисовывается авторская позиция, все более эмоциональным, выразительным, насыщенным художественными образами становится язык прозы.

Начало второго периода в развитии татарской литературы И. Б. Баширова связывает с именем основоположника татарской психологической прозы — Фатиха Амирхана. Она пишет: «...Главная мысль произведения передается не прямо, а системой образов (персонаж, пейзаж, художественные приемы, изобразительные возможности слова и т. д.). Усложняется отображение отношения писателя к описываемому. Идея не формулируется прямолинейно. ...Язык литературного произведения превращается ... в слово-образ» (стр. 95—96).

Различия между двумя периодами в развитии татарской прозы автор показывает, анализируя язык произведений известных писателей — З. Бигиева, Ш. Мухаммедова, З. Хадн, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Ш. Камала, И. Гази и др. Удачно подобранные примеры позволяют раскрыть индивидуальную манеру каждого из писателей, проникнуть в их творческую лабораторию, проследить глубинный процесс превращения лексической единицы языка — слова — в

художественное средство выражения мысли. Так, для Ш. Камала характерны использование ассоциативных оттенков слова (стр. 57), концентрированное описание событий (стр. 63) и т. д. Повествование Г. Ибрагимова отличается широким использованием антитезы (стр. 63). Творчество И. Гази исследуется в тесной связи с характерным для него приемом — «непосредственно-прямой речью» (стр. 77—79).

Выводы автора достаточно обоснованы, однако исследование могло быть дополнено в следующих направлениях. На наш взгляд, период художественного изображения действительности в татарской прозе начался гораздо раньше указанного автором — еще до прозы Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Ш. Камала. Произведения Ш. Мухаммедова обладают всеми признаками второго периода, обозначенными автором работы. Следует также отметить, что не все произведения указанных писателей, относимых автором исследования ко второму периоду, могут считаться художественно полноценными. Первые литературные опыты Г. Ибрагимова, например, по своим художественно-изобразительным возможностям многим уступают произведениям названных И. Б. Башировой представителей первого периода татарской прозы. На формирование и развитие татарской прозы большое влияние оказали русская и западноевропейская проза, что обязательно должно быть учтено автором в дальнейшей работе над данной проблемой.

Рецензируемая книга И. Б. Башировой характеризуется системным анализом языка художественной литературы. Опыт этой работы может быть успешно использован в литературоведческих и языковедческих исследованиях на материале других тюркских языков, тем более, что тюркская проза имела много общих черт в начальный период своего становления, а татарская проза XX века, как известно, оказала влияние на формирование жанра прозы в ряде других тюркских литератур. В этом плане работа И. Б. Башировой представляет интерес для всех тюркологов-филологов.

Ф. С. Сафиуллина

Н. З. ГАДЖИЕВА. ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ АРЕАЛЫ КАВКАЗА

М., ИЗД-ВО «НАУКА», 1979, 264 стр.

Рецензируемая монография Н. З. Гаджиевой — первое капитальное исследование, в котором на основе сравнительно-исторического изучения фактического материала выявлены специфические особенности не только живых, но и некоторых исчезнувших тюркских языков Кавказа.

Данный труд включает четыре главы и заключение, обобщающее результаты исследования.

Первая глава «Характеристика изоглоссных явлений тюркских языков Кавказа» (стр. 11—131) посвящена фонетическим и морфологическим особенностям изучаемого тюркоязычного ареала.

При рассмотрении вокализма автором отмечаются такие его особенности, как веларизация, краткость и редукция гласных, неустойчивость фонемы *y*, частотность употребления пратюркского *ā* в начальном слове и ареалы его сужения (*ā > e > i*), значительная частотность случаев сужения *o > u*, *ō > y*, отчасти объясняющаяся перемещением ударения, отчетливое конвергентное оканье в северо-восточных азербайджанских диалектах, распространенность универсальной делябиализации, поддерживаемой локальной, непоследовательность небной гармонии, последовательность и некоторое своеобразие губной гармонии в одних диалектах и полное отсутствие ее в других.

Все отмеченные фонетические процессы Н. З. Гаджиева считает характерными для тюркских языков Кавказа и закономерно в них развившимися.

В области консонантизма в качестве изоглоссных выделены следующие явления: звонкость и глухость анлаута (*b > p*, *t > d*, *k > g*); спонантизация анлаутного *k > x*, опереднение и соноризация *k*; переход *k > č*, *g > ž*, аспирация согласных во всех диалектах азербайджанского языка; смычно-горланные согласные, встречающиеся в отдельных диалектах азербайджанского, кумыкского и карачаево-балкарского языков; широко представленная трансформация *k > x* в инлауте и ауслауте; *k > j* на конце слова в отдельных диалектах азербайджанского и турецкого языков; неустойчивость *y* и его корреспонденты в тюркских языках Кавказа; неустойчивость конечных *-n*, *-r*, особенно в карачаево-балкарском языке; характерность начального *j* для азербайджанского и кумыкского языков, *ž*, *ž*, *z* — для диалектов карачаево-балкарского языка и *ž*, *j* — для ногайского и крымско-татарского языков; дзеканье, зарегистрированное в отдельных диалектах азербайджанского языка; цоканье, универсальное в малкарском диалекте, последовательное в западных говорах азербайджанского языка, непоследовательное в холамо-бызынгийском говоре, спорадическое в некоторых тюркских языках; фонетический переход ранне-

тюркского *č* в *ž*, прослеживаемый во многих диалектах тюркских языков Прикаспия и Причерноморья; межзубный *z* в диалектах азербайджанского и туркменского языков; неравномерность распространения прогрессивной ассимиляции в тюркских языках Кавказа. Все эти изоглоссные явления раскрываются путем сравнительно-исторического анализа и синтеза обильного фактического материала на фоне данных тюркских, монгольских, индоевропейских и семитских языков.

Весьма существенны убедительные выводы автора о том, что каких-либо закономерностей в распределении глухого и звонкого анлаута в тюркских языках нет, что спонантизация *k > x*, соноризация *k > y* и опереднение *k > k'* представляют общую тенденцию упрощения увулярного *k*, что звук *y* часто либо изменялся в билабиальный *u*, или в неслоговой *i*, иногда и в *j*, либо же совсем исчезал, придавая долготу предшествующему гласному.

Любопытны и оригинальны выводы автора относительно неустойчивости конечных *-n*, *-r* в карачаево-балкарском языке. В связи с этим интересно отметить высказывание Махмуда Кашгари о том, что болгары, сувары и печенеги, места проживания которых граничат с Римом, говорят на тюркском языке, с усеченными в части слов окончаниями (МК, I, 66). Видимо, неустойчивость конечных *-n*, *-r* и усеченные формальные показатели, которые рассматриваются в последующих главах исследования, имеют прямую связь с фактами, отмеченными Махмудом Кашгари.

Существуют разные точки зрения относительно первичности или вторичности начальных *j*, *ž*, *ž*, *z*. Видимо, в этом вопросе еще рано делать какие-либо категорические выводы, ибо ряд генетически родственных анлаутных согласных может иметь и некоторые другие варианты. Весьма убедительным является вывод автора относительно имплицативной связи явлений дзеканья *>* зеканья и цоканья. Интересны наблюдения в области ассимиляции согласных.

Особое место в изоглоссных характеристиках явлений тюркских языков Кавказа занимают морфологические особенности. На основе тщательно подобранного материала рассмотрены отдельные ареалы тюркских языков, их генетические связи и структурно-семантические сдвиги морфологических изоглосс. К ним относятся формы глагола настоящего времени: общекипчакская на *-a*, *-ady*, функционирующая во всех языках ареала; на *-arar* — в диалектах азербайджанского языка; на *-adyr* и *-aturl/-dur*, характерные в основном для кумыкского и карачаево-балкарского языков, северных и восточных диалектов азербайджанского; миграционные *(-a)tan*, *-a + jatyr*, *-yr + jatyr*,

свойственные ногайскому языку; формы на *-y, -i, -u, -y, -yj, -ij, -aj, -ej*, распространенные главным образом в тюркских языках Прикаспия и Причерноморья, на *-ja, -jo, -ju, -jy, -jor, -jör, -er, -er, -ör, -or, -magda*, характерные для огузских языков. В качестве изоглоссных представлены формы будущего времени на *-ač, -až, -az, -čax, -či, -ži, -č, -ž*, употребляемые в азербайджанском, кумыкском, отчасти в турецком и крымско-татарском языках, на *-asy, -äsi, -as, -äs* — в огузских языках, форма прошедшего времени *-a + ädi*, распространенная в тюркских языках Северного Кавказа, а также на *-yüci, -yücan*, бытующие в карачаево-балкарском языке. Кроме того, изучены причастные показатели на *-gan, -aan, -ään, -an, -en* и деепричастные на *-yač, -žax, -ynža, -yünčy, -yp*, функционирующие в различных тюркских языках Кавказа. Весь этот материал создает целостную и в то же время весьма своеобразную изоглоссную картину глагольно-временных форм.

Интересен материал по личным окончаниям глагола. На Кавказе проходят четыре изоглоссы личных флексий 1-го лица единственного числа, два типа показателей 2-го лица единственного числа *-san, -syn*, три разновидности флексий для 1-го лица множественного числа: *-yk* — для огузских, *-yz* — для северокавказских тюркских, *-jyz* — для турецкого языков; три флексии для 2-го лица множественного числа: *-syz* — для азербайджанского и северокавказских тюркских языков, *-synyz* — для огузских языков, *-sayyz, -syüz* — для айрумского говора азербайджанского языка. Языковые материалы свидетельствуют о большой неустойчивости употребления личных окончаний в тюркских языках Кавказа, справедливо мотивирующейся прежде всего контактированием личных показателей изъяснительного и косвенного наклонений.

Особенность тюркских языков Кавказа отражают и изоглоссы форм желательного наклонения: *-a, -aj, -yaј*.

В разделе «Система падежей» описаны особенности окончаний винительного, дательного, направительного, орудийного и исходного падежей. Вне поля зрения исследователя осталось окончание продольного падежа на *-tyn, -yn, -ny*, характерное для карачаево-балкарского языка и менее развитое в кумыкском языке.

Во второй главе «Характеристика изоглоссных явлений в пограничных районах» (стр. 132—174) рассмотрены зоны родственных языков и их фонетические и морфологические особенности. К числу последних относятся редукция гласных, опереднение *y*, повышение удельного веса фонемы *ä* в силу ряда причин, ассимиляция *l ~ d ~ t*, неустойчивость конечного *-n*, функционирование некоторых временных, причастных, деепричастных форм и форм наклонений и т. д.

Особое место во второй главе отводится инновациям в тюркских и кавказских языках в зонах неродственных языков. К инно-

вациям в тюркских языках Кавказа, связанным с влиянием кавказских или персидского языков, относятся: высокий удельный вес фонемы *ä* в азербайджанском языке, нарушение гармонии гласных в диалектах азербайджанского и кумыкского языков, наличие фарингализованных гласных и аспирированных согласных в некоторых говорах азербайджанского языка, а также смычно-гортанных согласных в отдельных диалектах азербайджанского и кумыкского языков, наличие палатализованного *l'*, а также оппозитивные конструкции вместо инфинитивных, наблюдаемые в азербайджанских диалектах, возникшие под влиянием иранских языков, случаи изменения порядка слов.

К инновациям в кавказских языках, связанным с воздействием тюркских языков, относятся: уменьшение количества фарингальных в отдельных языках, возникновение в некоторых иберийско-кавказских языках переднеязычных *ä, ö, y* и умлаутированных *ä, ö, y*, наличие зачатков сингармонизма, появление лабиализованных согласных, дезаффрикатизация *dz*, ослабление заднеязычных согласных, случаи разрушения эргативной конструкции.

В третьей главе «Тюркоязычные ареалы Кавказа и проблема образования огузской и кыпчакской групп тюркских языков» (стр. 175—211) дан анализ богатого и разнообразного лингвистического материала, показана роль огузских и кыпчакских диалектов в развитии и становлении азербайджанского, турецкого, туркменского, узбекского языков, выделены огузские и кыпчакские признаки тюркоязычных письменных памятников начиная с XI века, а также огузо-кыпчакские черты саларского, якутского и чувашского языков, и на основе этих фактов рассмотрен вопрос об образовании огузских и кыпчакских языков. Довольно убедителен вывод Н. З. Гаджиевой о том, «что эпохе чистых огузских и кыпчакских языков предшествовало состояние с более смешанными чертами. Кыпчакские и огузские языки образовались не путем распада какого-то единого языка, а путем отставания тех или иных по преобладанию черт в определенных географических условиях. Отставанию черт предшествовали многочисленные и сложные процессы миграционного разнотона смешанных черт и распределения их по огромной территории от Енисея до Босфора» (стр. 204).

В заключительной главе «Исторические сведения о тюркских языках Кавказа» (стр. 212—246) автором сообщаются многочисленные исторические данные о тюркских языках Северного Кавказа, Предкавказья и Закавказья, почерпнутые из древних европейских и восточных источников, отмечается, что на Северном Кавказе и в Предкавказье с IV века нашей эры пребывали такие тюркские племена, как гунны, хазары, болгары, савиры, а в Закавказье с VI века — огузы. По мере возможности автор стремится выявить характерные признаки

языков этих древних народностей. Этот интересный и богатый материал по тюркским языкам Кавказа следовало бы дополнить и такими источниками, как «История Армении» Моисея Хоренского, в которой приведены фрагменты из более раннего источника, принадлежавшего перу сирийского историка III века нашей эры Мар-Абас-Котины, хорошо знавшего болгар и писавшего о переселении части болгар во II веке до нашей эры (127—114 гг. до нашей эры) с Северного Кавказа в Закавказье. Полагаем также, что термином «скиф» в древних источниках могли называться разноязычные племена: славяне, тюрки, финно-угры, монголы, иранцы. Так, например, в древнерусских летописях, во многих древнегреческих и древнеримских источниках тюркские племена, так же как и славяне, именуются скифами. Все это подтверждает мнение Н. З. Гаджиевой о том, что в начале нашей эры тюркоязычные племена прочно заселили отдельные районы Кавказа.

Большой интерес вызывает раздел четвертой главы «Ареальная лингвистика и проблема восстановления исчезнувших языков», в которой предлагается реконструкция системы глагольных времен хазарского языка. Материал, представленный по настоящему, настоящему-будущему, прошед-

шему временам, очень любопытен и требует своего дальнейшего изучения, уточнения, дополнения. Безусловно, важную роль в установлении глагольных форм хазарского языка могут сыграть материалы карачаево-балкарского, кумыкского, карaimского языков, а также рунические надписи Хумаринского городища Карачаево-Черкесии.

Убедительны выводы автора и по разделу «Результаты ареального исследования кавказского региона, подтверждающие факты языковой инфильтрации». Обращают на себя внимание предложенные автором «Приемы восстановления раннего тюркоязычного ареала Закавказья», позволяющие выявить на основе исторических памятников и языковых фактов тюркский ареал Закавказья и выдвинуть предположение о существовании двух типов огузского языка.

Рецензируемый капитальный труд Н. З. Гаджиевой «Тюркоязычные ареалы Кавказа» знаменует собой крупный шаг вперед в изучении языков и истории тюркоязычных народов Кавказа. Он, несомненно, послужит надежной основой для дальнейших творческих поисков в данном направлении.

А. А. Ахундов, М. А. Хабичев

В. И. РАССАДИН. МОРФОЛОГИЯ ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

М., ИЗД-ВО «НАУКА», 1978, 287 стр.

Саяно-Алтайское нагорье, как известно, было издавна населено многими племенами и этническими группами. Следы контактов и взаимосвязей между ними сохранились в языках современных народов, населяющих этот регион. Исследование данной проблемы в сравнительно-историческом плане может пролить определенный свет не только на лингвистические, но и на многие исторические вопросы.

Тофалары принадлежат к числу аборигенных народов данного края. Это один из самых малочисленных тюркских народов (по переписи 1970 года их насчитывалось всего 620 человек). Тофалары как и северные якуты, долганы и тувинцы-тоджинцы — оленеводы. В недавнем прошлом они вели кочевой образ жизни на северо-восточных склонах Саян. Близкими соседями тофаларов являются окинские (в Окинском аймаке Бурятской АССР проживает группа бурят, ведущая свое происхождение от тувинцев и называющая себя *сойот* ~ *хойот*) и нижнеудинские буряты, тувинцы-тод-

жинцы и русские, поселившиеся в г. Нижнеудинске и его окрестностях в XVII веке.

За свою многовековую историю тофалары вступали в контакты со многими народами, что не могло не оставить и оставило соответствующие следы в их языке.

До последнего времени среди тюркологов было распространено мнение, получившее отражение и в вузовских учебниках по тюркологии¹, что тофалары (или по старой терминологии карагасы) являются сколом тувинцев и их язык представляет собой лишь диалект тувинского языка. Историки и этнографы, изучавшие народы Сибири, основываясь на этой версии, на утверждении П. С. Палласа, что карагасы в XVIII веке говорили на самодийском языке, а также на том, что в XIX веке М. А. Кастрен застал их уже тюркоязычными.

¹ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 323.

ми, высказали предположение, что карагасы (тофалары) — это самодийцы по происхождению, воспринявшие свой современный тюркский язык на рубеже XVII—XVIII веков у тувинцев².

Таким образом, исследователям тофаларского языка предстояло выяснить, является ли он диалектом тувинского языка или это самостоятельный язык.

К сожалению, решить эту проблему было практически невозможно, так как данные по тофаларскому языку почти отсутствовали. Некоторые сведения о его грамматическом строе и лексике можно было почерпнуть лишь из работы М. А. Кастрена³, в которой дана одна неполная схема склонения и спряжения почти без примеров, а лексический материал (около 1000 слов) содержится в словарице, причем попеременно с койбалскими словами. Среди работ этнографического характера заслуживает упоминания статья Н. Кострова (Н. Костров. Карагасы. — «Иллюстрированная газета», СПб., 1871, № 43, стр. 685—868; № 44, стр. 698—699). Из других источников, содержащих информацию о тофаларском языке, следует указать исследование Н. Ф. Катанова⁴ о строе тувинского языка, в котором приведены образцы тофаларского устного народного творчества, записанные им в 1890 году и изданные В. В. Радловым⁵, а также очерк о тофаларском языке Н. П. Дыренковой, написанный ею в 1930-х годах, но опубликованный по ряду обстоятельств лишь в 1963 году⁶. Этим кратким перечнем исчерпываются работы о тофаларском языке, находившиеся в распоряжении тюркологов до недавнего времени (более подробный список литературы по изучению тофаларов дан В. И. Рассадным в его статье «Этнографическое и лингвистическое изучение тофаларов», опубликованной в «Тюркологическом сборнике. 1975», М., 1978, стр. 205—208).

К тому же эти три работы разделены промежутками времени примерно в пятьдесят

лет. Весьма показательно и то, что М. А. Кастрен и Н. П. Дыренкова дают почти однотипный в фонетическом отношении материал (например, *sehes* 'восемь', *ham* 'шаман', *bah* 'его голова', *ihi* 'два'), а Н. Ф. Катанов приводит соответственно: *sāgis*, *kam*, *paży*, *iči*, то есть формы, представляющие совершенно иной язык. Ряд ученых, имевших, по-видимому, в своем распоряжении более доступный материал Н. Ф. Катанова, основываясь на нем, причислил тофаларский язык к тувинскому.

Исторически так сложилось, что тофаларские и тувинские записи Н. Ф. Катанова значительно отличаются от аналогичных современных, поэтому они едва ли могут служить достаточным основанием для отнесения языка тофаларов к тувинскому диалекту. Вероятно, в данном случае вела в заблуждение именно слабая изученность обоих языков, особенно тофаларского. Углубленные исследования со всей очевидностью показывают, что оба языка хотя и близко родственны, однако исторически давно отделившись друг от друга, развивались самостоятельно. В настоящее время эти языки имеют значительные отличия, которые хорошо показаны В. И. Рассадным в его монографии, посвященной фонетике и лексике тофаларского языка⁷. Эта работа явилась результатом его многолетних и неустанных трудов по собиранию тофаларского лингвистического материала в местах расселения носителей этого языка и записанию им в фонетической транскрипции по системе Л. В. Щербы, уточненной В. М. Наделяевым применительно к языкам народов СССР. Монография В. И. Рассадина подробно знакомит со звуковым строем современного тофаларского языка, с закономерностями поведения звуков в потоке речи и механизмом чередования некоторых консонантов, связанных с фарингализацией гласных. В. И. Рассадину удалось установить, что материалы, приведенные Н. Ф. Катановым, искажают подлинную картину звукового строя тофаларского языка, которая гораздо точнее отражена М. А. Кастреном и Н. П. Дыренковой. Это очень важный вывод, заслуживающий внимания исследователей, занимающихся сравнительно-историческим изучением фонетики тюркских языков.

Благодаря этой работе В. И. Рассадина стал известен и лексический состав тофаларского языка. В монографии рассмотрены полисемия в тофаларском языке — синонимы, омонимы, антонимы, табу и эвфемизмы, а также лексические соответствия в тофаларском и в других тюркских и нетюркских языках. Поскольку эта монография уже

² Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 227.

³ М. А. Castren. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises. Hrsg. von A. Schiefner. S.-Pb., 1857.

⁴ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

⁵ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты и перевод. СПб., 1907, ч. IX.

⁶ Н. П. Дыренкова. Тофаларский язык. — В кн.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 5—23.

⁷ В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

получила отзывы в печати⁸, нет необходимости останавливаться на ней подробно.

Рецензируемая монография В. И. Рассадина «Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении» содержит обстоятельное описание всех знаменательных и служебных частей речи современного тофаларского языка, их формо- и словообразования (как аффиксального, так и неаффиксального) и словоизменения. Широкое привлечение сравнительного материала из других древних и современных тюркских языков позволило автору выявить и на морфологическом уровне общетюркские, локалотюркские, архаичные и специфические особенности тофаларского языка.

Все выводы автор подкрепляет подробными сводными сравнительными таблицами. При подаче материала В. И. Рассадина пользуется практической транскрипцией, разработанной им на основе русского алфавита с использованием специальных буквенных знаков из других тюркских языков СССР, для обозначения специфических тофаларских звуков *ø, ʏ, ə, ɳ, h*, что позволяет сделать тофаларский языковой материал доступным широкому кругу лингвистов.

Сравнительный анализ материала тофаларского языка показал, что в целом этот язык представляет собою общетюркский тип языка. Отклонения от него вызваны развитием ряда форм как в самом тофаларском языке, так и в отдельной локальной группе. Такой группой оказались языки тюрков Саяно-Алтая — тофаларов, тувинцев, хакасов, шорцев, алтайцев. Хотя все они отнесены к разным классификационным группам и подгруппам, между ними имеется множество объединяющих их черт не только в фонетике и лексике, но и в морфологии. Это единство, по-видимому, результат распространения в древнетюркскую эпоху каких-то древних тюркских языков среди местных племен угров, самодийцев, кетов.

Тофаларский язык, как считает В. И. Рассадина, занимает среди этих языков самостоятельное место. Грамматические особенности этого языка сближают его со всеми тюркскими языками и в то же время в нем имеются отдельные специфические черты, роднящие его то с одним, то с другим из них. Очень часты в нем аналогии либо с тувинским языком, либо (в большинстве случаев) с хакасским. Таким образом, тофаларский язык в известной мере оказыва-

ется промежуточным между тувинским и хакасским языками.

Так, например, в системе склонения в тофаларском языке развиты продольный падеж типа хакасского (аффикс *-ша*); система разделительных числительных совпадает с хакасской (аффиксы *-ар, -лар; -арны, -ларны*); как и в хакасском языке активен аффикс *-чжан*, образующий прилагательные от глаголов (в хакасском и шорском языках он превратился в причастный аффикс, в тувинском его нет); продуктивным является отглагольное наречие на *-ды*.

С тувинским тофаларский язык сближается: деепричастие на *-пышаанга* (тувинское *-пышаан*), представленное только в этих двух языках; ряд именных послелогов, частиц, союзов (в обоих языках это реликты древнетюркского); оформление сослагательного наклонения (причастие будущего времени на *-ар+шик* — связка, восходящая к форме на *-йук* от архаичного глагола *-эр* 'быть'). Условное наклонение в тофаларском языке образуется относительно с западными тувинскими говорами при помощи аналитического сочетания формы прошедшего времени на *-ды* со служебным словом *эрсэ* (в тувинском *изе*). Совпадает словообразовательный именной аффикс *-ышкын*, характерный для этих двух языков, а также реликты древних местоименных глаголов *канча* 'как делать', *мынча* и *ынча* 'так делать'. Только здесь сохранилась древняя форма субъективной модальности желания, намерения совершить действие с показателем *-кса*. Это сходство возникло в основном за счет сохранения более древних форм, утраченных другими тюркскими языками. Сохранение формы древнеуйгурского прошедшего времени с показателем *-йук* объединяет тофаларский, хакасский и тувинский языки. Следы аффикса *-йук, -суk, -һык* имеются и в якутском языке.

Специфически тофаларскими, выделяющими и обособляющими его среди языков Саяно-Алтая, являются следующие грамматические черты: аффикс относительного прилагательного *-кыры*; аффикс отглагольного прилагательного *-глыг*, напоминающего русское страдательное причастие; сохранение у числительных всей архаичной системы десятков (например: *иһён* 'двадцать', *учжен* 'тридцать'), представленной только в языке желтых уйгуров; наличие аффикса порядкового числительного *-ышкы*. Тофаларская форма причастия настоящего времени *-у/-ы*, развившаяся, по-видимому, из древнего форманта *-ур/-ыр*, имеется в чумыско-тюркском и в диалектах азербайджанского языка. Специфичен вспомогательный глагол *гайын*, используемый для образования видовых форм учащенной ритмичности от всех типов глаголов. Наличие двух систем видовых форм глаголов (общетюркской и монгольской), служебных слов *эрин* 'хотя', *эмеһдэ* 'пока не', *эрсэ* 'если' (архаичные формы глагола от **эр-*),

⁸ См. рецензии: Н. И. Лetyагина, Д. М. Насилов. — «Вопросы языкознания», 1973, № 3; Б. И. Татаринцев. — «Советская тюркология», 1973, № 1; Г. К. Вернер. — «Народы Азии и Африки», 1973, № 3; Kara Gy. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», XXVII (2), Budapest, 1973; G. Doerfer. — «Ural-Altaische Jahrbücher», 45, Wiesbaden, 1973; P. Poucha. — «Orientalistische Literaturzeitung», № 1, Leipzig, 1980.

формы желательного наклонения *-сиз* — также специфично для тофаларского языка.

Автор отмечает, что в тофаларском языке отсутствует форма прошедшего времени на *-ыптыр*, нет причастий на *-кала*, *-гадаг/-гадый*, деепричастия предела на *-кала*, характерных для всех остальных тюркских языков Саяно-Алтая. Форма на *-гадаг* сохраняется в тофаларском и в тувинском языках в более архаичном облике *-гы дэг*, но в тувинском языке это причастие, а в тофаларском — модальная форма объективной необходимости совершить действие, например: *баргы дэг болган* 'надо было бы пойти'.

В то же время в тофаларском языке обнаружился ряд черт, объединяющих его с якутским языком: наличие особого частного падежа с аффиксом *-да*, оформление аккузатива в посессивном склонении показателем *-ын* (как и в древнетюркском языке), общий аффикс уподобительного прилагательного *-сыңгы* (в якутском *-тыңы*). В основном одинакова система видовых форм образных и звукоподражательных глаголов (заимствованная этими языками из монгольского) и применительно к глаголам действия-состояния. Все это отсутствует и в хакасском, и в тувинском языках.

Система времен глагола ближе всего к кыпчакско-киргизско-уйгурской, для которой также характерно широкое использование вспомогательных глаголов *тур-*, *чору-*, *олур-*, *чытыр-*, формы причастия прошедшего времени на *-ган*. Научный интерес представляет тофаларская фонетика, обна-

руживающая огузские черты, переплетенные с кетским субстратом.

Таким образом, морфология, фонетика и лексика тофаларского языка свидетельствуют о том, что это самостоятельный тюркский язык, входящий в локальную группу языков Саяно-Алтая. Как явствует из самих языковых фактов, нет никаких оснований считать тофаларский язык диалектом тувинского. Схождений в фонетике, лексике и морфологии (кроме общетюркских черт, разумеется) между этими языками гораздо меньше, нежели расхождений.

В. И. Рассадину на большом фактическом материале удалось решить две важные проблемы: 1) обстоятельно со всеми нюансами рассмотреть звуковой, грамматический и лексический строй малоизвестного тюркского языка; 2) основываясь на фактах фонетики, морфологии и лексики, убедительно доказать самостоятельность тофаларского языка.

Рецензируемая работа является новым словом в тюркологии и может служить надежным источником для продолжения сравнительно-исторических исследований в данной области.

Тюркологи вправе ожидать от В. И. Рассадина, собравшего столь богатый и уникальный материал, дальнейших разработок в области фразеологии и синтаксиса тофаларского языка, публикации словарных материалов и текстов.

Г. Г. Фисакова

О. Т. МОЛЧАНОВА. ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ГОРНОГО АЛТАЯ

ГОРНО-АЛТАЙСК, 1979, 398 стр. и карты

Хозяйственно-культурная деятельность человека изменяет не только земную поверхность и находящиеся на ней различные объекты, но нередко и названия местностей. В результате многие названия, хранящие в себе ценную историко-культурную информацию, часто безвозвратно исчезают или изменяются настолько, что утрачивают свою информативность. Поэтому сбор и точная фиксация топонимов становятся актуальной задачей лингвистов, географов и историков.

В последние годы тюркская ономастика обогатилась несколькими топонимическими словарями¹, к числу наиболее удачных из

них относится рецензируемый «Топонимический словарь Горного Алтая», составленный О. Т. Молчановой и изданный под редакцией А. Т. Тыбыковой. В него включено в общей сложности более 5400 названий (около трех тысяч словарных статей), в том числе много собранных автором. Таким образом, словарь является ценным источником по топонимии указанного региона.

Словарю предпослано краткое введение, где представлена стратиграфия топонимии Горно-Алтайской автономной области, раскрыта структура словаря.

Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974; С. Багдарын. Вечные названия. Якутск, 1979; С. Атаниязов. Топонимический словарь Туркмени. Ашхабад, 1980; А. А. Камалов, З. Г. Ураксин, Р. З. Шакуров, М. Ф. Хисматов. Топонимический словарь Башкирии. Уфа, 1980.

¹ «Азәрбајжан ССР-ин izaһлы чоғрафи адлар лугәти». Бақы, 1960; Г. К. Конкашпаев. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата, 1963; Дж. Н. Коков, С. О. Шахмураев. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970; Е. Койчубаев.

Значительную часть словаря (стр. 15—111) составляет перечень географических апеллятивов и некоторых основных слов, встречающихся в топонимии Горно-Алтайской автономной области. Причем это не простой перечень, а результат сравнительного исследования, отчасти и этимологизации, более чем ста апеллятивов, что представляет собой фактически ключ к словарю. Основную часть перечня составляют орфографические и гидрографические термины, большинство которых является общим для тюркских и монгольских языков: *айры*, *арал*, *арка*, *баш*, *бел*, *булак*, *язы*, *ялан*, *көл*, *сай*, *су* и др.

Ряд апеллятивов выводится составителем за пределы тюркских языков и правомерно соотносится с данными языков народов Сибири, проживающих на сопредельных территориях. Таковы, например, термины *кожого* 'приток реки или русло весенней реки' (стр. 65); *куйур* 'солонцовый грунт земли, солончак, солонец; солончаковый' (стр. 71), *орой* 'вихор, верх, темя' (стр. 82) и др. Часть апеллятивов — общеалтайские, значительное число их относится к тюрко-монгольскому и тюркскому пласту. Весьма любопытную и убедительную, на наш взгляд, точку зрения высказывает составитель относительно локализации топонимов со словом *ю*, считая центром его появления Хакасию. Обширный материал собран по топонимии с формантом *кем/хем*, хотя его происхождение автор считает пока еще не выясненным и требующим дальнейшего изучения. В конце списка приведены результаты частотного анализа основных апеллятивов, употребление которых находится в диапазоне от единичных случаев до ста и более.

Словарные статьи (стр. 112—358) построены по общепринятой системе. Все названия расположены в алфавитном порядке, а в самой статье даются алтайское и — в скобках — русское написание топонима: *Абачак (Абучак)*, *Ярлу (Ярлу)*, *Кулады (Кулада)* и т. д. Однако этот принцип последовательно не выдержан. Некоторые алтайские названия не даны в русском написании: *Яр-Бажы* (стр. 178), *Кызыл-Шил* (стр. 265), *Тоскур* (стр. 312) и т. д. Это касается не только названий микрообъектов, но и некоторых названий населенных пунктов, гор и рек, что в определенной степени снижает нормативное назначение словаря.

Ряд названий на русском языке дан в нескольких вариантах: *Тарык (Тярык, Ярык, Чарык, Ырык)* (стр. 179) и др. Составитель объясняет это тем, что названия взяты из разных источников. Нам кажется целесообразным в подобных случаях предлагать рекомендуемый вариант написания топонима.

Словарные статьи содержат широкую информацию о топониме: определяется вид названия, указывается его адрес (местонахождение), раскрывается значение слов, составляющих то или иное название, выясняется словообразовательная структура топо-

нима. В некоторых случаях приводятся лексические параллели из различных языков (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских). См., например, словарные статьи на *Аба*, *Коргон*, *Мбон* и многие другие, снабженные богатым сравнительным материалом.

Составитель использовала не только лингвистическую, но и географическую и историческую литературу. Некоторые названия сопровождаются выдержками из записей путешественников, цитатами из исследований историков и краеведов (список источников, состоящий из 258 названий, дан в приложении).

Славянскую топонимию Алтая, как нам кажется, следовало бы включить в корпус словаря, несмотря на то, что составитель указывает в предисловии на ее недостаточную изученность. Состав названий любого региона постоянно изменяется, поэтому его фиксация в картотеках и публикации в словарях имеют первостепенное значение.

Составление подобных региональных топонимических словарей позволит в будущем приступить к подготовке атласа тюркской топонимии. О перспективности и научной значимости подобной работы свидетельствуют приложенные к рецензируемому словарю шесть карт с изображением некоторых тюрко-монгольских топонимов.

Топонимические словари имеют свои особенности, в них трудно (да и не всегда возможно) придерживаться строгих принципов подачи материала. Так, например, размещение макро- и микротопонимии в словаре в одном ряду требует совмещения разных принципов построения словарной статьи. При раскрытии значений топонимов также приходится применять разные приемы. Составитель рецензируемого словаря переводит значения географических терминов, дает толкование некоторым из них, иногда — буквальный перевод словосочетания.

Анализ материалов словаря показывает, что некоторые топонимы Горного Алтая составляют общий ареал с географическими названиями Башкирии. Можно сослаться лишь на один пример. В современной топонимии Башкирской АССР имеется до трех десятков названий (рек, гор, деревень) с топонимом *мана*, широко распространенным и на Алтае (*Айу-Манаг*, стр. 121; *Мана-Тук*, *Манакай*, *Мана-Кукур*, стр. 260—261 и др.). Этот топоним представлен в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. На территорию Башкирии, возможно, он занесен монголами, потому что сам апеллятив в башкирском языке не сохранился или вообще не существовал. Можно привести целый ряд таких примеров. Наблюдается совпадение значений башкирской народно-разговорной терминологии и топонимических названий Алтая, в составе которых они выступают: *Ак-Бийик* 'белая, чистая высота', *Ак-Юра* 'белый, чистый ров', *Ак-Кырлан* 'белый, чистый хребет'; *Токлюк* 'корот-

кий ручей' и т. п. От термина *тукмак* в значении «куций, короткий» в топонимии Башкирии также образованы десятки названий рек и ручейков.

В целом «Топонимический словарь Горного Алтая» является большой удачей

О. Т. Молчановой, давно и плодотворно занимающейся топонимией Сибири, серьезным вкладом в тюркскую топонимию.

З. Г. Ураксин

« KASANTATARISCHE VOLKSLIEDER »

AUF GRUND DER SAMMLUNG VON IGNÁC KUNOS HERAUSGEGEBEN
VON ZSUZSA KAKUK. BUDAPEST, 1980, 142 стр.

Зарубежная тюркская фольклористика пополнилась венгерским изданием собрания казанско-татарских народных песен «Казанско-татарские народные песни. Изданные Жужей Какук на основе собрания Игнатия Куноша». Этот сборник песен опубликован в серии «Библиотеки венгерской Академии Наук. Восточные исследования» известным тюркологом Жужей Какук, продолжающей дело своего учителя академика Ю. Немета.

Новый тюркологический труд Ж. Какук свидетельствует об успешном развитии одного из традиционных направлений венгерской тюркологии — систематического изучения тюркских памятников и текстов различного жанра. Значительные результаты, полученные в этой области учеными Венгрии, представляют несомненный интерес для советской и мировой тюркологии¹.

Рецензируемый сборник, написанный на немецком языке, включает: «Предисловие» (стр. 5—8), основной раздел «Песни» (стр. 9—102), «Примечания» (стр. 103—126) и «Иллюстрации» (стр. 127—139).

В «Предисловии» дается информация об истории собрания различных фольклорных и этнографических материалов, приводятся сведения о языке, быте и обычаях тюркских народов нашей страны. Наиболее интенсивные тюркологические исследования начались в Австро-Венгрии с периода первой мировой войны. Именно в это время некоторые ученые приступили к сбору языковых и фольклорных материалов среди военнопленных из тюркских народов России. В итоге ими был собран и обработан интересный материал о народной музыке, этнографии, особенностях разговорного языка казанских и крымских татар, башкир, калмыков, ногайцев, туркмен. Так, Ж. Какук приводит данные о работе Р. Лаха (R. Lach), собравшего богатые песенные тексты различных тюркских народов России; пишет о татарских текстах в собрании Г. Вейля (G. Veil) и других публикациях.

Аналогичное обследование проводил в 1915—1918 гг. и венгерский тюрколог И. Кунош. Ученый оставил в своем архиве около 1200 листов записей, приобретенных в 1951 году Венгерской Академией Наук. Эти материалы снабжены переводами на венгерский и частично на турецкий язык. Ж. Какук тщательно изучила фольклорные записи И. Куноша, подвергнув их значительной текстологической обработке. Согласно ее утверждению, большая часть этих материалов еще не издавалась. В рецензируемый первый том Ж. Какук отобрала только казанско-татарские песни. По своей структурной организации они представляют собой самостоятельные четырехстрочные стихотворения.

В том включено 634 подобных стихов-песен. В издании сохраняется последовательность их расположения, принятая И. Куношем. По данным проведенного Ж. Какук текстологического исследования, И. Кунош записывал песни от носителей различных диалектов. Об этом свидетельствуют такие различия в их текстах, как: *zürek—jürek* 'сердце', *čeček — česek — sešek — češke — česke* 'цветок'.

Фонетическая запись песен, сделанная И. Куношем, в достаточной мере удовлетворяет современным требованиям. Ж. Какук пришлось исправить лишь явные неточности. Одновременно ею дается пояснение ко всем гласным в текстах И. Куноша в соответствии с их фонетическим статусом и транскрипционным написанием.

Подготовленное Ж. Какук издание песен снабжено подробным комментарием. Каждый песенный текст сопровождается переводом на немецкий язык. Все элементы текстов, получившие отдельное толкование, вынесены в раздел «Комментарий». В комментариях проводятся сопоставления текстов с татарским литературным языком; иногда указываются немецкие и венгерские параллели. Большая точность в интерпретации того или иного элемента (слова, конструкции и т. п.) достигается посредством обращения к близким эквивалентам из турецкого и монгольского языков. Особый интерес в комментариях представляют страноведческие данные (топонимы, реалии). Ср.: комментарий: *kaban küli östöndü* «auf dem Kaban-See (ан-

¹ См., например, рецензию на изданную на французском языке книгу Ж. Какук «Разыскания по истории османского языка XVI и XVII вв. Османские элементы венгерского языка»: А. Н. Кононов. — «Вопросы языкознания». М., 1975, № 1, стр. 135—139.

der Stadt Kasan)» 'на озере Кабан (у города Казань)' (стр. 121) и т. п.

Некоторые интерпретации, очевидно, будут в дальнейшем уточняться. Так, в текстах песен выражение *Ak-idil* переводится И. Куношем в значении «Волга», в то же время *Ak-idel* означает еще и «реку Белую» (стр. 107).

Особое внимание Ж. Какук уделяет объяснению тех мест в песнях, которые не были переведены И. Куношем.

Лексика и фразеология песен подробно комментируется. Семантизация этого материала характеризуется широким набором оттенков значений, обязательным раскрытием случаев многозначности. Здесь приво-

дится многообразный лексический материал, поясняется заимствованная и архаичная лексика, ср.: «*üjezge*» — *öjäs* (русс. «уезд») (стр. 12, 106), переводятся устойчивые разговорные формулы (ср.: *sau bul! isän bul!* — «Будь здоров!», «До свидания!», «Прощай!») и терминологические словосочетания.

Таким образом, рецензируемый труд по тюркологии, посвященный казанско-татарскому песенному творчеству начала XX века, вводит в научный обиход богатый материал, представляющий интерес для фольклористов, этнографов и диалектологов.

А. М. Бушуй

«ПАРЕМИОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА»

ВЫПУСК II. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПО ПАРЕМИОЛОГИИ.

СОСТАВИТЕЛИ А. М. БУШУЙ, Р. Х. САЛИМОВА, Ф. Б. ИНОЯТОВА,

Е. МИЗАРБАЕВА, И. КАРИМОВ. ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. М. БУШУЙ.
САМАРҚАНД, 1980, 114 стр.

Самаркандским государственным педагогическим институтом имени С. Айни издан второй выпуск библиографического указателя по паремиологии Узбекистана, являющийся продолжением предыдущего¹, на который был написан ряд рецензий². Впервые в тюркской фольклористике осуществляется систематизация библиографических данных о каракалпакских, узбекских, татарских источниках по истории изучения и собирания в Узбекистане паремий — пословиц, поговорок, афоризмов, загадок, а также песен, частушек, анекдотов, дастанов и произведений других жанров узбекского и каракалпакского фольклора.

В книге изложена методика сбора сведений о каракалпакских пословицах, поговорках и загадках. В качестве источников паремий использовано значительное число произведений каракалпакской художественной литературы. Это — роман «На берегу Аму-Дарьи», пьесы «Бердак» и «Айгул-Абат» Жалмурзы Аймурзаева, роман Асана Бегимова «Дочь рыбака» и др.

В рецензируемом втором выпуске «Паремиологии Узбекистана» приняты во внима-

ние и фольклорные элементы, характерные для произведений народных певцов. Так, при анализе одной из работ особое внимание уделено особенностям поэтического стиля талантливого народного певца Каракалпакии Аялбергена Мусаева (1880 — 1936), автора поэмы «Ленин». Немало старинных пословиц и поговорок записал со слов А. Мусаева неутомимый собиратель каракалпакского фольклора К. Аимбетов в 1929 году (стр. 4 — 10).

В выпуске приведены результаты статистической обработки обширного материала о паремиях. В описанных источниках (монографиях, сборниках пословиц и загадок, архивных документах) читатель найдет полные количественные данные о тех или иных пословицах, поговорках и других единицах паремийных и фольклорных жанров. Так, например, в двух томах исследования К. Максетова «Каракалпакский фольклор» (Нукус, 1978) исследуются 2800 пословиц и поговорок, более 2000 загадок.

«Паремиология Узбекистана» представляет большой интерес для этнографов. Здесь, кроме характеристики и объяснения отдельных паремий, приводится описание народных обрядов каракалпаков, а также сделан экскурс в историю развития их фольклора.

В книге собран богатый материал о некоторых специфических жанрах тюркского и каракалпакского фольклора, таких, например, как *толгау* — древняя стихотворная форма со свободной рифмовкой; *жоклау* — причитания; *терме* — небольшие устные

¹ А. М. Бушуй, Р. Х. Салимова, Р. Саттаров. Паремология Узбекистана. Библиографический указатель литературы по паремологии. Выпуск I. Самарканд, 1978, 208 стр.

² См.: В. М. Мокиенко. — В журн. «Советская тюркология», 1978, № 5, стр. 100—102; Б. Юлдашев. — В журн. «Советская библиография», 1978, № 6, стр. 86 и др.

произведения, состоящие из цикла рифмованных афоризмов, пословиц и поговорок.

Значительное внимание в выпуске уделяется вопросам перевода пословиц и поговорок. Подробно анализируются многочисленные примеры перевода на каракалпакский язык образцов фольклора русского, узбекского и других братских народов нашей страны.

Выпуск содержит также информацию о разносторонней деятельности ряда писателей и ученых прошлого. Так, например, приводятся сведения об опубликованных в Каракалпакии изречениях сирийского поэта, прозаика, филолога, философа XIII века Абуль-Фараджа — автора «Книги знаменательных историй».

Впервые в выпуске приводятся результаты работы ряда фольклорных экспедиций, а также сведения о собирателях каракалпакского и узбекского фольклора.

Интересны приведенные авторами издания данные о народных певцах. Так, репертуар народного сказителя Курбанбая Таджибаева отличался исключительным разнообразием — он исполнял более двадцати дастанов, множество народных песен, сказок, пословиц, и поговорок. С его слов каракалпакские фольклористы записали дастаны «Ширин-Шекер», «Курбанбек», «Пре-

дание о Гульдурсун», «Балтакей-батыр», «Сорок девушек», «Алпамыс» и др. Дастаны в обработке К. Таджибаева изобилуют пословицами и поговорками, придающими яркую афористичность стилю произведений. Так, например, в дастане «Сорок девушек» имеются такие афоризмы: «Чем позволить пленить народ, чем жить без родины, лучше погибнуть», «Нет батыра без родины, нет батыра без родной земли» и др.

В рецензируемом выпуске говорится о взаимном обмене паремийными богатствами между народами Востока. Сообщается, например, что Бердах переводил на каракалпакский язык произведения Омара Хайяма, Махтумкули, Алишера Навои и Физули, учась у них мастерству стиха. Фразеология и фольклорные образы Махтумкули нашли отражение в творчестве каракалпакского поэта Аджиннияза.

Второй выпуск «Паремнологии Узбекистана», посвященный тюркскому фольклору, включает богатый фактический материал, содержит интересные теоретические выводы. С ним с пользой для себя ознакомятся не только фольклористы, но и историки языка, этнографы, лексикологи.

Б. Юлдашев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА А. Н. САМОЙЛОВИЧА

26 декабря 1980 года состоялось расширенное заседание ученого совета Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР, посвященное 100-летию со дня рождения академика Александра Николаевича Самойловича.

Заседание открыл вступительным словом директор института, *Б. Ч. Чарьяров*. В большом научном наследии А. Н. Самойловича, сказал он, значительное место занимают исследования языка фольклора, литературы, быта тюркоязычных народов Крыма, Поволжья, Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Казахстана, Алтая и других районов Советского Союза. Однако свою научную деятельность А. Н. Самойлович начинал как туркменовед. Он является автором первого очерка истории туркменской литературы, целого ряда статей, посвященных творчеству туркменских поэтов XVIII—XIX веков. Благодаря замечательным работам А. Н. Самойловича история туркменского языка, литературы и фольклора стала достоянием отечественного и мирового востоковедения.

С докладом о жизни и научной деятельности академика А. Н. Самойловича выступил заведующий сектором теории и литературной критики института *Д. Нуралиев*. Подробно остановившись на периоде учебы А. Н. Самойловича в Петербургском университете, формировании его научных интересов, докладчик подчеркнул, что будущий ученый свою дипломную работу по совету П. М. Мелиоранского посвятил теме «Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта». Вся последующая научная деятельность А. Н. Самойловича была связана с тюркологией и прежде всего с туркменоведением.

Докладчик отметил, что исследования А. Н. Самойловича по туркменской литературе охватывают период с древнейших времен до современности. Особенно много сделал ученый для изучения творческого наследия Доулет-Мамеда Азади — отца Махтумкули и самого Махтумкули, а также Зе-

лили, Молланепеса и других представителей туркменской литературы XVIII—XIX веков. Около ста туркменских поэтов, неизвестных до того науке, открыл ученый. Значительное место в исследованиях А. Н. Самойловича заняло изучение туркменской литературы советского периода.

В докладе подчеркивалось, что научное наследие А. Н. Самойловича широко используется и сегодня при исследовании крупных проблем туркменского языкознания и литературоведения.

С докладом «У истоков туркменского языкознания», подготовленным совместно с *П. А. Азимовым*, выступил *Б. Ч. Чарьяров*. В докладе была дана периодизация научной деятельности А. Н. Самойловича, освещена его роль в развитии туркменского языкознания в советское время. Докладчики отметили большой вклад А. Н. Самойловича в подготовку и проведение Первого лингвистического съезда в Туркменистане в 1936 году, где ученый выступил с докладом «Историческое развитие туркменского литературного языка». Исключительно велики заслуги А. Н. Самойловича в осуществлении одного из важнейших по своему научному и культурному значению мероприятий — перевода письменности тюркоязычных народов нашей страны на латинский алфавит.

Большой интерес вызвал доклад *З. Б. Мухамедовой* «Публикация А. Н. Самойловичем источников для истории туркменского языка». Докладчик указала, что уже в 1914 году А. Н. Самойлович опубликовал свыше пятидесяти научных статей по вопросам языка, фольклора, этнографии, литературы тюркских народов, причем половину из них по туркменоведению. Наиболее крупной публикацией этого периода является «Книга рассказов о битвах текинцев» — поэмы Абду-с-Саттара Кази. В докладе было уделено значительное внимание работам А. Н. Самойловича о великом туркменском поэте Махтумкули.

Выступивший на заседании директор Центральной научной библиотеки *А. Язбер-*

дыве на основе новых данных охарактеризовал деятельность А. Н. Самойловича по изучению книгохранилищ и книгопечатен Средней Азии. История книгоиздательского и библиотечного дела дореволюционной Средней Азии до сих пор изучена недостаточно, отметил докладчик, поэтому сведения, сообщенные А. Н. Самойловичем по данному вопросу, имеют важное значение. Особенно ценными являются обнаруженные им данные о первой литографической книге Средней Азии, изданной в 1874 году. Этот факт до последнего времени оставался неизвестным специалистам-книговедам страны.

С докладом «А. Н. Самойлович о текинском диалекте» выступил заведующий сектором истории и диалектологии туркменского языка А. Аннануров. Дипломная работа А. Н. Самойловича «Опыт лингвистического исследования туркменского диалекта», сказал он, является одной из первых и удачных попыток изучения текинского диалекта туркменского языка, первого из его диалектов, ставшего объектом исследования в истории тюркологии. В этой работе молодым ученым характеризуются фонетические, морфологические и лексические особенности текинского диалекта. Образцы текстов из текинского диалекта и текинско-русский словарь в фонетической транскрипции, снабженный переводами, приведенный в конце работы, представляют собой ценнейший материал для изучения особенностей туркменского языка.

Теме «Академик А. Н. Самойлович — председатель Туркменской комиссии Академии наук СССР» посвятила свой доклад за-

ведующая сектором истории науки Туркменистана Института истории им. Ш. Батырова Академии наук В. А. Говорухина. На основе новых архивных материалов докладчик показала огромную роль А. Н. Самойловича как организатора и руководителя первой в истории туркменского народа научной комиссии Академии наук СССР, созданной по ходатайству правительства Туркменистана, Президиумом Академии наук СССР. Комиссия систематически занималась проблемами широкого изучения и использования природных богатств Туркменистана, практическими задачами, выдвигавшимися в процессе развития экономики республики. Именно эта комиссия явилась инициатором проведения Первой научной конференции Академии наук СССР по изучению производительных сил Туркменистана, которая состоялась в декабре 1933 года в Ленинграде.

А. Джикиев выступил с докладом «А. Н. Самойлович об этнографии Туркмении», в котором на основе неизданных и малоизвестных историко-этнографических записей, хранящихся в личном архиве А. Н. Самойловича в Ленинграде, и его опубликованных работ показал значительные заслуги ученого в изучении туркменской этнографии.

С библиографией научных работ академика А. Н. Самойловича ознакомил присутствующих редактор издательства «Туркменистан» А. Моллаев.

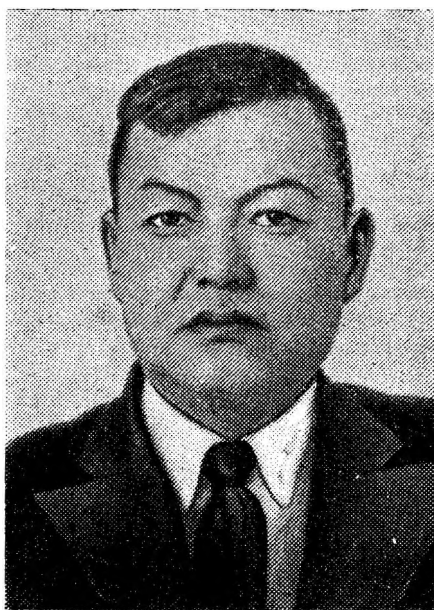
Ученый совет постановил опубликовать материалы заседания.

В. А. Говорухина, Д. Нуралиев

PERSONALIA

УРУНБЕК НУРЖАНОВИЧ КОЖУРОВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Урунбек Нуржанович Кожуров принадлежит к числу первых деятелей каракалпакской советской национальной культуры.

Уже к моменту национального размежевания республик Средней Азии и создания Каракалпакской автономной области, а затем Каракалпакской Автономной Советской Социалистической Республики, в низовьях Амударьи сформировался коллектив деятелей каракалпакской национальной культуры, к наиболее видным из которых принадлежал Урунбек Кожуров.

У. Н. Кожуров родился в 1910 году в семье переводчика канцелярии Амударьинского отдела Сырдарьинской области Нуржана Кожурова, умершего в том же году. Мальчика воспитал его дядя Иржан Кожуров — народный учитель Шураханского русско-туземного училища. После револю-

ции русско-туземная школа была преобразована в советскую среднюю школу, по окончании которой в 1924 году У. Н. Кожуров вместе с первой партией молодежи из Каракалпакии поехал в Ташкент для поступления в специальное учебное заведение.

В 1930 году У. Н. Кожуров окончил политехникум водного хозяйства Средней Азии и был откомандирован в Каракалпакскую область в качестве гидротехника первого разряда для работы по специальности.

Молодой гидротехник проявлял большой интерес к вопросам литературы и разработки основ каракалпакского литературного языка, его алфавита, орфографии, терминологии, грамматических и лексических норм.

Хорошо владея русским языком, У. Н. Кожуров переходит на работу в областную газету «Кызыл Каракалпакстан» и овладевает здесь новой, ставшей со временем для него основной областью деятельности — профессией писателя, журналиста и переводчика. Вскоре он становится ответственным редактором газеты.

Начав свою деятельность в качестве переводчика классиков марксизма-ленинизма и крупнейших представителей русской и советской литературы — Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького, В. Г. Белинского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. Вишневского, А. Толстого, В. Катаева, У. Н. Кожуров переходит к систематическому изучению каракалпакской литературы и фольклора.

Много сил и таланта отдал У. Н. Кожуров совместно с известным филологом Калли Аимбетовым научно-исследовательской работе в области издания произведений классиков каракалпакской литературы: Бердаха, Кунходжи, Ажинияза, Утеша, Омара, Аялбергана, Мусаева и др.

Как филолога широкого профиля, У. Н. Кожурова интересовали вопросы изучения произведений народных поэтов Каракалпакии и фольклора. Главным его достижением в этой области был перевод одного из самых крупных эпических произведений каракалпакского эпоса — поэмы «Кырк-

кыз». Важное значение имеет также оставшийся в силу ряда причин неизданным труд «Каракалпакский фольклор и его изучение», который до сих пор не потерял своего научного значения. Его научными статьями «Виды и жанры каракалпакской литературы» (совместно с К. Аимбетовым), «Бердах», «Новый успех каракалпакского искусства», а также статей о творчестве каракалпакских писателей, опубликованной в Большой Советской Энциклопедии, пользуются и современные исследователи каракалпакской литературы.

Филологические интересы У. Н. Кожурова простирались и в область языкознания. Он является автором ряда статей по вопросам усовершенствования каракалпакского алфавита, орфографии и разработки каракалпакской терминологии. Большим вкладом в каракалпакскую лексикографию явилось издание первого «Русско-каракалпакского словаря», подготовленного при его активном участии.

Являясь в последние годы старшим научным сотрудником Каракалпакского научно-

исследовательского Института истории, языка и литературы, ныне вошедшего в систему Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР, У. Н. Кожуров проводил и значительную научно-организационную работу по сбору и изучению национального фольклора и произведений классиков каракалпакской литературы.

Перу У. Н. Кожурова принадлежат также художественные и публицистические произведения.

Многогранная деятельность У. Н. Кожурова, как писателя и ученого, отмечена наградами Каракалпакской АССР.

Ранняя кончина Урунбека Нуржановича Кожурова — в возрасте сорока четырех лет — явилась большой потерей для науки и культуры Каракалпакии. Однако его творческое и научное наследие не потеряло своего значения и продолжает служить советской филологической науке.

Н. А. Баскаков

Х Р О Н И К А

О СОСТАВЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

Постановлением Президиума Академии наук СССР от 7 февраля 1980 года утверждён следующий состав Советского комитета тюркологов:

бюро комитета: Кононов А. Н. (председатель), Тенишев Э. Р. (заместитель председателя), Нурмухамедов М. К. (заместитель председателя), Благова Г. Ф. (ученый секретарь), Баскаков Н. А., Гаджиева Н. З., Кайдаров А. Т., Махмутова Л. Т., Мухарямов М. К., Орузбаева Б. О., Ширалиев М. Ш., Хабишев М. А., Чарыяров Б. Ч.;

члены комитета: Абдуллаев А. З., Абдурахманов Г. А., Андреев И. А., Ахатов Г. Х., Ахматов И. Х., Ахундов А. А., Бердыбаев Р., Боргояков М. И., Гаджиева С. Ш., Гарилов Т. М., Гузев В. Г., Джанашиа Н. Н., Джикия С. С., Желтяков А. Д., Закиев М. З., Иванов С. Н., Карриев С. А., Кенесбаев С. К., Кляшторный С. Г., Коркина Е. И., Кормушин И. В., Короглы Х. Г., Кошчанов М. К., Кудайбергенцов С., Кузнецов П. И., Левитская Л. С., Монгуш Д. А., Мусаев К. М., Мухамедъяров Ш. М., Наджип Э. Н., Насилов Д. М., Насыров Д. С., Петросян Ю. А., Покровская Л. А., Рахимов Т. Р., Серебринников Б. А., Соколов С. А., Стеблева И. В., Суразаков С. С., Талыбзаде К. А., Тумашева Д. Г., Тыбыкова А. Т., Убрятова Е. И., Ураксин З. Г., Фазылов Э. И., Цыбульский В. В., Шамсутдинов А. М., Щербак А. М., Юлдашев А. А.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР (1975—1980)

С 1958 года работает постоянный Ленинградский общегородской тюркологический семинар, объединяющий тюркологов различных научно-исследовательских институтов, вузов и библиотек города: Ленинградских отделений Института востоковедения и Института языкознания, Ленинградской части Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде, а также Восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова.

На заседаниях семинара обсуждаются различные проблемы тюркологии, отмечаются памятные даты, заслушивается информация о деятельности учреждений и организаций тюркологического профиля в нашей стране и за рубежом. В докладах находят отражение вопросы, привлекающие внимание участников новизной, а подчас и неожиданностью, нетрадиционностью интерпретации. Это обуславливает неослабевающий интерес тюркологов к работе семинара и обеспечивает его успешную и плодотворную деятельность на протяжении многих лет.

В течение семнадцати лет бюро семинара возглавлял доктор исторических наук, профессор А. Д. Новичев. В состав избранного в феврале 1975 года бюро семинара входят: академик А. Н. Кононов, заведующий кафедрой тюркской филологии Восточного факультета ЛГУ, профессор С. Н. Иванов (председатель), заместители — заведующий тюрко-монгольским кабинетом ЛО ИВ АН СССР С. Г. Кляшторный, заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока Восточного факультета ЛГУ, профессор

А. Д. Желтяков, заведующий сектором Средней Азии ЛЧ ИЭ АН СССР С. М. Абрамзон (после его смерти в 1977 г. — ученый секретарь этого института В. П. Курылев), старший научный сотрудник сектора теории грамматики и типологических исследований ЛО ИЯ АН СССР Д. М. Насилов, а также профессор Восточного факультета ЛГУ А. Д. Новичев и сотрудник ЛО ИВ АН СССР Л. Я. Медведева (секретарь).

Историческая тематика нашла отражение в докладах Ю. А. Петросяна («Некоторые узловые проблемы исследования Новой истории Турции» — 1979), А. Т. Тагирджанова («Происхождение булгар» — 1975, 1977), С. М. Иванова [«Конец „особых отношений“ (Американо-турецкие отношения на современном этапе)» — 1975 и «Политика США во время кипрских событий 1974 г.» — 1976], А. А. Колесникова (цикл докладов «Современная Турция» — 1977, 1978).

Вопросам источниковедения, текстологии и эпиграфики были посвящены выступления Т. И. Султанова («Письма золотоордынских ханов как документы эпистолярного характера» — 1975), А. П. Векилова («Об одном эпиграфическом памятнике из крепости Измаил» — 1976), А. П. Григорьева («Сопоставительный анализ чингизидских жалованных грамот XIII—XV вв.» — 1977 и «Работа над текстами золотоордынских арлыков» — 1978).

Итоги и перспективы археологических работ на территории Монгольской Народной Республики получили освещение в докладе С. Г. Кляшторного (1977).

На семинаре было заслушано большое количество выступлений этнографического плана, в числе которых следует упомянуть доклады: Р. Я. Рассудовой («О термине „кишлак“» — 1975), В. П. Курылева [«Типы скотоводческого хозяйства казахов XIX — начала XX вв. (Опыт типологии)» — 1977], С. М. Абрамзона [«Казахско-киргизские этнокультурные связи в свете этнографии» — 1977], В. П. Дьяконовой («Некоторые вопросы общественного устройства телегитов Горного Алтая» — 1978), Л. П. Потапова («Ерсу в орхонских надписях и этнографии» — 1978), Л. Л. Викторовой («К проблеме формирования монгольского ареала в системе алтайских языков» — 1978, 1979).

Тюркская филология на заседаниях семинара была представлена в докладах академика А. Н. Кононова («О природе тюркских аффиксальных морфем» — 1977), И. В. Кормушина («О чередовании типа *адак/аяк/ура* 'нога' и проблеме древнетюркской языковой общности» — 1976), Д. М. Насилова («Вопросы алтаистики в трудах В. В. Радлова» — 1975 и «Лингвистические взгляды Алишера Навои» — 1978), В. Г. Кондратьева («Публицистические статьи Дурсуна Акчама» — 1975), С. Н. Иванова («К 70-летию Айбека» — 1975).

Специальное заседание семинара было посвящено памяти выдающегося венгерского тюрколога Ю. Ф. Немета, с докладом о его жизни и деятельности выступил А. Н. Кононов (1977) и памяти С. М. Абрамзона (выступления: А. Н. Кононова, Л. П. Потапова, А. М. Решетова, В. П. Курылева). На заседаниях отмечались: 60-летие со дня смерти В. В. Радлова (доклад А. Н. Кононова — 1978), 100-летие со дня рождения С. Е. Малова (1980).

Тюркологический семинар заслушал информацию Ю. А. Петросяна о работе Совета по проблемам изучения Турции. Большой интерес вызвало сообщение профессора Э. Р. Тенишева о III Международном тюркологическом конгрессе в Стамбуле (1979).

Семинар обсудил книгу Олжаса Сулейменова «Аз и Я», ряд основных идей которой был подвергнут компетентной критике (1976).

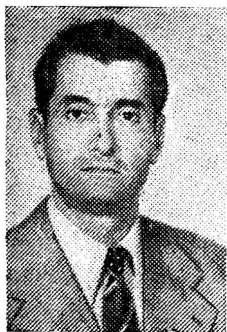
На семинаре были заслушаны и некоторые не традиционные для тюркологии доклады: А. Х. Рафикова («Литература о Востоке в книжных собраниях А. И. Остермана и Г. Я. Кера» — 1975), С. Г. Кляшторного («Мифология орхонских тюрков» — 1978), Л. А. Покровской («Этюд о народной песне как источнике сравнительного изучения тюркских языков» — 1979).

Своими впечатлениями о зарубежных поездках поделились с участниками семинара В. Г. Гузев («Сообщение о командировке в Болгарию» — 1977) и А. А. Колесников («Турция по личным впечатлениям» — 1979).

Ленинградский тюркологический семинар объединяет ученых разных поколений и различных профессиональных интересов; это спаянный, богатый традициями коллектив, которому хочется пожелать дальнейших успехов в работе.

Р. М. Булгаков

«ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ПРОСТЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ»

29 сентября 1980 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности «Тюркские языки» при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации заведующим

отделом русского языка Института языкознания им. Насими **Алекперовым Айдыном Кулам оглы** на тему «Лексическая семантика простых глаголов в современном азербайджанском языке».

Диссертационная работа А. К. Алекперова состоит из предисловия, введения, шести глав, заключения и библиографии. Во введении дается определение предмета, объекта, методики и цели исследования, указываются его источники. Работа включает: теоретические предпосылки синхронного описания лексической семантики — системно-структурный подход к языку и речи, к парадигматике и синтагматике (глава I); семиологическое моделирование полнозначного слова и раскрытие эвристической лингвистической значимости геометрически развертываемой динамической абстрактной идеальной модели словесного знака (глава II); анализ категориальной семантики глагола и субъектно-предикатных отношений ситуативно-событийных действий-процессов (глава III); проблематику тождеств и различий

лексических значений азербайджанских базовых глаголов: моносемию — изосемию и синонимию — квазисинонимию (глава IV); энантиосемию и антонимию (глава V); ближайшую полисемию и эквонимию (глава VI). В заключении сформулированы важнейшие результаты исследования и выводы.

Диссертантом в работе последовательно осуществлен принцип перехода от общих вопросов к частным и обосновано положение, согласно которому при решении проблемы значения слова следует исходить из семиологического динамического сопряжения формы и смысла, скрепленных идеальной сигнификативной осью структурно-функциональной диссимметрии словесного знака и способов существования лексического значения в его содержательных признаках и формальных опосредствованиях.

Официальные оппоненты — член-корреспондент АН Азерб. ССР А. А. Оруджев, д-р филол. наук Н. З. Гаджиева, д-р филол. наук, проф. Г. А. Байрамов, а также выступившие на заседании члены совета — академик АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиев, член-корреспондент АН Азерб. ССР З. И. Будагова, д-р филол. наук, проф. М. Т. Тагиев и д-р филол. наук В. И. Асланов отметили, что диссертационная работа А. К. Алекперова является оригинальным георетическим исследованием проблематики лексической семантики на материале азербайджанского непроизводного глагола и имеет большое значение для практической лексикографии.

Специализированный совет единогласно решил ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении А. К. Алекперову ученой степени доктора филологических наук.

Р. Дж. Маггеррамова

«СТРОЙ ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА»

16 декабря 1980 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания Академии наук СССР состоялась защита докторской диссертации «Строй чулымско-тюркского языка», представленной заведующей кафедрой иностранных языков, доцентом Саратовского педагогического института им. К. А. Федина **Бирюкович Римой Махмутовной**.

Продолжая дело, начатое А. П. Дульзоном, известным исследователем сибирских языков, Р. М. Бирюкович посвятила многие годы изучению бесписьменного языка чулымских тюрков, сохранившего в своем строе многие реликтовые явления. Основываясь на обширном полевом материале, собранном ею в экспедициях, проводившихся в тяжелых условиях сибирской тайги, Р. М. Бирюкович представила оригинальный труд, предметом анализа которого явились

различные категории языковой структуры чулымско-тюркского языка.

Работа состоит из введения, восьми глав, объединенных тематически в три части (I. Звуковой строй, II. Грамматический строй и III.

Место чулымско-тюркского языка среди тюркоязычных

ареалов Сибири), а также приложения в котором приведены данные экспериментальных исследований и схематические карты фонетических и морфологических изоглосс. В работе удачно сочетаются приемы традиционных и современных методов исследования.

Диссертант продемонстрировала удачный опыт проникновения в семантическую структуру чулымско-тюркского языка, опираясь на методы компонентного и семантического анализа предложения и грамматических оппозиций. Обращение автора к универсальным семантическим оппозициям позволило дать убедительное объяснение функционированию категории принадлежности — одного из пока еще неразрешенных вопросов тюркской грамматики. Слабая изученность до последнего времени диалектов и говоров чулымско-тюркского языка приводила к неточностям при определе-

нии его места среди других тюркских языков. Применение диссертантом ареального метода позволило ей выделить общие дифференциальные признаки диалектов, многие из которых вместе с тем являются и дифференциальными признаками чулымско-тюркского языка в целом, а также внести существенную корректировку в соотношение диалектов чулымско-тюркского языка и диалектов и языков тюркоязычных ареалов Сибири.

Выступившие на защите официальные оппоненты д-р филол. наук А. А. Юлдашев, д-р филол. наук, проф. Д. Г. Тумашева, д-р филол. наук, проф. Т. М. Гарипов отметили, что работа Р. М. Бирюкович является значительным вкладом в изучение бесписьменных тюркских языков Сибири. Член-корреспондент АН СССР Б. А. Серебрянников в своем выступлении подчеркнул, что научная ценность представленной к защите диссертации не вызывает сомнения и что диссертантом собран и исследован большой фактический материал живого бесписьменного языка, а также дано теоретическое обоснование места чулымско-тюркского языка среди других тюркских языков.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Р. М. Бирюкович ученой степени доктора филологических наук.

Э. Р. Тенишев

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ В 1980 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	Стр.
Мусаев К. М. (Москва). В. И. Ленин и развитие тюркских языков в СССР	2	3—13
Первое десятилетие	1	3—7

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Баскаков Н. А. (Москва). Процессы ареальной интеграции в истории тюркских языков	4	3—6
Кайдаров А. Т., Кажобеков Е. З. (Алма-Ата). Гомогенные корни и их лексико-семантическое развитие	3	17—24
Кононов А. Н. (Ленинград). Заметки по морфологии турецкого языка (I)	2	14—20
Кононов А. Н. (Ленинград). Заметки по морфологии турецкого языка (II)	3	3—16
Кононов А. Н. (Ленинград). Семантика и функции глагольной связи $turur > -turur/-duru > -tur/-dur > -tu/-du > -t/-d$	5	3—13
Мусаев К. М. (Москва). К истории союзов в тюркских языках	6	3—11
Юлдашев А. А. (Москва). Историческое развитие взаимного залога тюркского глагола	4	7—21

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Аракин В. Д. (Москва). О тюркизмах в языке новгородских грамот на бересте	5	14—19
Астемирова Ф. Б. (Махачкала). Роль русского языка в формировании кумыкской лингвистической терминологии	3	25—31
Ахмедов Б. Я. (Ташкент). О некоторых факторах влияния русского языка на узбекские словосочетания	3	32—35
Гукасян В. Л. (Баку). Об азербайджанско-грузинских языковых контактах	4	22—33
Добродомов И. Г. (Москва). Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка	2	21—29
Райкова В. Е. (Москва). К проблеме фонетического оформления анлаута старых русизмов в хакасском языке	1	28—31
Сетаров Д. С. (Шяуляй, Литовская ССР). Тюркизмы в русских названиях животного мира	1	8—27

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Маштакова Е. И. (Москва). Два тахмиса Васыфа Эндерунлу как сочинения турецкой «городской» литературы	6	12—19
Урманчеев Ф. (Елабуга). Легенды о болгарских богатырях и сказание об Алпамыше	2	30—38

	№	Стр.
Урманчиев Ф. (Елабуга). Традиции тюркского эпоса в сказании «Джиг Мэрген»	4	34—42

ОНОМАСТИКА

Бушаков В. А. (Аскания-Нова). О первоначальном названии Аскания-Нова — «Чапли»	1	50—52
Гусейнзаде А. (Баку). Об одном топониме Апшеронского полуострова («Дуванны»)	5	20—24
Камалов А. (Уфа). О топонимии Башкирии	2	39—46
Саттаров Г. Ф. (Казань). Названия населенных пунктов Татарии, производные от аллонимов	3	36—41
Саттаров Г. Ф. (Казань). Этнотопонимы Татарии	1	32—49

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Гусейнов Ф. Г. (Баку). О тюркоязычной основе суффикса -ач в русском языке	6	51—55
Ким С. С. (Ташкент). К проблеме совершенствования русско-национальных словарей	5	25—30
Кузнецов П. И. (Москва). Генезис тюркского аориста	6	32—43
Кузнецов П. И. (Москва). К обоснованию теории вербальности тюркского предложения (I)	3	48—56
Кузнецов П. И. (Москва). К обоснованию теории вербальности тюркского предложения (II)	4	43—54
Мамедов Н. Х. (Баку). Отражение древнетюркских лексических элементов в талышском языке	3	57—68
Нигматов Х. Г. (Бухара). О характере грамматического значения тюркских форм и категорий	6	44—50
Офросимова-Серова Л. Г. (Москва). Источники этимологических словарей региональных групп тюркских языков и практические вопросы подготовки материалов этих словарей	1	53—58
Серебренников Б. А. (Москва). Загадка аффиксального аблаута а:у в тюркских языках	3	42—47
Серебренников Б. А. (Москва). Являются ли тюрко-монгольские параллели средством проникновения в глубины истории тюркских языков?	6	23—31
Ширалиев М. Ш. (Баку). О творительном падеже	6	20—22

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Тенишев Э. Р. (Москва). Сергей Ефимович Малов	6	56—63
---	---	-------

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Абдуллаева Н. Дж. (Баку). Варианты сложносочиненных предложений с пояснительной связью	4	55—62
Агаева И. С. (Баку). Взаимодействие художественного и научного стилей современного азербайджанского литературного языка	2	47—56
Ализаде З. А. (Баку). Синтактико-стилистические особенности пословиц и поговорок в азербайджанском языке	1	59—67
Арсланов Л. Ш. (Елабуга). Роль экстралингвистических факторов в формировании татарских говоров Волгоградской, Астраханской областей и Ставропольского края	5	68—74
Ахметьянов Р. Г. (Казань). «Лес», «дерево» и «барс» у тюрков	5	87—95
Бегжанов Т. (Нукус). Заметки об этимологии некоторых скотоводческих терминов в каракалпакском языке	4	85—89
Бирюкович Р. М. (Саратов). Семантика и формы выражения способов глагольного действия в чулымско-тюркском языке	1	68—77
Боргоякова Т. Г. (Абакан). Классификация фразеологических единиц хакасского языка по семантической слитности компонентов	4	72—80

	№	Стр.
Гаджихамедов Н. Э. (Ленинград). Система прошедших времен ку- мыкского индикатива	6	76—81
Зикриллаев Г. Н. (Бухара). Компонентный анализ синтетических форм прошедшего времени в узбекском языке	5	46—54
Ишбердин Э. Ф. (Уфа). Камень с «загадочными» знаками	2	64—67
Ишбердин Э. Ф. (Уфа). Ударение и система гласных башкирского языка	5	55—58
Кляшторный С. Г. (Ленинград). Терхинская надпись	3	82—95
Кондратьев В. Г. (Ленинград). Основные тенденции развития в мор- фологическом строе тюркских языков	5	31—36
Котлеев В. И. (Чебоксары). Фонетическая характеристика звонкости интервокальных шумных согласных в современном чувашском языке	3	69—77
Кудачина Н. (Москва). К этимологии слова «бай» в алтайском языке	5	82—86
Матгазиев А. (Фергана). О роли письменно-литературной традиции в формировании и развитии современного узбекского литератур- ного языка	5	37—45
Меметов А. (Ташкент). О терминах родства в крымско-татарском языке	6	70—75
Наджиб Э. Н. (Москва). «Пятиязычный словарь Дамаскина»	2	57—63
Рахимова Р. К. (Казань). К изучению татарской профессиональной лексики	4	90—99
Сафиуллина Ф. С. (Казань). Функционально-семантическая категория утверждения и отрицания	5	59—67
Сулейманов Х. С. (Ташкент). По рукописным фондам Индии	2	68—73
Трофимов М. И. (Ош). О смысловозначительной функции ударения в узбекском языке в сопоставлении с русским	4	63—71
Турабаева Р. А. (Ташкент). Лингвистические особенности прагмати- ческого аспекта перевода с английского языка на узбекский	5	75—81
Умаров Э. А. (Ташкент). Роль мотивировки фразеологизмов в изу- чении их архаичных компонентов	4	81—84
Уринбаев Б. У. (Джизак). Специфика разговорной речи и террито- риального диалекта	6	64—69
Федотов М. Р. (Чебоксары). Заметки о переводе с одного тюркского языка на другой	1	78—83
Халикова Р. Х., Хисаметдинова Ф. Г. (Уфа). О некоторых консонант- ных сочетаниях в тюркских и самодийских языках	3	78—81

РЕЦЕНЗИИ

Абдуллаев К., Джалилов Ф. (Баку). Г. Э. Бағыров. Бәдин әсәрләрдә данышыг дилинин грамматик хусусијјәтләри	1	90—92
Азнагулов Р. Г., Кильмухаметов Т. А. (Уфа). А. Х. Вахитов. Башкир- ский советский роман	5	100—102
Алекперов А. К. (Баку). М. И. Адилов. Азәрбајҹан дилиндә тәглиди сөзләр	1	89—90
Ахметшин Б. Г. (Уфа). «Вопросы башкирской фольклористики»	3	100—102
Ахундов А. А. (Баку), Хабичев М. А. (Карачаевск). Н. З. Гаджиева. Тюркоязычные ареалы Кавказа	6	86—87
Бердибаев Р. (Алма-Ата). «Казахские сказки о животных»	2	80—81
Будагова З. И., Эйвазова Р. Г. (Баку). Ф. Р. Зејналов. Гәдим түрк јазылы абидәләри	6	82—83
Бушуй А. М. (Самарканд). «Kasantatarische Volkslieder»	6	93
Дмитриева Л. (Ленинград). Я. С. Ахметгалеева. Исследование тюр- коязычного памятника «Кисекбаш китабы»	2	76—77
Доспанов У. Д. (Нукус). Г. Х. Ахатов. Татарская диалектология (1977); Г. Х. Ахатов. Татарская диалектология (1979)	5	98—100
Искаков Б. И. (Алма-Ата). «История казахской литературы»	4	100—101

	№	Стр.
<i>Калыбаева (Хасенова) А. К.</i> (Алма-Ата). Н. Оралбаева. Қазіргі қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттары; Н. Оралбаева. Қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттарының құрылысы мен мағынасы	2	78—79
<i>Лукин Б. В.</i> (Ташкент). А. П. Базиянц. Владимир Александрович Гордлевский	1	94—95
<i>Магеррамова Р. Дж., Мехтиева С. Г.</i> (Баку). Х. Назарова. Особенности синтаксического строя узбекского литературного языка конца XV—начала XVI века	1	86—88
<i>Наджиб Э. Н.</i> (Москва). <i>Кичиков А. Ш.</i> (Элиста). Н. Ш. Хисамов. Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул'Али	3	102—103
<i>Наджиб Э. Н.</i> (Москва). М. А. Усманов. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI веков	5	105—106
<i>Омарбеков С.</i> (Алма-Ата). «Өрелі өнер»; «Сөз өнері»	1	92—93
<i>Рамазанов Г. З.</i> (Уфа). Рымгали Нургалиев. Поэтика драмы	4	102—104
<i>Сафиуллина Ф. С.</i> (Казань). И. Б. Бәширова. Сәнгатьле чәчмә әсәрләр теле	6	84—85
<i>Тенишев Э. Р.</i> (Москва). Т. М. Гарипов. Кыпчакские языки Урало-Поволжья	1	84—86
<i>Умаров Э. А.</i> (Ташкент). «Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии»	2	81—82
<i>Ураксин З. Г.</i> (Уфа). О. Т. Молчанова. Топонимический словарь Горного Алтая	6	91—92
<i>Фисакова Г. Г.</i> (Кемерово). В. И. Рассадин. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении	6	88—91
<i>Хаков В. Х.</i> (Казань). Х. Р. Курбатов. Татарская лингвистическая стилистика и поэтика	5	96—98
<i>Чеченов А. А.</i> (Москва). И. Х. Ахматов. Проблемы семантического анализа простого предложения	3	96—100
<i>Чеченов А. А.</i> (Москва); Р. М. Бирюкович. Морфология чулымско-тюркского языка	2	74—76
<i>Юлдашев Б.</i> (Самарканд). «Паремииология Узбекистана» Вып. II	6	94—95

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ганиев Ф., Сафиуллина Ф.</i> (Казань). Конференция по татарскому языкознанию	2	83—86
<i>Говорухина В. А., Нуралиев Д.</i> (Ашхабад). К столетию со дня рождения академика А. Н. Самойловича	6	96—97
<i>Скрибник Е. К.</i> (Новосибирск). «Сложное предложение в языках разных систем»	1	96—98
<i>Чистяков Э. Ф., Есипова А. В.</i> (Новокузнецк). Вопросы шорской филологии	3	104—105

PERSONALIA

<i>Ахундов А.</i> (Баку). Мухтар Гусейн оглы Гусейнзаде	2	89—90
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Урунбек Нуржанович Кожуров	6	98—99
<i>Гусейнов Ф. Г., Багиров А. А.</i> (Баку). Алиовсат Закир оглы Абдуллаев	1	104—105
<i>Зейналов Ф. Р., Азизов Э. И.</i> (Баку). Абдулла Гусейн оглы Велиев	1	106—107
<i>Кайдаров А. Т.</i> (Алма-Ата). Нигмет Тналич Сауранбаев	4	105—107
<i>Каримов К., Умаров Э.</i> (Ташкент). Салих Муталибов	3	106—108
<i>Мамедов Н. Дж.</i> (Баку). Азиз Мирфейзулла оглы Мирахмедов	1	102—103
<i>Поцелуевский Е. А., Тенишев Э. Р.</i> (Москва). Николай Александрович Баскаков	2	87—88
<i>Соегов М.</i> (Ашхабад). Ходжамурад Байлиев	5	107—109
<i>Хузангай А. П.</i> (Чебоксары). Василий Георгиевич Егоров	1	99—101
<i>Чеченов А. А., Тенишев Э. Р.</i> (Москва). Ахнеф Ахметович Юлдашев	4	108—109

ХРОНИКА

№ Стр.

Баскаков Н. А. (Москва). Памяти Алессандро Бомбачи	2	106—108
Благова Г. Ф. (Москва). Шестое пленарное заседание Советского Комитета тюркологов	2	91—105
Булгаков Р. М. (Ленинград). Ленинградский тюркологический семинар (1975—1980)	6	100—101
«Лексическая семантика простых глаголов в современном азербайджанском языке»	6	102
О составе Советского комитета тюркологов	6	100
«Синтаксическая синонимия в современном азербайджанском языке»	3	109
«Строй чулымско-тюркского языка»	6	103

НЕКРОЛОГ

Сазон Саймович Суразаков /	2	109—110
--------------------------------------	---	---------

К. М.

Е. И.

М. Л.

Б. А.

П. И.

Х. Г.

Ф. Г.

Э. Р.

Б. У.

А. М.

Н. Э.

З. И.

Ф. С.

А. А.

Г. Г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- К. М. Мусаев (Москва). К истории союзов в тюркских языках 3

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- Е. И. Маштакова (Москва). Два тахмиса Васыфа Эндерунлу как сочинение турецкой «городской» литературы 12

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- М. Ш. Ширалиев (Баку). О творительном падеже 20
Б. А. Серебрянников (Москва). Являются ли тюркско-монгольские параллели средством проникновения в глубины истории тюркских языков? 23
П. И. Кузнецов (Москва). Генезис тюркского аориста 32
Х. Г. Нигматов (Бухара). О характере грамматического значения тюркских форм и категорий 44
Ф. Г. Гусейнов (Баку). О тюркоязычной основе суффикса *-ач* в русском языке 51

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Э. Р. Тенишев (Москва). Сергей Ефимович Малов 56

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Б. У. Уринбаев (Джизак). Специфика разговорной речи и территориального диалекта 64
А. Меметов (Ташкент). О терминах родства в крымско-татарском языке 70
Н. Э. Гаджихмедов (Ленинград). Система прошедших времен кумыкского индикатива 76

РЕЦЕНЗИИ

- З. И. Будагова, Р. Г. Эйвазова (Баку). Ф. Р. Зејналов. Гәдим түрк јазылы абидәләри 82
Ф. С. Сафиуллина (Казань). И. Б. Бәширова. Сәнгәтләр чәчмә әсәрләр теле 84
А. А. Ахундов (Баку), М. А. Хабичев (Карачаевск), Н. З. Гаджиева. Тюркоязычные ареалы Кавказа 86
Г. Г. Фисакова (Кемерово). В. И. Рассадин. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении 88

З. Г. Ураксин (Уфа). О. Т. Молчанова. Топонимический словарь Горного Алтая	91
А. М. Бушуй (Самарканд). «Kasantatarische Volkslieder»	93
Б. Юлдашев (Самарканд). «Паремнология Узбекистана». Вып. II	94

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. А. Говорухина, Д. Нуралиев (Ашхабад). К столетию со дня рождения академика А. Н. Самойловича	96
---	----

PERSONALIA

Н. А. Баскаков (Москва). Урунбек Нуржанович Кожуров	98
---	----

ХРОНИКА

О составе Советского комитета тюркологов	100
Р. М. Булгаков (Ленинград). Ленинградский тюркологический семинар (1975—1980)	100
«Лексическая семантика простых глаголов в современном азербайджанском языке»	102
«Строй чулымско-тюркского языка»	102
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1980 году (№№1—6)	104

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

K. M. Musayev (Moscow). Towards history of conjunctions in the Turkic languages	3
---	---

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

E. I. Mashtakova (Moscow). Two tachmises by Vasyf Enderunlu as works of the Turkish «urban» literature	12
--	----

DISCUSSIONS

M. Sh. Shiraliyev (Baku). On the instrumental case	20
B. A. Serebrennikov (Moscow). Are the Turkic-Mongolian parallels the means of penetration in the depths of history of the Turkic languages?	23
P. I. Kuznetsov (Moscow). Genesis of the Turkic aorist	32
Kh. G. Nigmatov (Bukhara). On character of grammatical meaning of the Turkic forms and categories	44
F. G. Guseinov (Baku). On the turkic origin of the suffix -ač in Russian	51

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

E. R. Tenishev (Moscow). Sergei Yefimovich Malov	56
--	----

REPORTS, SURVEYS

B. U. Urinbayev (Djizak). Specific character of colloquial speech and territorial dialect	64
---	----

A. Memetov (Tashkent). On terms of relationship in the Crimean-Tatar language . . .	70
N. E. Gadzhiakhmedov (Leningrad). System of past tenses of the Kumyk indicative . . .	76

REVIEWS

Z. I. Budagova, R. G. Eivazova (Baku). Ф. Р. Зејналов. Гәдим түрк јазылы абидәләри	82
F. S. Safiullina (Kazan). И. Б. Бәширова. Сәнгәтләр чәчмә әсәрләр теле	84
A. A. Akhundov (Baku), M. A. Khabichev (Karachaevsk). Н. З. Гаджиева. Тюрко-язычные ареалы Кавказа	86
G. G. Fisakova (Kemerovo). В. И. Рассадин. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении	88
Z. G. Uraksin (Ufa). О. Т. Молчанова. Топонимический словарь Горного Алтая	91
A. M. Bushui (Samarkand). «Kasantatarische Volkslieder»	93
B. Yuldashev (Samarkand). «Паремиология Узбекистана». Вып. II	94

SCIENTIFIC LIFE

V. A. Govorukhina, D. Nuraliyev (Ashkhabad). Commemorating the 100th anniversary of academician A. N. Samoilovich	96
---	----

PERSONALIA

N. A. Baskakov (Moscow). Urumbek Nurzhanovich Kozhurov	98
--	----

CHRONICLE

On staff of the Soviet Committee of turkologists	100
R. M. Bulgakov (Leningrad). The Leningrad Turkological seminar (1975—1980)	100
«Lexical semantics of simple verbs in modern Azerbaijan language»	102
«System of the Chulym-Turkic language»	103
References of the articles published in «Soviet Turkology» in 1980 (№№ 1—6)	104

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Рукописи не возвращаются

Корректоры Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова

Сдано в набор 27/I-1981. Подписано к печати 28/IV-1981 г. ФГ 26236. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 526. Тираж 3126. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал